ЛѢТОПИСЪ

1847.

ЧАСТЬ ПЕРВА.

ТРОШКОМЪ

МАТИЦЕ СЕРБСКЕ.

ГОДИНА XXI. КЊИГА 76.

1. Позываюсе учтивѣйше сви Сербски Списателъи, да бы своимъ уважаемымъ прилозима Лѣтописъ Сербскій красили. Особито пожелѣне ствари за Лѣтопис̀ъ быле бы народне преповѣдке, гатке, сказке, пословице и пѣсмице.

2. П. Т. Господа Настоятелъи Монастыра умоляваюсе пристойнѣйше, да бы намъ оне ствари преписане или описане послали, кое су или за нашу Церкву или за народность, за єзыкъ, Історію и древность отъ кое важности.

3. Молимо сву ону Господу, коима ма когъ рода древность наша или обще Славенска до очію или руку дође, да намъ ту поне у препису или точномъ описанію сообще. Такове древности могу се наћи у каквымъ спомеиицыма, камену, дрвету, развалинама, предѣлима, сказкама, надписима, художественнымъ стварма, хартіи, и пр.

4. Молимо Честнѣйшу Господу Свящепике, а и сву другу Господу, кои то знаду, да намъ пошлю описаніе наши народны обычая при жетви, или другой коіой радньи, у сватовы, о крстномъ имену, о Іваню дну, о Божићу и другимъ праздницыма; при погребу, о ружичалу, задушницама и другимъ подобнымъ приликама.

Примѣчаніе. Не мора то све сустематически и по правилама списателъскима описано быти, мы ћемо задовольни быти, ако намъ се ма само нѣколико просто написаны верста, ма єдно просто примѣчаніе, пошлѣ; оно ће послѣ на своимъ мѣсту у своимъ реду употребљѣно быти.

Рус. 602

СЕРБСКІЙ

ЛѢТОПИСЪ

ЗА ГОД. 1847.

ЧАСТЬ ПЕРВА.

Отъ Пеште даж' до Чрне Горе
Дѣлатель прилѣжанъ свѣм' да спѣши.

Л. Мушицкій.

Свевысочайше дарованымъ Правомъ

МАТИЦЕ СЕРБСКЕ.

ГОДИНА XXI. КЊИГА 76.

У БУДИМУ

Писмены Крал. Свеучилища Пештанскогъ.

Инв. бр.....

Инв. бр. 2364

СОДРЖАНІЄ.

		страна
I.	Грађа за повѣстницу Сербску – – –	1
II.	Жуковскій. Романтика у Руссіи – – –	49
III.	Извѣстіе о дѣланю Матице Сербске. – –	80
IV.	Нѣке черте изъ повѣстнице Сербскогъ кньижества – – – – – – – –	91
V.	Перавска звѣзда, образъ изъ повѣстнице Моравске – – – – – – – –	109
VI.	Стіхотворенія – – – – – – –	135
VII.	Кньижество Сербско – – – – –	141
VIII.	Смѣсице – – – – – – – –	153

СОДЕРЖАНІЕ

I.

ГРАЂА ЗА ПОВЂСТНИЦУ СЕРБСКУ.

Сербски войницы у француской войни одъ 1800—1801.

одъ ц. к. Маіора Станислава отъ Шумарскогъ.

(Заключеніе.)

Год. 1800. у Италіи.

Прошаста година 1799. несрећна є была за Французе, єръ одъ ньи отеше наши сву горню Италію са 22 различита града, и тврдинѣ. Войнство ньіово голо и жалостно, изгуби сву храброст и разиђесе по болницама, и єдва су ове зиме за войну 97.063 войника способни имали. Но Генералъ Бонапарте кадъ є изъ Египта, гди є Турке тукао, крадомъ одъ Енглеза по мору у Паризъ дошао, и са свои привренici правителство на себе преотео, учини у войнству многе промѣне, и умножи войску како у И-

таліи тако и у Немецкой на Райни. Но и одъ стране наше умножи се войска особито крозъ унгарске хорватске и славонске Инсурекціе. Изъ границе хорватске – славонске и банатске дође све на войну што є годъ за пушку способно било.

5-огъ Марта пође непріателска войска напредъ и отера наше прве страже граничара и Міановића сербски фрайкоръ одъ Ранало до Кіаваре; другіи данъ отера Генералъ Сустетъ наше до Сестри. Нашъ воєный управитель Генералъ Меласъ дође 24. изъ Турина у Алессандрію, и одавде уреди наше воено разположеніе. На десно крило стане Генералъ Елсницъ са 34. Батал: 20 Ешкадрона, на лево Генералъ Хохенцолернъ са 41 Батт. 46 Ешкадр. Првый постави прве страже, понайвише граничаре, край воде Страде, а други одъ дола По до вароши Милесимо. Генералъ Каймъ стане са 29 Батт. и 16 Ешк. одъ Тенде до Готхардсберга. Генералъ Вукасовичъ стане край лаго Маџоре и Тичине. Генералъ Отъ край воде Стурле до Адріаческогъ мора. Генералъ Фрелихъ стане одъ Анконе до мора. Између тогъ дође ново уређеніе изъ Беча, те Генералъ Край за воєногъ управителя са Генерал. Лихтенштайномъ и Спанћомъ одоше на Райну немецкой войсци. Генералъ Фрелихъ позванъ у Бечъ, преда свой Коръ Генералу Кнежевићу. Франц. Главный Генералъ Масена имао є овде прећю насъ само 36.000.

6-огъ Апр. Крене Меласъ нашу войску противъ Масене напредъ, Генералъ Графъ Палфи са своіомъ четомъ, напредъ гран. Бановчани са Оберштеромъ

Стефаномъ Миайлѣвићемъ, удари на Французе, и буде са многомъ топовскомъ ватромъ поздравлѣнъ. Граничари и 1 Райски Бат. отеше обкопъ Торе са 4 топа 21 Официра и 300 просты, Французи побегну на Брдо Аюто. Генералъ Ст. Юліенъ, напредъ Ђурђевчани съ капет. Зделаровићемъ оте брдо Ноте. Већъ на све стране почну наши напредовати, алъ на єданъ ма стиже непріятелю Генералъ Султъ у помоћъ, наше заустави и ватра се умали; између тогъ Ген. Сент-Юліенъ оте брдо Леђино и зароби 2 топа и 99 Француза. Палфи юриши на Султа, Бановчани напредъ, и скупа са Французима стераю се у варошъ Савону, алъ Султъ ньи опетъ изтера. Гепералъ Готесхаймъ са своимъ Коромъ, предъ ньимъ Слуйняни, овай истый данъ кодъ Корнуе борисе 4 сата са непріятелѣмъ, отера га до Монтефасціо натрагъ, и добы овде 2 топа и 300 робова.

7. У 4 сата у ютру удари франц. Ген. на Готесхайма, кои га оштромъ ватромъ дочека, но и тако буду надбієни, и Іордіс Регимента много изгуби. Оберштеръ Аспре одъ Єгера са своима и гранич. Вараждинци брани врхъ брда Фасціе юначки. Обрістлайтнантъ Яковъ Узелацъ са свои Вараждинцы выше пута дочека непріателѣ, кои на брдо юришише на баіонете, многе пободу и доле ихъ стераю. Но непріательи умножесе, юрише опетъ, и изтераю наше изъ првогъ у другій обкопъ. Овде се наши са осветомъ борише, многи мртви падоше, понайвише Вараждинцы — Готесхаймъ буде пренуждепъ до Монтекорнуе натрагъ повуѣисе, а Масена за ньимъ у

стопце слѣди — зато мораде и одавде до дола Фонтане натрагъ ступити. Наши паде мртвы 85 а ранѣны 178. у робство одведоше франц. Обриптера Аспре-а и 1400 войника, по найвише одъ Єгера и Латерманъ Регименте.

8-огъ Оте Генералъ Хохенцолернъ Бохету на юришъ са Регементомъ Край, Алвинци и Огулинцы, но изгуби 618 мртвы и ранѣны; овай истый данъ Капет: Ившичъ одъ Банаћана са нѣговомъ компаніомъ разтера Француае кодъ брда Сенисъ, и зароби ньи 30. Генер. Найпергъ са выше войске, Банаћани на предъ, коє мало ракіомъ даде напоити, доће предъ зору преко страшна снега и велики стѣна, и пребуши непріятеля, Генер. Найпергъ улети у собу франц. Генерала Кафре-а са голомъ Сабльомъ, и повиче: ты си мой робъ! овай се маши изъ кревета за пиштоль, алъ Банаћани нагрну у нутра, отму пиштоль и заробе га са выше франц. офіціра и топова.

11-огъ Апр. Генер. Султъ и Газанъ ударе на наше кодъ Фераитре, борише се 6 сати безъ рѣшеніа, и предъ саму ноћъ добію наши одъ Генерала Меласа помоћь и разтераю непріятеля. Маіоръ Міановичъ са свои Срби и Маіоръ Петеръ и Стойчевићъ са свои Вараждинци особито су се овде отликовали.

12-огъ Удари Султъ на ново у 3 Колоне. Нѣговъ Генералъ Фресинетъ юриши на Монтефаіоле, по 3 сата дугомъ боренію отме высину и отера наше до Брикокавало. Султъ скупи своє и удари и на Брикокавало, кои є нашъ Грлъ Штикеръ браніо. Како Француаи до половине брда доћу, юриши Штикеръ са 4000

пешака на њи у 3 одѣленія са Банаћанима, и надбіе ихъ; ови по другій и трећій путъ јурише, но бадава, свакій путъ буду одбіени; 1000 француза паде мртвы понайвише одъ Оточки баіонета подъ Оберштеромъ Михайломъ Зеко. Изъ међъ тогъ Масена край мора сузбіе наше прве страже — и почне край мора напредовати; алъ енглезке и турске воене лађе приближе се баиру и почнуга свакій данъ изъ топова бити, да є морао престати далѣ ићи.

15-огъ Масена удари на Генерала Латермана близу Сафоне. Франц. Генер. Одиотъ удари на десно крило и јуриши на высину Арбизолу, алъ Гранатири наши у бубиѣ лупаюћи јурише нѣму на противъ; — страшно се, повтораваюћи јуришъ, пободу, већъ почне Одиотъ бегати, алъ Масена пошлѣ му помоћь; но, и ова му непоможе, єръ и наши добыше помоћь, и отераше Одинота скупа са Масеномъ у Фараћію натрагъ. Овде су Бановачки и Слуински баталіони са отличіемъ участвовали. Генералъ Белегарде доће француз скомъ Генералу у леви бокъ и за леђа; на єданъ ма почне француска предводница и заступица пуцати; изъ тогъ Султъ види да є међъ 2 ватре. Нашъ Генералъ Белегарде понуди га крозъ нашегъ Маіора Фолкмана одъ Генералштаба на предаю. Султъ, комъ є барутъ и рана измакла, одговори: Я имамъ баіонета и войника, хоћу да се бранимъ. 17 ноћу удари Султъ тайно, продре себи путъ, и оде къ Фолтри — много топова и людій изгубивши.

18-огъ Удари Меласъ на варошъ Фолтри. Генералъ Отъ по дугомъ боренію и пуцаню јуриши 3

путъ, но бадава; Султъ обдржа се унутри; ноћь прекине страшно бореніе, гди многи наши Банаћани и Власи мртви и ранћни падоше. Султъ видећи, да се неможе дуже бранити, и знаюћи, да му наши за леђа заилазе, побегне ову ноћь на высину кодъ вароши Сестри и Сентандріа, но и у Сестри почну га Енглези са мора бити. Меласъ седи са главнымъ квартиромъ у Фолтри.

19-огъ Апр. побеже Султъ натрагъ у Генуу, гди є и Главный Генералъ Масена са 10.000 доспео.

21-огъ Наша войска обколи издалека овай велики градъ Генуу. Генуа лежи на брегу средизем-нога мора, и есте єдна велика утврђена варошъ и градъ. Масена спремисе да 23. изъ града на наше удари, коє увода докаже, наши предъ зору дочекаю га спремни, и кадъ ови на време не ударе, то онда наши на нћгове прве страже ударе и одтераю ихъ подъ градъ, но Масена юриши и одбіє опетъ наше. Нашъ Генералъ Отъ, подъ коимъ су были одъ Граничара Личани и Оточани, удари са леве стране, граничаре разспе у тераче, и стера Французе такођеръ подъ варошке зыдине. Генералъ Хохенцолернъ, подъ ньимъ су одъ граничара Бановчани, одъ стране села Молине разтера Французе и разруши имъ крозъ землю у варошъ начинћный водотекъ. Непріятель осети, да му є вода затворена, на коє єдашъ топъ унутри пукне и таки Генералъ Міолисъ са выше одћленіа юриши на Хохенцолерна и отера наше на трагъ; на другій гласъ топа опетъ изтрче 2 одћленія на наше кодъ Монтепаризоне, и овде наше по ду-

гомъ боренію надбію. Садъ пошлѣ Генералъ Готесхаймъ Обристлайтнанта Зетвица са нѣговы 1200 Банана, кои непріятеля до Монтерати одбію; Капетанъ Глишо Цивричъ и Ааронъ Поповичъ са своимъ Компаніама потукоше овде многе Француже и отеше 2 топа. Вараждинцы пакъ подъ Маіоромъ Петромъ отъ Стойчевићъ отеше на баіонетима Монтепаризопе и многе непріятелѣ потукоше. Но садъ пукне у граду трећій топъ, на кои гласъ излети Француза изъ града велика помоћь, ударе на наше, узбію крај многи други и наше Банаћане и Вараждинце, и далѣ бы може быти отишли, алъ граничари Огулинцы стану предъ ньи како стѣне, и почну ихъ бити, съместа никудъ немицаюћи се. Ньовъ капетанъ Злунекъ и Родићъ Киро са своимъ Компаніама престану пуцати, и нападну непріятельске предняке са баіонетыма, и са тепелуци. Генер. Готесхаймъ видећи дивно боренѣ овы юнака, пошлѣ имъ помоћь; садъ сви на ново юрише и Банаћани и Вараждинцы, и отму своя пре изгубљена места. Енглези пакъ съ мора тукоше изъ лађа непрестано градъ и варошъ са топовы. Меласъ позыва француз. Главногъ Генерала Масену на предаю. Масена одговара: Я се волимъ подъ разрушене зыдине овде саранити, него Генуу предати. Знао є Меласъ да се Генуа само са глађу а не другчіе освоити може, зато преда овде Обсаду Генералу Отъ а онъ са єднымъ дѣломъ войске оде да непріятель. Генерала Сушета преко таліанске границе у Француску претера. Подъ Отомъ за обсажденіе Генуе оста на 24. 000 пѣш. и 3.500 коняника. Масена, да му є мањ

на рани, 3.027 робова са уговоромъ да до ньіове промене не служе, одпусти, коє Генералъ Отъ прими и по мору пошлѣ у Ливорно у гарнизонъ, а одтудъ дође толико овамо у помоћь.

23-егъ Оберштеръ Секажи са 1. Бат. Елачића Регим. Nr. 53. буде обколѣнъ и по томъ боренію многе изгуби и паде у робство. Фенрихъ Петаръ Маунекъ само са 50 мом. избеже юначки борећи се.

29-огъ Апр. донесе Ген. Оту увода гласъ, да у граду Генуи Французи немаю ране, и да се скоро предати мораю; но опетъ край свегъ тогъ Отъ непропушта непресѣчно пуцати и на Французе около вароши нападати! Овде се отликова Обристлайтн. Атанасіевићъ са своимъ 3. Елачићъ Бат. то су Хорвати и Славон. регулаши Числ. 53.

30-огъ Април. Генер. Фогелсангъ са леве стране яко удараюћи заварава непріятеля, да бы тамо свою силу напротивъ слао, да са десне стране нашъ Генералъ Хохенцолернъ лакше у варошъ юришити и ући може. Овай истый данъ на 2 сата пре зоре сва наша войска у логори наложи многе ватре, и докъ ове гору, завараю непріятеля, приступе полагано близу ньи и нападну на ньи непуцаюћи. У зору загрми мала и велика ватра са сува и са мора свудъ у наоколо. Немци вичу, форвертс! форвертс! а Граничари Банаћани и Хорвати: удри! удри! зато су ихъ и звали дуго; ето иду хутри хутри! Наши отеше више обкопа и монастира, кои су у околишу утврђени были. Граничке топчіе, коихъ є одъ свію Регімента 600 овде кодъ резерве было, туклису изъ топова

страховито; они су онда имали свое Офіціре, Унтер-офіціре и Каноннире, а не као садъ само просте топчіе. Алъ и французскій Генер. Масена неплаши се много, већъ самъ лети са свои генерали напредъ, и своє ободрава. Генералъ Поісонъ, надби Обрштера Фримонта, а Гаутиръ лево крыло. Ноћъ учини конацъ овомъ ужасномъ борењо и уништожи наше узданѣ, данасъ градъ добыти, и тако ову ноћь повуку се наши опетъ натрагъ. Наши оста мртвы 5 Офіціра 208 просты, ранѣны 23 Офіц. 734 просты, зароблѣны 33 Офіціра 1319 просты. Французи кажу да су имали мртвы и ранѣны 1223.

2-огъ Мая Ген. Газанъ удари на наше кодъ высине Бохете, овде га дочека Надажди регимента са Огулинцы, и по дугомъ борењю были бы надбіени, да Лайтнантъ Пера Югович одъ Шпленьи Регименте са 2 Комп. у помоћь на непріятеля с' баіонетомъ юришећи дошао ніе. Генер. Газанъ и сва нѣгова пратня буду овде ранѣны са 5 Офіц. и 135 просты. Цео месецъ Май борише се наши овде непрестано и данъ и ноћь; наши бію са сува, енглезскій Адмиралъ Каітъ съ мора. У овой вароши Генуи има 160.000 жителя окромъ 10.000 франц. Солдата. 13. Мая кодъ отимања Генуе Капетанъ Чорићъ одъ Грлштаба са 1 Бат. одъ Край и 1 Хорватскимъ по страшной киши не може пуцати, но юриши у време кадъ су се наши већъ колебати почели са баіонетма на главный обкопъ. Генер. Султъ почне своимъ подпор-Грлу Гаутиру бегати, овогъ нађе у бегству и великой буни, когъ є нашъ Грлъ Фримонтъ разбіо. Султъ добы рану, Чо-

рићъ ухвати нћга, и Генерала Газана, и више Офиціра 3 топа и 800 робова, крозъ коє Французи разбегну се. Чорићъ добіє за ово славно дѣло, што є крозъ юришъ свой дао време нашой войски скупити се, крстъ М. Терезіе. У граду раане што су имали, све є потрошено; страшна гладь садъ преоблада, мачке мишеви вашке и коньи, и све є поєдено; садъ граћани почну умирати, моле Ген. Масену да градъ и варошъ преда, алъ се овай намолити не да, но кадъ већъ види да се више одъ глади и нашегъ нападеніа бранити неможе, онда сътежкимъ срцемъ и сузнымъ очима изусти, да ће уговоръ предає правити, и тако 4. Юнія у єдной Капели на мосту састану се франц. Ген. Масена, нашъ Ф. М. Лайт. Отъ и енглезскій Адмиралъ Каітъ у 9 сатій у ютру, и заключе: да са свои 8000 франц. подъ оружіемъ наполћ изаћи — и да може къ Бонапартиной войски ићи, и тамо опетъ противъ насъ воевати; нашима є нужда была, то дозволити, єръ су знали да наши на све стране губе, и да бы Бопарте и онако до 2 дана амо дошао и наше разтерао. 5-огъ Французи изаћу а нашъ Генер. Хохенцолернъ са 16 Батал. уће унутра. — Оберштеръ Ракићевићъ са свои Банаћани стане кодъ Каса Тишме на прве страже.

6-огъ Маіа Генер. Кнежевичъ пође са 7 Комп. немецке Регим. Тошкана и 4 Комп. гранички Слуняна да отме обкопъ Колъ ди Тенда. Како се тамо приближе таки и юрише Слуняни а за ньима остали, обколе прве страже и похватаю и отму обкопъ и се-

ло Бригу са 5 топова. Кнежевичъ стане у Тенду а нѣгови отераше французе преко Сорђіе.

7-огъ Мая даде Меласъ ударити на Генер. Сушета на Монте Корво пре зоре на гласъ топа у 3 одѣленія. Генер. Брентано удари првый; грозна га ватра сретне; по краткомъ боренію буду онъ, Обристл. Буретъ, 7 офиц. 150 прости ранѣны, а Маіоръ Казаті са 30 просты паде мртавъ, алъ и тако наши біюћи повуку се непріятелю за леђа, особито пакъ Броћани и Банаћани, Французи побегну къ месту Онѣли и Монте Гранде. Іоштъ у 7 сати рано паде Франц. Генер. Кравелъ са 60 офиц. 1500 просты нашима у роблѣ. Крваво полѣ оста са многи мртвы и ранѣны Французы покривено, међь коима и наши 200.

15-огъ Маіа Ген. Графъ Сент-Юліенъ обколи еданъ Дворацъ, поче га бити и таки уговоръ предає правити, овде су Бановчани граничари у боренію први были. 16-огъ Мая Генер. Бужетъ преда се ране неимаюћи са 48 офиц. 998 войника, 146 топова, и 200 центи барута.

12-огъ Мая дође Обергенер. Бонапарте изъ Париза на таліанску границу кодъ вароши Лаузане, кудъ е пре іоштъ 46.000 войника предъ собомъ послао; овде ій прегледи и на храброст ободри, и 15-огъ Мая крене сву ову войску напредъ. Ланесъ са нѣговы 28.000 п. и 5600 коняника преће овай данъ преко страшногъ и опасногъ брда Бернхарда, и разтера наше прве страже. Но Обрштеръ Максимъ Ракичевичь одъ Топлице, са свои 1200 Банаћана у-

дари на непріятелѣ на овомъ истомъ путу, и врло дуго борећи се, и са єднымъ топомъ пуцаюћи, сатера ій натрагъ у брдине. На нѣга навали франц. Генералъ Шабранъ и Ватринъ, и 17-огъ Мая отисну га до Шатилона, гди се Ракићевићь утврди, и своє страже кодъ Шамбаве постави. Овде се отликовала компанія Капетана Андріє Милина и Марка Орешковића.

Фр. Генералъ Ватринъ пошлѣ єдно одѣленіе Ракичевићу у леву страну, друго на друмъ противъ Ракичевића, а треће преко воде Доре; овы сви 18гъ Мая послеп. у 2 сата ударе на Ракичевића. Онъ ньи дочека са 6 свои банатски компанія и 3 топа, и бори се 2 сата дуго, но кадъ види да є прекрилѣнъ, и са сви страна обколѣнъ, онда почне юначки борећи се до места Сенъ Вінценцъ уступати, и овде стане, да се до последнѣ капи крви брани, Французи на нѣга навале, но наши се юначки бранише противъ четири пута ячегъ непріятеля. Садъ Франц. Генералъ Ватрінъ са свои коняницы атагира на Обрштера Ракичевића, раздвои нѣговъ баталіонъ, млоге сасече и 300 са 3 топа зароби, остали неки побегну у брдине, а неки са Обрштеромъ у тврдиню Бардъ, гди за собомъ капію затворе, по томъ оду Банаћани одавде, а овде остане Кінски регимента. Генералъ Ланесъ обколи 19-огъ Мая Бардъ, и почне га бити, и позове градског' Коменданта Капетана Бернкопфа на предаю. Овай одговори са Картачемъ изъ 8 топова. Садъ дође Бонапарте, позове Капетана на предаю, претећи, да никомъ животъ поклонити неће. Овай

одговара да ће се до последнѣ каши крви бранити. Бонапарте 23-егъ у поноћи даде са 900 м. юришити, изъ града бію топови и пушке као киша; Французи се вратише; паде ихъ 270 мртвы, Генерали Лойзонъ и Дуфоръ ранѣни. 24-огъ Попне Бонапарте у єдну кулу 3 топа, и свудъ у наоколо почне са Кумбарама палити, ноћу юрише Французи по лествама горе, многи изгинуше, али градъ отеше.

26-огъ Мая на заповесть Бонапартину удари у 4 сата рано Француски Генер. Ланесъ на нашегъ Ф. М. Л. Хадека не далеко одъ Іфее на води Дори, и да юришити на мостъ, кои су Вараждинцы оштро бранили. Вараждинцы добію помоћь одъ Кінски регим.; Генералъ Маконъ юриши на ньи выше пута, но увекъ буде надбієнъ. Садъ овде остави Маконъ своє бореће се, и онъ оде съ другима да горе выше воду прегази и нашимъ у леву страну заће. Онъ први угази у воду, остали сви за ньимъ пређу сретно, и ударе на наше, кои мостъ морадоше оставити. Генералъ Палфи са 400 катана атагира на мостъ, и буде предъ свима првый, алъ га зрно згоди у главу, и онъ паде мртавъ, а нѣгови устуне Французыма. Кодъ села Романо састану се наши копяницы са непріятелскимъ, секоше се три сата, и одъ обадве стране многи падоше; дотле наши пешацы пређу на лађама преко воде Орцо кодъ вароши Фолѣзе. Овде изгуби Генер. Хадекъ мртвы и ранѣны 348 люди, 216 коня, а Французи 1700 люди, 360 коня. У речени обкопи были су наши млоги граничарски топчіе подъ капетаномъ Родицкій; они су се овде отликовали.

особито стражмештерь Сима Котурь изъ сремс. Лаћарка, и капралъ Стефанъ Шумарски изъ Мартинаца, они су своє обкопе оштро бранили, и не само многе Французе съ картачемъ потукли, него и 3 њиова топа срушили. Овы наши грани. топчіе, коихъ є 380 кодъ резерве было, єсу се у свакой битки добро владали, особито кодъ Генуе. Они су год. 1799 одъ више гран. регимента састављени; єдни су били овде а већа часть кодъ артилерійске резерве кодъ немецке войске на Райни. До год. 1797. были су са 3 фунташки топови, одъ кои є свакій баталіонъ 2 имао, кодъ свои регимента, а кадъ су ове године ови мали топови укинути, — онда су прешли сви къ артилер. резерви.

28-гъ Мая пређе Ланесъ преко воде Орце (кодъ Фолѣзе) са 3000 п. и 400 коњаника, и одбіе наше прве страже. Садъ Бонапарте науми сву войску скунити и нашой за леђа заиѣи, и путъ іой пресећи. Нѣговъ Генер. Миратъ пређе са 10000 преко воде Сесіе и разбіе наше. 27-огъ Мая Генер. Монце и Гили дођу са 18000 изъ Швайцерске преко брда Готхарда овамо, — и ударе кодъ Белінзоне на нашегъ Генерала Дедовича, одтуре га натрагъ, и ова се войска састане съ Бонапартиномъ, коя є садъ петъ пути яча одъ наше. 29-огъ Мая ударе на све стране на наше, и разбію Генерала Фестенберга кодъ Новаре; по дугомъ боренію буде Дедовичь преке воде Мезе претеранъ, крозъ коє Ф. М. Л. Вукасовичь, кои є ово крило са 6 Генерала подъ собомъ управляо, дође у опасность затворенъ быти, зато науми преко

воде Тицине пређи, тамо све своє уєдно скупити и непріятеля чекати. Таки пошлѣ Генерала Лаудони са 3998, Фестенберга са 3800 и Делера са 1057 преко воде, а Дедовича са 4500 на Монтецеперо. Кадъ су ови прелазили водіо є заступницу са своіомъ компаніомъ и єднымъ ешкадрономъ катана, капетанъ Царъ одъ Ђурђевчана граничара. Ови дочекаю непріятелѣ, кадъ су већъ сви наши натрагъ прешли на мосту. Франц. Генер. Монзе юриши на ньи више пути суетно, садъ почне ньовъ мостообкопъ (Бруценкопфъ) изъ 10 топова туђи, алъ Царъ зато и немари, но Ђуроци жестоку ватру бацаю, па истомъ после поноћи оставе празанъ обкопъ, разруше мостъ и оду своmъ Генералу Дедовичу на Монтценеру.

1-гъ Юніа Вукасовичь метне прве страже предъ Милано, а онъ се са войскомъ устани иза вароши. Генералъ Дедовичь стане по томъ кодъ Касане. Овай истый данъ пошлѣ Миратъ своґъ Генерала Душме и Бужет-а са войскомъ преко водеТицине, а Генерала Монѣра къ вароши Корбето, да одатле мотри на Вукасовича кодъ Мілана. Измеђъ тога злу надаюћи се, пошлѣ Вукасовичь касе, пртлягъ, болестнике и ранѣнике преко воде Лоди. 2-огъ Юніа удари се Миратова предводница са Вукасовича заступницомъ више Милана. Брођани, и Оточани, више немецки Регимента борише се овде дуго, но Ф. М. Л. Вукасовичь заповеди, те се Генералъ Делеръ, кои є нашу заступницу управляо, натрагъ до Маленяна повуче, а онъ стане кодъ Лоди, Генералъ Миратъ стане у Милану, а пошлѣ яке прелетнице (Штрайфкоманде) ле-

во и десно да као пустаіе тайно часъ овде часъ онде даню илъ ноћу покажу се, и гди нуждно буде, наше узнемирую. После полъ дана дође Бонапарте у Милано, и разшалѣ по Італіи прокламаціе слободе. Дворацъ одъ Милана буде обколѣнъ. Бонапарте зактева, да нашъ Генералъ Николети изнутра на Милано непуца, на коє овай съ тимъ уговоромъ пристане: да французи противъ овогъ Кастела никакве обкопе правити илъ тамо пуцати несмеду.

3-егъ Юніа дође Ланесъ у Павію безъ многогъ бореня, и добые овде 191 топъ, 9000 пушака, много ране и барута и 2000 наши ранѣника и болестника. Варошъ Лоди обећа Вукасовичу дати 12000 оружаны войника, ако ій Генералъ Лаудонъ предвидити хоће, коє се одобри и прими. Вукасовичь одъ наше войске крозъ непріятеля сасвимъ одцеплѣнъ, и видећи да Бонапарте за леђа му заћи намерава, и да му слабу али храбру заступницу, скоро сами граничари, сваки данъ бію и ослабляваю, скупи сву свою войску кодъ Лоди, преће преко воде Аде, даде крозъ бачванске шайкаше мостъ за собомъ порушити, и оде до Креме натрагъ. Бужетъ и Лойзонъ дођу таки за ньимъ, направе мостъ, и пређу преко Аде. 4-огъ Юніа у зору пођу на Крему, но Вукасовичь недочека ій, него оде до Кремоне, и метне прве страже око Бутане. 5-огъ Юніа дође Дедовичь са своіомъ маломъ и ослаблѣномъ войскомъ у Бресцію. Гласъ дође да є наша войска подъ Генераломъ Краіомъ у Немецкой много страдала, а овде ништа болѣ

ніе, єръ є непріятель 5 пута ячій. Меласъ даде сву войску кодъ Алессандріе скупляти.

6-огъ Юнія Француэскій Генералъ Сушетъ кодъ Монтенаве удари у 11 сати пре полъ дана на нашегъ Генерала Латермана, Маіоръ Міановичь са нѣговимъ сербскимъ фрайкоромъ и 1 баталіономъ граничара Оточана дочека ій са оштромъ ватромъ. Француэи трипутъ юрише, но сва три путъ коє одъ овы, коє одъ гранатира буду одбіени. Генералъ Улмъ са своіомъ бригадомъ пође къ месту Піеви, гди и бригада Генерала Белегарда буде; то Француэи изъ далека смотре, тамо похите, и пресеку имъ путъ, и тако ови са страгъ, а ньіовъ Генералъ Сушетъ са предъ юриши на ньи са 4 пута ячомъ силомъ. Наши се бранише 2 сата, но напоследку клону и почну безъ сваког реда кудъ тко зна бегати, и у беганю већа часть падне непріятелю у руке — а Генералъ Улмъ и Белегарде за 300 момака єдва утеку преко Левишѣ у Алмо. Садъ удари Сушетъ опетъ на Латермана кои борећи се уступи до Монтенаве.

7-огъ Юніа Ф. М. Л. Вукасовићь кодъ Маркаріе дочека француэскогъ Генерала Лойзон-а найпре са топовскомъ, а по томъ са маломъ ватромъ, но буде принуђенъ непріятелской сили до близу Мантуе уступити, гди и Ген. Дедовића са 4000 пѣшака нађе.

8-огъ Юніа приближи се Наполеонова войска къ Піаценци; нѣговъ Генералъ Миратъ удари на прве обкопе кодъ моста на води По; одавде почну пуцати єгери и Оточки граничари подъ Обриттер. Міх. Зеко, по томъ проспу наши картачъ, Француэи уступе, па

онда и они почну бити изъ многи топова, по томъ юрише на мостообкопъ више кратъ крозъ 8 сати до саме ноћи. Нашъ Генералъ Мозелъ ослаблѣнъ и ниодкудъ у помоћь неуздаюћи се, остави око полъ ноћи мостообкопъ, и на половини разруши за собомъ мостъ. Између тога пређе Миратъ са своимъ четама на 16 лађи кодъ Ронкароле преко воде По, и дође нашемъ Генералу Орели за леђа, и побію се страшно, (Регимента Клебекъ и Туриъ изгину до половине) наше изъ Піаценце истераю и многе похватаю. Генералъ Орели са своима уступи до Бронія, а Французи са Миратомъ стану кодъ Піаценце. Овай истый данъ Фр. Генералъ Ланесъ удари на варошъ Ципріано, гди га дочека регимента Райскій, Оточкій четвртый Бат. и 600 Лобковицъ драгонера, кои оштро бити почну са помоћу 2 топа, Фр. Генер. Моніеръ неимаюћи топова, почне бегати; оне заднѣ потера Оточкій капетанъ Ѳеодоръ Кнежевиѣь, после нападну драгонери подъ ньіовымъ Обрштеромъ Фиритомъ Таксисъ и млоге изсеку. Ланесъ даде Моніеру топове, кои се опетъ съ нашима почне до саме ноћи тући. На све стране Французи преко воде По прелазе, зато нашъ Генералъ Орели нађе за добро, ову ноћь уступити до вароши Броніо.

9-огъ Юніа стане Обергенералъ Бонапарте прешавши воду По са войскомъ кодъ Страделе у станъ, Ланеса пошлѣ предъ собомъ а Мирата лево у предводницу, и даде свакомъ по 35.000 войске.

Генералъ Ланесъ пође са предводницомъ напредъ, а за ньимъ слѣди Генералъ Викторъ са под-

поромъ, и ударе на наше прве страже кодъ Ђулете, Генералъ Ватринъ, кои є прве предводіо, по кратком боренію отера наше до Ривете; овде садъ почне се са обадве стране жестоко бити, Єлачића регулашка регимента, сами Хорвати, Сремцы и Славонцы подъ Атанасіевичемъ и съ ньима 4-тый Банатскій баталіонъ међу прочима дуго се овде юначки борише, но и тако морадоше по многомъ юришу Ривету Французима уступити. Овде погину славный и редкій юнакъ Маіоръ Милорадовићь одъ Єлачича Регим. Нро 53. когъ смрть сви Генерали жале. Генералъ Фогелсапгъ са нѣговомъ четомъ, међъ коима су и Бановчани граничари были, дуго се бори на брду кодъ Кастеђіе, но када га Бонапарте крозъ Французе даде прекрилити, онда се побои за своя леђа, и повуче се до Монтебело. Ф. М. Л. Отъ у време најлућегъ боя видећи да неможе Бонапартиной сили одолѣти, почне са нашимъ пешацыма подъ обраномъ коняника и 32 топа, кои су непрестано пуцали, натрагъ преко Копо уступати. Како Бонапарте смотри, да ови уступаю, таки заповеди да сва войска оштро напредъ ступа. Французи юрише на мостъ преко воде Копо, гди ій наши са картачемъ поруше. Француз-ский Генер. Генци пређе ниже ову воду на превози, и крозъ то метне наше у опасность, зато Отъ нашу войску потегне натрагъ и устанисе кодъ Кастелново. Наши изгубише овде 659 мртвы са 6 официра, рањены 1498, зароблѣны 2216. Французи пишу да нису више изгубили но само 600, коє имъ паметанъ човекъ веровати неможе.

11-огъ Юніа дође наша войска у станъ кодъ Маренго. 13-огъ Юніа пређе сва Бонапартина войска преко воде Скривіе. Нашъ Генер. Меласъ скупи къ себи све своє Генерале и са ньиовимъ одобреніемъ рѣши на непріятеля напредъ поћи, и овако войску раздели. Предводницу подъ Обрштеромъ Фримонтъ 832 п. 458 коняника. 1-ва Колона Ф. М. Л. Хадикъ са Генераломъ Пилати, Белегарде и Сен-Юліенъ 5039. Друга Ф. М. Л. Каймъ са Генераломъ Бріе, Кнежевићъ, и Марселъ 4939. Трећа Ф. М. Л. Морицъ са Генер. Латерманномъ и Вайденфелдомъ 4755. Четврта Ф. М. Л. Єленицъ са Генераломъ Нобили и Нимчъ 4214. Пета Ф. М. Л. Шеленбергъ са Генераломъ Рецъ и Штикеръ 7602. Шеста Ф. М. Л. Орели са Генераломъ Росау 3998, скупа пешака и коняника, подъ овымъ Орелиомъ были су и Банаћани, Вараждинцы, Огулинцы и Оточаны; и тако сва ова овде стоећа войска имала є 30837, међу коима 7543 коняника. Бонапарте є противъ овы имао подъ Маршалима Ланесъ, Викторъ, Десе, и Миратъ 82745. Окромъ ове на бою у полю стоеће наше и франц. войске имали су французи на води По за подпору іоштъ 29576. А наши у градовима Купеи (Кони) 4390, Турину 3801, Тортони 1200, Алесандріи 3000, Майланду 2816, Піаценци 250, у Пизигетони 800, Подъ Генераломъ Вукасовићемъ у Мантуи 3500, а у Пешіери 500. У Генуи 5800, у Сафони 1154, у Санта Маріа 1000, у обсади Гаве 1192, кодъ Бобіе 1028, кодъ Замка Ороне 350, у Верони 1025, у Венеціи 2055, у Істріи 3337, у

Романіи и Флоренціи 3000, у Касали 1697, у Фелеціани 967, у Акви 115, у Канталупи 2341. Свега 46.250, ови су нуждни были за обрану и обсаду речены градова, єръ су на многе Французи нападали.

14-огъ Юніа Генералъ Орели са предводницомъ пре зоре пође напредъ и удари на прве страже француzскогъ Генерала Гардан-а. Банаћани са Обершт. Данiиломъ Орешковићемъ, Вараждинцы Огулинцы и Оточани граничари и съ ньима србскiй Міановића фрайкоръ буду по обичаю први, и разтераю прве Французе, дотле и наша войска пређе на 2 моста, коє су наши бачвански Шайкаши прошастый данъ на води Бормиди направили. Бонапарти є нћговъ увода доказао, да ће ову ноћь у прозоріе Генералъ Меласъ са своmъ силомъ одъ 27.965 на нћга ударити, зато се овомъ госту спреми и пошлѣ предъ нћга са 40.000 Генерала Ланеса, Мырата и Виктора. Пре него ови стигну, надбіе Орели франц. Генерала Гардан-а, и потера га къ Вароши Мареиго.

Немецк. Банатскiй Обрштеръ Ракичевићъ, Оточкiй Зеко, Огулинскiй Маіоръ Квелфъ, и Вараждинскiй Стойчевићъ предводили су своє Баталіоне юначки, и непріятеля не само до Вароши Мареиго дотерали, него и овде около вароши непрестано храбро борили су се. На десномъ крилу одъ Міановићевогъ србскогъ фрайкора юриши капетанъ Іово Будимировићъ са своіомъ Компан'оиъ на топове, и отме 2 скупа са коньима. Садъ Бонапарте са єдне высоке звонаре види наше войске движеніе и разположеніе, и таки постави на противъ нашима своє пешаке, конянике и

артилерію, тако, да наши у замку пасти морали бы. У село Маренго сбію се Французи — а други почну паше бити съ леве стране са топовы и малымъ пушкама; граничарима шалѣ Орели помоћь, алъ и Гардану шилѣ Конзулъ Бонапарте многу помоћь у село Маренго. За подпомоћи Генерала Орелію, пошлѣ Меласъ Генерала Хадека напредъ и за овымъ у другой Колони Грла Кайма, а у трећу постави Грла Еленица са сами Конянницы и Гренадири. Хадекъ страшно біе изъ топова, кумбаре баца и пали село Маренго, изъ когъ Французи грозно бію. Садъ Хадекъ замучи топове, даде у банду и бубнѣве ударати и юриши на страшну французску ватру у Маренго и улете найпре граничари потомъ и многи остали у прве ярке са велике высине доле скакаюћи. Французи почну изъ ярка бегати, алъ у то ока тренуће долети Генералъ Викторъ са якомъ подпорожъ, и юриши на наше свое ободраваюћи, но и Хадекъ наше ободрава алъ несрећно мало зрно згоди га и смртно рани. Наши почну бегати а Грлъ Каймъ изтрчи предъ ньи заустави ихъ, и на ново на ярке юришише, многи падоше мртви и ранћни и нинтъ успћти немогоше, єръ непріятель стои у ярку и край воде Фонтане како шума, и сипа на наше мало зрно и картачъ као облакъ грозну кишу. Садъ се ватра на све стране разпространн. Меласу є нуждно, да ово место добыє, зато пошлѣ Грла Пилати да мало ниже воду прегази и на непріятеля нападне; овай се тамо тайно привуче, и како изъ єдногъ шипрага почне излазити у редъ се поставляти и непріятелю у леву страну заилазити,

смотри га франц. Генералъ Келерманъ, излети предъ њега са трипутъ већомъ ячиномъ, юриши на њега, и стера га у воду Фонтану, гди унаглости и Французи за њимъ поскачу и многи наши и њіови люди и коњи подаве се, и єдва нашъ Пилати само са неколико коњника измакне. Каймъ скупи войску и опетъ юриши на Маренго подъ грозну непріятельску ватру и како ови до воде дођу, таки нашъ Генералъ Марселъ навуче топове и почне непріятеля преко глава наши люди бити, и тако наши на овомъ крвлю поливеномъ полю прегазе воду, гди Піонири и наши бачвански Шајкаши таки сплате навуку и мостъ направе, гди и одъ њи многи погинуше а нѣки златне и сребрне колајне добыше. Французи добію помоћь и іоштъ се недаду изъ Маренго изтерати. Но Генералъ Латерманъ дође са 1800 Гранатира, юриши и отме Маренго, али буде одъ малогъ зрна смртно ранѣнъ. Франц. Генералъ Бертіе посла Генерала Риваж-а са фришкомъ войскомъ, кои по дугомъ боренію наше гранатире наполѣ изтураю. У 11 сати пре подне дође Генералъ Конзулъ Бонапарте сяши съ коня и прегледа бойно место, потомъ постави войску по своњъ новомъ разположенію и доведе собомъ свою Гарду са іоштъ много выше войске. Садъ у 12 сати ударе французи наново; Генералъ Сенсиръ и Ланесъ надбише нашегъ Генерала Ота. Генералъ Сенсиръ отме дворацъ Церіоло, Нашъ Генералъ Фогелъ юриши на Сенсира са великомъ грмлявиномъ топова и отме Церіолу опетъ натрагъ. Ф. М. Л. Отъ коєга су чете тукући се врло заморене, пође опетъ напредъ, почне

Француѕе изъ силны топова бити, и претера ихъ преко прокопа Фонтаноне, за село Мареиго, гди стану. Орели са нѣгови граничари и остали кодъ Касинебіанке разтера Француѕе и зароби 1. читавъ Баталіонъ, и већъ наши подъ великомъ грмлявиномъ силны топова почну са сви страна на Мареиго юришити, а Француѕи на све стране неуредно бегати. Алъ у овомъ истомъ ока тренућу заповеди Бонапарте своіой Гарди, да крозъ бегаюће Француѕе напредъ юрише, кое и у чине; онъ се уфао, да ће ова єзгра нѣгове войске наше задржати, да лакше може свое у бѣгство расуте, скупити. Генералъ Отъ пусти наше конянике на ову Бонапартиву пешачку Гарду, а кадъ ови то виде, побегну они на предъ бивши разсути терачи натрагъ, скупесе сви у више хрпа и изъ 4 тона проспу на наше конянике картачъ, наши Конянницы врате се гоиѣни одъ ныови. Садъ юриши Генер. Готесхаймъ на речену гарду, коя є опетъ напредъ ступати почела, удари са Шплеиьи и Фрелихъ регементомъ, ова проспе на ныи ватру, у овай исти ма долети Обрштеръ Фримонтъ са 4 Ешкадрона Катана, удари Гарди за леђа, и почне ихъ сећи. Сапредъ туку, а острагу секу и тако одъ све ове гарде мало ихъ одъ смрти и робства измаче, 4 топа осташе побѣдителѣмъ. Садъ є већъ было 2 сата пополне, а іошт крвь пополю литн се престала ніе. Садъ добіе Генералъ Меласъ, кои є одъ Алессандре наше конянике очекивао, и кои бы битки конацъ учинити могли, гласъ: да су ови у путу одъ франц. Генерала Сушета сретнути и натрагъ подъ Алессандрію, гди су мећъ осталима и

наши граничари Бановчани, Личани, и Слуняни били, отерани. Измеђъ тога слѣдили су наши коњаницы устопце за бегаюћимъ непріятелѣмъ, и да ій є више било, то би на овомъ широкомъ полю слава Бонапартина пала, и нѣгова войска сасвимъ пропала. Нашъ Генералъ Меласъ, кои є лако рапѣнъ био, и подъ коимъ су овай данъ, 2 коня погинула, већъ є држао, да ће побѣда нѣгова быти, али нѣгово мало число коњаника метне га у двоуміе; зато оде самъ са нешто войске подъ Алессандрію поради далнѣгъ уређеня — а заповеди Генер. Кайму, да овай далѣ уредбе прави и непріятеля гонити непрестає. На ово напрасно отсутствіе Генерала Меласа клоне узданѣ велике побѣде. Генералъ Цахъ водіо є предводницу одъ 10.000, међу коима су и сви граничари Банаћани, Вараждынци, и србскій фрайкоръ прві были и непріятеля гонили, а заньима слѣдила є войска у 4 одѣленія. Оточани и Огулинцы подъ Генер. Орели ишли су край воде Орбе, и млоге Французе одъ Ген. Сушета прелетнице потукли и похватали. Сви су путови были са мртвымъ и ранѣнымъ Французима покривены, и стотинама у бѣгству падали су нашима у роблѣ — и већъ су наши држали, да є за Французе, кои се нигди одапрети ни су смели, битка изгубљена, и французска сва войска поче што брже безъ реда къ селу Ђулану бегати — алъ Генералъ Десе са 30.000 дође у 5 сати у вече Бонопарти у помоћь. Садъ Бонапарте стане, постави бегаюће у редъ, и учини предъ селомъ Санъ Ђулано ново воєно разположеніе са коњаницы, пешаци и топовы. Наши на то одма

юрише єдинодушно, и већъ наша предводница дође до винограда, алъ Регимента Валисъ пешаци буду съ леве стране са грмлявиномъ топова и пушака пребушени и надбієни. Ови неуредно бегаюћи насрну на остратъ слѣдеће друго одѣленіе Генерала Кнежевића, овай пропусти бегаюће натратъ, а онъ юриши са храбры гранатири, и млоге Французе пободе и побіе, дотле се и они разбегнути остратгу у редъ поставе и за Гранатири напредъ пођу. Садъ Бонапарте види, да са леве стране наши конянници нѣговымъ топовомъ за леђа лете, онъ пошлѣ ньима напротивъ са Конянницы своіъ Генерала Келермана у касъ и тркъ — а Генер. Десеу заповѣди да са своіомъ предводницомъ на наше у винограде юриши. Потомъ крене Бонапарте и Генер. Бужета Ланеса и Моніера са ньиовимъ великимъ четама напредъ, алъ паши ихъ са грозномъ ватромъ, онтромъ сабльомъ и баіонетомъ дочекаю, топови, коима є Келерманъ у помоћь отишао, измакну — алъ Десе са предводницомъ не бы срећанъ, онъ паде одъ граничарске пушке, незна се банатске илъ хорватске мртавъ, а они се съ места кренути недадоше. Садъ Бонапарте самъ потргне саблю и полети напредъ, Грли слѣде нѣговомъ примѣру, употребе сву силу и снагу, и юрише на све стране. Генералъ Келерманъ са свимъ нѣговымъ млогимъ коняницыма, обколи нашу предводницу одъ 8 Баталіона, и юриши на ньи са сви страна; ови се дуго бранише, многи мртви и ранѣни попадаше, понайвише наши граничари. Кадъ по дугомъ боренію видише да и ньими наши конянице на избавленіе не-

долазе, клону духомъ, почну измеђъ непріятелски коня бегати кудъ кои зна, тко непобсже и подъ ра-номъ илъ мртавъ непаде, тай у робство допаде. Ме-ђу последнѣ спада Генералъ Цахъ са 37 Официра и 1627. войника. На ово паденіе наше предводнице добіе непріятель велику храбростъ и отваженіе. Ге-нералъ Келерманъ край свои конянника добые у по-моћъ и Бонапартину Коняничку Гарду, полети на-предъ, стигне кодъ Касинагроса наше Конянике подъ Генераломъ Пилати, и разтера ихъ, кои у бѣгству пасрну на пешаке, те и овде передъ проузрокую. Каймъ труди се да редъ уведе — алъ наши коня-ници бегаю ни сами незнаю зашто; лете преко пеша-ка, кои се наравно у плаше и велика се забуна учи-ни. Садъ француски Генералъ Келерманъ немогући наше конянике стићи, удари сабляма на пешаке кои у найвећій передъ падну — єданъ преко другогъ на-вратъ на носъ бежи — и у бежаню загушили друмъ и све полѣ. Генералъ Валденфелдъ и Кнежевичъ са 6 Батал. Гранатира труде се да бегунце зауставе, и єдва имъ тавна ноћъ помогне те се подъ селомъ Ма-ренго мало зауставе, но и овде садъ пасрну тко ће пре преко моста прећи, гди се топови, кола пеша-ци и конянници сгуше, єданъ топчійскій Офіциръ са своимъ топомъ свезе се доле край моста, и пређе срећно са топомъ преко воде Бормиде, многи остали топови немогавши на мостъ ући, слѣдише срећно за-њимъ, алъ по краткомъ времену провали се подъ водомъ путъ и тако 30 топова западну и остану у-води. Али храбри гранички Хорвати (тако вели не-

мецкій воeный Лѣтописъ л. 1823. часть 9.). Подъ Генераломъ Ореліомъ борише се предъ селомъ Маренго као лавови и стояше као камените стѣне цело вече и целу ноћъ, єръ другачіе бы непріятель заєдно съ нашима у мостообкопъ ушао и све у воду сатерао.

15–гъ Како зора забели удари Бонапарте крозъ Генерала Гардану на Орелію и нѣговъ мостообкопъ, Хорвати и Банаћани бію, ока отворити недаду. Мелась садъ сазове све Фелд–Маршал–Лайтнанте и држи съ ньима воєный совѣтъ. Были се са овомъ у 10.000 ослабљномъ войскомъ могли іошть єданпутъ у бой упустити, — бы лъ совѣтно было кодъ Касале илъ Валенце воду По прећи, — бы ли могли оставивши топове и прглягъ натрагъ себи путъ у Генуу просећи и ню отети, и у ньойзи се обдржати, или не; и бы лъ добро было да се кодъ несрећѣ садашнѣ коя є наше оружіе у Немецкой и овде постигла са Бонапартомъ примиріе учини, да крозъ то време помоћь изъ землѣ добыемо. По дугомъ разговору и советованю заключе последнѣ, съ додаткомъ, да се найпре иште примиріе на 48 сати, да се мртви погребу, и да се роблѣ промени, потомъ да се далѣ примиріе уговара. Грлъ Графъ Найпергъ оде да примиріе уговори, и дође у мостообконъ, ватра престане, а онъ оде Бонапарти у Тору, гди се уговори, да наши уступе све землѣ са свимъ градовима до воде Минціа и да за ньомъ острагу стану. Примиріе се учини на 6 неделя са одказомъ єдне илъ друге стране на 10 дана раніе.

2. Юліа. Оде Бонапарте у Паризъ а Команду предаде Грлу Масени.

12-огъ Ноемвр. прекинесе примиріе и почнесе наново война. Наша войска овде у Италіи имала є 49.893. пешака и 9296 коњаника; Французи имадоше скупа пешака и коњаника 120.000.

5-огъ Декембра ударише Французи на наше прве страже кодъ Болонѣ, гди ихъ єданъ батал. Бановчана дочека, кои упорно стояше алъ нехтедоше пуцати, єръ одказанѣ примирія іоштъ назначено нієбило. Сутра данъ почну Французи пуцати, навале са мложиномъ, граничари имъ место уступе, и тукоше се кодъ Писаро 2 сата, гди граничари место обдрже. Лайтнантъ Матићъ пређе на чамцы преко воде Паноре са 2 компаніе, юриши непріятелю за леђа, а ритмайстеръ Лузинскій са предъ, и многе потуку изсеку похватаю и разтераю. 17. Декем. боришесе Бановчани кодъ Имоле са великимъ юначствомъ и отеше 1 топъ и 1 барутна кола.

19-огъ Декем. пођe франц. Обергенералъ Бруне съ целомъ войскомъ напредъ, и сузбіе нашегъ Грла Хохенцолерна; 22. тукошесе прве страже непрестано до саме ноћи, фр. Генер. Делма потера наше до Позоленго, и кадъ види, да смо слаби, пођe іоштъ оштріе къ води Минціо. Наши почну бегати; измеђъ тогъ нашъ Ф. М. Лайт. Буши са коњаницы атагира на Грла Магдоналда, надбіе га по дугомъ боренію, многе изсече и разтера, и крозъ то даде нашима време, те се опетъ у редъ поставе и уредно на мостъ кодъ Исоле дођу, пређу, мостъ поруше, и устане се кодъ Позоле и Мареиго, гди се и обкопаю. 23-егъ ноћу хтедоше Французи наше на Таналбрду пребу-

шити, алъ Банаћани на прво осете ій, и проспу ватру. Наши се спреме, и у редове поставе; французи јуришс 2 путъ на обкопе, но свакій путъ јуначки одбіени буду одъ Хорватски Оштрострелаца и Сербскогъ Меановича фрајкора; француз. Генералъ Фуше подкрепи своє, полети самъ напредъ, јурши као слѣпъ. Већъ Французи почну палисате разчупавати, премъ да наши оштро пуцаю и оштрострелцы иза палисада са копљма боду — садъ Генералъ Стојанићъ отъ Селинъ пошлѣ тамо єданъ баталіонъ Банаћана и ½ батал. Валахо-Ілира у помоћь. Како ови тамо потрче, даду Французи лећа и побегну, изгубе 2 топа и 400 мртвы и ранѣны.

23-егъ У прозоріе нашъ Генералъ Фирштъ Хенцолернъ са своіомъ четомъ, међъ коима напредъ 2000 Вараждински Граничара и 900 сербскогъ фрајкора, нападне на Французе, и отера ій 2 сата натрагъ; ту млоге потукоше и 600 заробише. Капетанъ Іово Будимировићъ одъ Срба са своіомъ Компаніомъ отме 1 топъ. Капетанъ Вукодраговићъ и Остоићъ одъ Вараждинаца са своимъ компаніама отеше єдно село и у нѣму заробише 320 Француза 3 барутна кола 1 топъ и 16 коня. Сутра данъ ступе за воду Минціо, гди се одъ зоре до мрака борише. Овай истый данъ кодъ Позоле падбіе непрітель наше конянике; єданъ баталіонъ Слуняна са Маіоромъ Міхаил. Живковићемъ прилети потайно у єдну шуму, дочека Французе, проспе оштру ватру, многе оборише, и наше конянике, кои су већъ у опасности были, избавише. Капетанъ Сава Рушньовъ са своіомъ компа-

ніомъ потера єдну чету франц. 70 зароби са єдномъ заставомъ. Обристлайтн. Міановичъ са свои Срби бори се юначки кодъ Гаєте, многе своє изгуби алъ бойно место обджа и 24 Француза са 2 Оф. зароби. Маіоръ Вукасовичъ одъ Елачичъ Регем. Числ. 53 са своимъ бат. славно се овде бори, но са 40 оф. и 22 проста паде мртавъ.

25-огъ Декем. Франц. Генералъ Дипонъ пређе са неколико чета на лађама преко воде — одбіе наше одъ воде, и 4 пута юриши на мостъ бадава, но садъ дође му Генералъ Ватринъ са 3000 у помоћь, и мостъ отму. Хорват. оштрострѣлци и Обрштеръ Іоаннъ Брановачки са Огулинцы дуго се овде борише но сили устушити морадоше. Капетанъ Тиро Родићъ са своіомъ Компаніомъ єсть се овде врло отликовао. Како Французи преко моста пређу и лево вараждинскогъ Капетана Бабогредца и Шилка надбію, таки Генер. Кнежевићъ са нѣгови конянницы атагира, надбіе франц. Генерала Мусніера, и крозъ то даде нашой войски снагу стати и опетъ противъ непріятеля устремити се. Генералъ Фримонтъ са своіомъ бригадомъ међъ коима су и Бановчани — 2 пута отме Полоца, алъ 2 пути и изгуби. Маіоръ Гавро Милететићъ са Бановчани 2 путъ улети у село, побіе многе Француже и найпосле прекопа сокакъ и непріятелю препречи путъ. Кодъ села Боргета борисе 1 Батат. Огулинскій подъ Маіоромъ Квелфъ, Капетанъ Радочаи и Комадина истераше Француже са баіонетыма много непуцаюћи, и заробише 4 Оф. и 36 просты. Бановчани и кодъ места Парадизо борившесе юначки. Французи побегну преко

воде и покваре мостъ, но сутра данъ 26. Декем. у 6 сати рано по густой магли пређу опетъ са шестъ Компаніа Граничара на лађама, и ударе на Огулинце кодъ Бареце; по дугомъ боренію оттераю Капетана Туркаля одъ воде непрестано тукућисе до Латоре, гди ови помоћь добію и упорно стану. Іошть и више Француза превезе се по густой магли преко воде, и са сви страна јурише на обкопе предъ мостомъ, и премда су наши топови изъ обкопа страшно били, и многе Француже потукли, то и тако Французи мостъ поправе, пређу и наши имъ место уступе.

Година 1801.

3-егъ Јануаріа већъ франц. Обергенералъ Бруне дође за нашима до Вероне, 5. дођу до Монтебело, 6. у зору ударе на наше крозъ целу воену дужину, и премда се наши оштро боришe, то опетъ нашъ Грлъ Принцъ Роанъ буде надбіенъ и изъ Таверноте изтеранъ. 8. стигне Генералъ Делма подъ Виценцу, сузбіе наше, и почне варошь изъ топова тући. Нашъ Грлъ Буши за варошь одъ пропасти уштедити уступи натрагъ — 9. дође нашима Генер. Сомарива са конјаницы у помоћь, таки атагира на Француже, страшно крвопролитіе трая до саме ноћи, Французи уступе место, и поставе се за воду Бренту. Генералъ Давидовићъ, Вукасовићъ и Стојанићъ јављю воєномъ повелителю Маршалу Меласу, да непріятель на обадва наша крила иде са 4 кратъ већимъ числомъ него што су они, и да лако може целой нашой войски за леђа заићи, Меласъ заповеди да се къ Тріенту на-

трагъ повуку. Меласъ узме свой главный Квартиръ у Страда и франц. Генералъ Бруне у Кастелфранко. Пре месецъ Дана добыє Меласъ Скоротечу одъ Ерцхерцога Іоанна, да є у Немецкой учинѣно са Французи примиріє, коє се и таліанске войске, како што є већъ франц. Ген. Брунету явлѣно, тиче, и да се о миру ради — но да и онъ то, са Брунетомъ сврши. Онъ то саобщи франц. Грлу Брунету, іоштъ 24. Декемв. алъ овай рекне, да одъ тогъ ништа незна, и почне наше ослаблѣне іоштъ већма до 9. Јануара бити и терати, и истомъ на треће позиванѣ Меласово рѣши се 11. Јануара примиріє уговарати, но онъ захтева одвећъ много — и да се іоштъ далѣ натрагъ уступи, коє Меласъ одобрити несмеде, зато почнесе опетъ наново пушкаранѣ, и наши буду принуждени до Тревизе уступити, гди Бруне узме свой главный Квартиръ.

25-огъ Јануаріа заключи се примиріє, за коимъ после и у Линевилу 9. Фебр. заключеный миръ на радость целомъ свету саобщи се.

Послѣ учинѣногъ мира у месецу Јунію већъ су све гранич. регименте кодъ куће быле. Пустаіє и лопови, кои су по границы многа зла чинили, садъ се почну изкореньивати; често се на ньи правише воєне потере, многи буду похватани и повешани, и тако за две године опетъ буду скоро са свимъ изтреблѣни. Ове єсени имаде Свящество сила посла са женитбомъ; сваке є недељ по 30 до 50 пари вѣнчавано. Єрбо многи, кои су као дечацы одъ 16 година

на войску неоженѣни отишли, садъ са засукани бркови себи дѣвице траже. Многи нађу своє жене за угушену децу, кою су у ньіовомъ отсутствію родиле, у градови на робіи затворене, и многи даду молбе кодъ регименте и двора, да имъ се жене помилую и одпусте, коє се таки учини свимъ онима, кои су своимъ женама вѣчито опроштенѣ обећали. Многи одъ войника осташе изгубљѣни, и ніє се знало, єсул' погинули, умрли, ил' у робству пропали. Да се ньіове жене удати могу, разпише се свудъ, да се изтраже, и кои се за 3 године ніє изнашао, или на ово позиваніє ніє дошао, тога є жени допуштено было удати се. Они, кои су после 3 године дошли, и своє жене удате нашли, имали су право своє жене или натрагъ узети, илъ последнѣмъ мужу оставити, а себи другу тражити.

По границы поче се земля больма обраћивати, ньиве крчити, и запушћени путови оправляти. У Срему подъ Обрштеромъ Андромъ отъ Стойчевичь, мораде свака мала кућа 8, средня 12, а велика 16 воћки каламити. Войницы, кои су у страшнымъ земляма доста изкуства у землѣдѣлію, скотоводству и тако далѣ постигли, почну садъ у колико є имъ могућно своє станѣ поправляти, а особито усѣвъ кромпира почне се разпространявати.

ДОДАТАКЪ.

Воєванѣ Сербаля противъ Турака год. 1804 и 1805.

Турскій царъ Селимъ трећій по заключеномъ миру у Систову, обећа Србима, кои су се са Аустріомъ соєдинили и на нѣга ратовали, опроштай, и заповеди да имъ паше и Турцы несмеду пиштъ пребацивати ил' ньи сбогъ тога гонити, алъ Турцы цара неслушаю, него іоштъ прошасте године почну ій угнѣтавати. Выше српски официра ужива у своме отечеству аустрійску заслужену пензію, коє є Турцыма трнъ у оку быо. Дахіе почеше гонити и глобити, и одъ ныи выше данка узимати, него што бы набавити могли, цркве имъ разрушише.

Турцы поступаю тирански са Србима, ко є годъ Турчинъ тай господствує, путує по Сербіи, и гди годь дође, макаръ найвећій нитковъ и ушливацъ быо, мора га Србинъ паранити и напоити, коє бы му драговолно и учиніо, да друга безбожна насилія нечини. На очигледъ родителя и браће силоваше дѣвице и младе жене. Срби оставляю домове и беже у шуме. Обркнезъ Алекса Ненадовичь пензіон. лайтнантъ бывшегъ Серб. міхалѣв. фрайкора изъ Валѣва, моли Аустрію у Земуну писменно за помоћь противъ овы тиряна. Нѣгово писмо ухвати єданъ Турчинъ и предаде Дахіи Кучукъ Аліи за 1000 піастра, ово писмо даде онъ крозъ грчкогъ Митрополіта Леонтію, кои є турскій а не сербскій пріятель быо протолмачити, и

Ненадовича са више Кнезова и Священика посеѣи, и пошлѣ Фочу Оглу съ Турцыма крозъ Сербію, кои найглавніи 95 Срба ухвати и посѣче. Дахіє и далѣ слѣдише своѣ плану: гди годъ доѣу секу, на колѣ живе набіяю, и робе марву и иманѣ. Срби беже у густе шуме Београдске, Авалске и Палежке, и союзую се и заклиню на Дахіє нападати, и за свой животъ и слободу до последнѣ капи крви бористи се.

Пазванъ Оглу опусти землю измеѣъ Тимока и Мораве. Хаджи Мустафа Паша Београдскій гонѣнъ одъ Дахіа, Аганліє, Фоче, Кучука и Муле постане Србима пріятель, и заиште одъ ньи помоѣь, но Дахіє чую, убію га, и яве цару да су га као турскогъ издаицу смакли. Садъ истомъ паде на Србе неограничена гоба и пропасть. Пазванъ Оглу опусти Влашку. (Ове године заведе се у Руссіи новый земальскій законикъ и кодъ сваке парохіе школа.)

Година 1804.

15-огъ Фебр. Георгіе Петровичь Црный изъ Тополе марвеный трговацъ, и у Сербском' Михалѣвича Фрайкору бывшій стражмештеръ, бодра духа, но у нарави доста суровъ, буде меѣу прочима одъ Турака забелѣженъ да се убіе; овай данъ доѣе єдна чета Турака къ нѣговой куѣи подъ видомъ да харачь (данакъ) купе. Ѣорѣе, кои є ньіово намѣреніе знао, вооружа своє слуге удари на Турке, многе потуче а друге разтера, узме одъ убієны оружіе и конѣ, и по-

бегне са своима арамбаши Станою Главапу у брдине, гди се више одъ 1000 найважніи юнака скупи. Ови се закуну, да оружіе не оставе, докъ сву Сербію на оружіе недигну, Дахіе изтребе и отечество одъ угнѣтенія не опросте. Свудъ пошлю брзотечце, да се све што пушку и батину носити може, купи на Іваново брдо, гди єдну велику ватру наложе, за зламењ да є тамо военый скупъ. Ту дођу и многе турске спахіе, кои су противу Дахія огорчени были. Главашъ нехтеде примити Обр. Войводство, зато изберу Ђорђа за Обрвойводу, а Главашъ, Катићъ и Чарапићъ буду войводе. Дахіе то чую и пошлю са Аганліомъ 400 Турака подъ именомъ да Београдску Раю защищаваю на Сремчицу. Измеђъ тогъ 300 Срба отеше 21-огъ Фебр. варошь Палежъ. Главашъ нападне на Аганлію кодъ Сремчице, дуго се бори, рани Аганлію, уби 80 Турака, други побегоше безъ обзира, Срба паде 12 мртвы и ранѣны. Дахіе у Београду зло поплашени, чуюћи да и неке Паше Србе са барутомъ подпомажу, пошлю Србима Митрополіта Леонтію на уговоръ. Србби га и неслушаю, него гордо одговоре: мы смо нашъ праведный поступакъ и Дахія неко тиранство скупа са Пашама Цару явили, и одтудъ очекуємо одговоръ. Пазванъ Оглу одъ своє чете добеже у Београдъ 1-огъ Марта само са 16 Турака, а 384 побише Срби.

4-гъ Марта дође Митрополитъ са великомъ пашиномъ свитомъ у Хассанпашину паланку, и ište покорніе; Срби ишту, да имъ се све 4 Дахіе издаду, и-

наче слѣдоваће свимъ Турцыма нечувена освета. Црный Ђорђе таки пише Турцыма, и иште 1-во да се трговина српске землѣ и Београда невредимо твори, 2-ро да Турцы несмеду ни у какво српско село долазити, а данакъ да купи српско поглаварство и Паши предає. 10-огъ Марта у Дивану у Београду совѣтує Паша да се ово зактеванѣ прими, но Дахіє буду томъ противни и недаду Георгію ни одговора. Српски посланицы дођу изъ Цариграда, и доиесу писмено да Царъ ньиово дѣло противъ Дахія, кои му одъ выше година данакъ платили нису, одобрава, и проглашує Дахіє као бунтовнике. Србима одпусти царъ за ньиово опустошеніе на 9 година данакъ, и да Срби царскомъ паши у граду никаковъ вредъ неучине.

Како се овай ферманъ обнароди, таки се сва Србія на оружіе дигне, и већъ 14.000 одабраны ю-пака стая подъ лютымъ оружіемъ, опашу тврдиню Рудникъ и Валѣво, изсекоше Турке, опустошише джаміе, по томъ отму и тврдиню Ужицу, ту добыше много оружіе топова и барута. Ово опустошеніе ніе Црномъ Ђорђу по вольи было, єръ є знао, да ће крозъ то у царску немилость доћи, зато садъ и онъ заповеди, да се у напредакъ у джаміе недира. 16-гъ Марта н. р. обколи Шабацъ и Београдъ, а онъ стане са 3000 за подпоръ у Остружницу. Турцы како виде у зору да су Срби Београдъ обколили побегну са 15000 платны войника у горньій градъ. Црный Ђорђе раздели свои 18.000 у 12 чета или окружія, свака чета 12 компанія, и постави потребите офицыре. Тур-

цы, кои су му у помоћь долазили, морадоше се српски обући — и даде сву войску заклети. Свако окружіе мораде своє чете съ лебомъ и брашномъ снабдѣвати. У Оструженици начини магазинъ за раану. Оружія и барута имали су доста, съ коимъ су ій ньова собраћа Банаћани и Сремцы, премда є забранћно было изподъ руке за доста скупе новце снабдѣвали. У половини Марта већъ имадоше Срби 20.000 войника, одъ кои 5000 на Морави, 3000 кодъ Валѣва, Рудника и Ужице, 3000 кодъ Шабца а 9000 кодъ Београда.

23-егъ Марта кодъ Шабца изаће 400 Турака, ударе край Думаче, и прећу преко моста; Срби побегну у шипрагъ, Турцы сяше съ коня, потрче за ньима, но садъ повиче войвода Яковъ Ненадовичь, юришъ юришъ! Срби полете на Турке съ ножеви, ови почну бегати, Срби ій стигну и изсеку, и врло мало ихъ избегне. Срби изгубе 8 люди, алъ добыше многе конѣ, оружіе и благо. Турцы у бѣгству изъ накости запале у предградію Шабца 138 срб. домова и све изсеку и опусте, хтедоше и Шабачкогъ владику Антима убити, алъ овай побеже у срем. Митровицу.

25-огъ Марта поче Ненадовићь Шабацъ тући и за 3 сата юначки юришећи освои га, само 150 Турака измаче у Каменый градъ, све друге Турке сасече а и самъ 180 Срба на месту изгуби. 29-огъ Априла предаде се Каменый градъ са 109 тур. и 10 топова са многимъ барутомъ и оловомъ. У почетку Априла већъ имали су Срби 28.000 войника. Кодъ Мо-

раве и Рудника Срби многе Турке потукоше, джаміе спалише, и турске куће опустише. Турцы у Београду незадовольни ньи 500 побегну Црномъ Ђорђу, да га служе, — ал' овай є знао, да су ньи Дахіе послали, да Србе гди буду могли издаду, — зато Ђорђе врати ихъ натрагъ, — у повратку пакъ Срби све подъ Београдомъ на очигледъ Турака потуку.

Срби се умноже на 33.000, Србско воєванѣ не буде Аустріи мило, зато пошлѣ царъ Генерала Ђенса изъ Варадина у Земунъ да гледи Србе и Турке примирити. 10-огъ Мая буде комиссіа у Земуну одъ 40 Турака но ни єдногъ Дахіе. Одъ Срба буде Црн. Ђорђе са окружны поглавари. Забадава се труди Генералъ да помиреніе учини, кадъ Срби зактеваю да имъ се Дахіе предаду, коє Турцы неодобраваю. Докъ су се ови овде договарали, дотле Дахіе изъ града нападну на Србе, но буду оштро надбити, и сви заробљени изсечени. 26.000 Срба дође одъ Оструженице на Дединобрдо, а Црный Ђорђе оде 24-огъ Мая са 1500 и 4 топа на Пожаревацъ, и позове овде Турке на предаю, кои се томъ склоне, плате 100.000 фор. у србску кассу и буду безбѣдно у Видинъ одпуштени. 29-огъ Мая обколи Смедерево. Одъ босанскогъ Бекиръ паше, кои є уверавао да є србскій пріятель, и да ньима у помоћь иде, дође Цери. Георгію єданъ Турчинъ да неку тайну откріе, и како предъ нѣга дође, тргне пиштоль и мало рани Ђорђа у образъ, но овай тргне мачъ и разцепи му главу. Садъ се истомъ увѣри Црный Ђорђе, да є Бекиръ паша притворно съ ньимъ поступао.

10-огъ Авг. пређе Мусага са 3500 Турака преко Дрине на Бадовинци, и опустоши и попали све окружіе одъ Бадня до Церпланине. Ненадовичъ са Срби изъ Шабца пође предъ нѣга, нађе єдну чету Турака кодъ Текериша гди су палили и робили, нападне оштро на ньи многе потуче и похвата и само неколико побегоше преко Дрине, алъ између тога домакне Мусага подъ Шабацъ и помоћу турски жителя освои га и ове Србе унутри потуче. Како црный Ђорће ову несрећу чуе, похити къ Шабцу са 5000 Срба. Мусага како чуе да се овай Шабцу приближуе, маомъ остави Шабацъ и побегне навратъ на носъ преко Дрине. Ђорђе дошавши разяренъ за побіеным Србима, даде све Турке кои нису хотели Шабацъ бранити помоћи, но Мусагу безъ борбе вѣроломно унутра пустише, затворити и потомъ неколико одъ ньи посећи, међу коима су и она 2 Турчина, кои су Мусагу преко мачвански бара у Шабацъ довели. Но и противъ Срба зато, што се больма бранили нису, учинисе воєный судъ, и Георгію Ћурчіи са іоштъ неколико други буде глава одсечена.

За утврдити ову страну одъ воде Дрине, даде Црный Ђорђе кодъ Црнобаре, Бадовинаца, Лознице, Ковиляче, Лешнице и Крупня велике обкопе начинити и са топовы и 2000 Срба снабдѣти. На поступанѣ Мусаге, кои є србске граждане у Шабцу побіо, ополчесе Србли наописано, и ожедне за осветомъ. Бекиръ Паша труди се, међу Црнымъ Ђорђемъ и срб. Совѣтомъ неслогу разпалити, говорећи: Црный иде

на то, да се оцари и васъ погази; но ништа му за рукомъ неизаѣе. Съ концемъ Аугуста имадоше Срби, 36.000 све изабраны войника, одъ кои било є на Моравы 8000, кодъ Рудника 5000. кодъ Београда и Остружнице 12.000. край воде Дрине 6000 и у градови 5000. и свега само 50 топова, барута и олова имали су прилично доста, коє су имъ Чифути и аустрійски Срби изподъ руке набавляли, место картача метали су у топове сасечено гвожѣе.

Сулеймань Паша доѣе 29. Авг. п. р. изъ Стамбула у Београдъ, когъ Дахіє и Турцы дуго унутра пустити нехтедоше зато, што є овай Србима наклонитъ указао се. Овай таки учини са Црнымъ Георгіемъ уговоръ мира.

1. Да Црный Ђорђе управля и сваке године Цару плаћа 500.000 Піастри.

2. Да само Срби Србима суде, и да се никакавъ Турчинъ нема у србско место населити, илъ се у нѣму задржавати.

3. Турске скеле да се укину, такове да Срби приме и приходъ безъ повишиваня београдскомъ Паши даю.

4. Што Срби на тржиште илъ піацу донесу, да мораю Турци, кои што купи, одма подпуно платити.

5. Воинство да се состои изъ Срба и Турака, и да Црный Ђорђе за себе може 500 мом. гарде (Тѣлочувателя) држати.

У почетку Септ. сотимъ уговоромъ оду Србски посланици цару у Цариградъ, кои добро примлѣни буду и устмено завѣщаніе и одобреніе уговора добію. Крозъ ово учини се примиріе, но Срби и тако ништа одъ Цара писмено неимаюћи, буду на све поступке турске добро позорльиви. 4. Окт. доће писмено одобреніе коє се у Београду прогласи, алъ овако: Србима се заповеда, да иду домовима, да буду мирни, и да ће порта (Царъ) заколико се сносно наће, ньіова захтеваня одобрити. Измеђъ тогъ и тако пристану Срби 14. Окт. на примиріе, єръ су и сами одмора требали и задрже си 14.000 войске, друге одпусте дома. Ове зиме Срби опетъ тайно за будущу войну почну спремати се.

Година 1805.

У почетку Януаріа шалѣ Црный Георгіе посланике у Цариградъ и моли Цара да Србію учини слободномъ, и да ню єданъ хрістіански Князъ, кои ће одъ Цара зависити, управля. Овима се обећа да ће се ньіова молба у призреніе узети и земльи србской уставъ дати. Измеђъ тогъ дигне Георгіе заставу и почне войску скупляти. Васо Чарапићъ са 4000 стане на Дрину, 6000 обколе Београдъ, 500 стаяло є у Гроцкой, войска на Морави умножи се іошћъ са 2000, кодъ Остружнице падне 3000 гди и Црный Ђорђе 11. Яну. 1805. седне, войска поправи земунице и посведневно екзерцираше се. Црный Ђорђе заведе строгій редъ како у воинству тако и у земльи; ослободи трговину и дава трговцима велику помоћъ воєпу, кои

су є требовали. Турцы утврђую Београдъ, гди сви Чифути радити морадоше. У Уйпаланки ухватише Срби изъ Београда побегшега Яничарскогъ Агу са 500.000 Піастри, кои у срб. касу дођу. Ђорђе заповеди, да све што се бранити неможе, бежи у шуме и брдине.

11-огъ Мая ноћу отеше Турцы Ужицу у коіой є само 150 Срба было, Турцы ихъ у сну пребуше и изсеку. Сутра данъ 500 опусте све окружіе и предъ ноћь са великимъ плћномъ дођу натрагъ у градъ. Таки дође тамо 4000 Срба обколе Ужицу, бише є дуго, и истомъ после 10 неделя 10. Авг. отму є на юришъ, 300 Турака изсеку и пьіове главе набію на бедемъ на колѣ. Съконцемъ Юніа умноже се Срби на 40.000 крозъ многе Бугаре, Арнауте и Црногорце и имадоше добри 1000 Коняника. Ноћу 29. Юліа пребуше Турци Србе у Смедереву, отму градъ и све изсѣку — по садъ дође одъ Ћупріє 3000 Срба и обколе Смедерево. Српски посланицы дођу изъ Цариграда са овымъ одобреніємъ:

1. Срби могу имати собственый судъ, и правителство подъ єднымъ српскимъ Обркнезомъ и турскимъ Мухасиломъ.

2. Обркнезъ да дає Порти годишный данакъ 500.000 піастра.

3. Турскій Мухасилъ да има свою гарду одъ 150 Турака, и да свакій Српскій Кнезъ може єдну малу стражу држати.

4. Завѣщава Царъ Селімъ, да ће Турке изъ Србіе у друге землѣ дати преселити, и ньима тамо штету накнадити.

Али ово є быо само устменый одговоръ, а писмено недобыше Срби. Срби заключе да опетъ посланике шалю и ово обећанѣ писменно ишту, да одъ Руссіе ишту защиту, кою Аустріа на ньиово зимушнѣ прошеніе ніе хотѣла примити, и да дотле остану подъ оружіемъ. Далѣ Срби моле Гушанца Алію, да половину платны Турака одпусти и толико место ньи у Београдъ Србски войника прими, коє онъ неприми, єрбо є знао, да му Афисъ Паша одъ Видина у помоћь иде. Афисъ дође са 6000 Турака до Ћупріе понайвыше на коньи, прећу преко Мораве, и нападну 2-гъ Септ. на лево србско крило войводе Чарапића. Овай ньи са оштримъ боємъ дочека, надбіе, преко Мораве претера, и дотера до Алексинца, 700 Турака паде мртвы, а Афисъ Паша у робство, кои по томъ србску стражу добро подплати и побегне. Сви 6000 Афисови пропадне у бѣгству одъ Срба и само неколико, врло мало избеже, на коє на све Турке великій стра нападне. Србске поглавице обузе неслога, войницы почну роптати, зашто се Београдъ и Смедерево, кои су обколѣни неотимаю, и бацаю кривицу и затезанѣ на Црн. Георгіа; многи одоше съ концемъ Октовра изъ стана дома. 3-егъ Новемб. Црный Георгіе повуче войску одъ Смедерева натрагъ, а сакріе близу града 600 Срба. Како Турцы виде, да Георгіе бежи (нису знали да є притворно), испадну са 500 изъ града и

потераю га, кои іоштъ больма бегати почне, дотле они 600 у шипрагу подъ градомъ сакривены Срба юрише на отворену капію, за ¼ сата отму градъ и све изсеку. Садъ Георгіе нападне на оне, кои су га до Петровадвора гонили, ови почну бегати у Смедерево алъ нађу капію затворену, одъ кудъ Срби страшно почну бити, Турцы падну међъ две ватре и сви изгину. Срби Смедерево оплѣнише, добыше силный барутъ и олово са 16 топова. Роблѣ посла Георгіе у Оршаву. На овай гласъ сви Срби кои су дома отишли были, дохите опетъ у станъ подъ своє заставе. Георгіе већій дѣлъ войске пусти куѣи на зимницу, а Београдъ больма обколи. У Новембру добыє одъ Руса на 24 лађе изъ Галаца више топова и различиты воєнны потреба.

У Декемвру држи Георгіе Соборъ у Смедереву, и заключе 1-во да сбогъ войне и опустошенія цару обећаный данакъ недаю. 2-о Да како Турцы тако и Срби воєный трошакъ Србима плаћати мораю. 3-е Да се войска на 40.000 умножи, и Георгію подъ независимо правителство преда. 4-о Войникъ да има на данъ 2 фунте леба, 1 фунту меса и літру ракіе, у постъ да добію место меса каково суво вариво. 5-о Грабежъ и бѣгство да се са смрћу казни, у войсцы да се строго покорность и редъ воєнный заведе. 6-о Смедерево да се оправи, и Београдъ на ближе обколи.

Іоштъ овай Соборъ ни разишао се ніе, алъ дођоше србски посланицы изъ Цариграда у Смедерево,

съ гласомъ, да предъ цара нису ни пуштени, но да се велика войска спрема да Србію покори. Садъ Соборъ заключи сву снагу и силу на противоборење употребити, и до последњегъ Србина туђи се. Паша одъ Босне скупи 6000 кодъ Белѣпа. Одъ Софіе изъ Бугарске силни Турцы купе се. Црный Георгіе обколи Београдъ са 6000. У Шабцу войнство одъ 250 Срба славе светогъ Николу 18-гъ Дек. веселећи и пуцаюћи, ту се поопіяю, а Турцы изъ окружны села скупе се, улете у нутра изсеку ій и градъ отузму. Садъ 300 Срба дође обколе градъ да га и трећій путъ крвлю полію и отму.

27-огъ Декемвра ноћу 1000 Турака дошавши Дунавомъ на лађама одъ Београда, ударе на Остружницу, Срби ихъ побію, отму лађе, и само неколико ньи побегне у Београдъ. 18-гъ люта нужда натера Србе те 3 аустрійске лађе са рааномъ отму, и обећаю раану платити, кою имъ за новце нису хтели публично давати. 30-огъ Дек. опетъ Турцы ударе на Остружницу, Срби ихъ надбію и 300 убію, но и кодъ ньи скоро толико паде.

Црный Георгіе быо є свимъ огледало правде и некористолюбія, алъ други многи нису тако мыслили, већъ лебдише за влашћу и за благомъ, зато и нека неслога по земльи умножи се, но Георгіе као народолюбацъ умножи сву хитрость противъ зликоваца. Ове зиме почну се и Русси за дошасту годину 1806 у Молдавіи на Турке спремати. Ове зиме многе воде

изаѣоше, и Турцы уступе натрагъ одъ границе, и сотымъ се овогодишньій Србскотурскій ратъ оконча. Овога лѣта учини Турс. Царь са Русск. Царемъ уговоръ, да Влашке и Молдавске Князеве неће више безъ договора Руссійскогъ ни скидати ни производити. Турскій Царъ тужи се кодъ Фр. Цесара Наполеона, да Русси Србе буне и подпомажу, но сталанъ одговоръ не добыє.

II.

ЖУКОВСКІЙ.

РОМАНТИКА У РУССІИ.

(Изъ Исторіе рус. Књижества одъ Дра І. П. Іордана).

У Руссіи є художествено у повіе доба подигнута и у Европи за мало траюћа Романтика са свимъ друго што значила. Руссія се реформомъ Петра великогъ съ животомъ Европе у толико скопчала, да є и она на себи осѣтити морала, што є тамо духове потресло. Руссія ніе имала среднѣгъ вѣка, и тако у русской литератури ніе могла постати самостална романтика; а безъ романтике є стихотворство као тѣло безъ душе. У анакреонтскимъ стихотвореніяма Державина засіяла се овдѣ и ондѣ грчка романтика; али се при томъ само засіяла, и више пишта. Но башъ да се онда у Руссіи какавъ стихотворацъ и подигао, кои бы у грчкій животъ савршено проникао, пакъ при томъ и пластику грчке форме савршено у руцы имао: то бы и у томъ случаю русска литература само єдинственый моментъ романтике представила и изразила, послѣ коега бы

іошть єднако другій очекивати морали. Карамзинъ є донео елементъ Сентименталитета (чувствителности) у русску литературу, коя ништа друго ніє, него пробуђиванѣ чувства, прво време будећегъ се духовногъ живота. У чувствителности Карамзина указує се чувство као понѣшто болешльива раздраженость живаца. Одтуда ово излишство правы и неправы суза. Али ма како томъ было, башъ су ове сузе быле великій напредакъ за народъ; єръ ко може не само при туђемъ, него и при измышлѣномъ страданю плакати, тай є заиста више човекъ, него онай, кои онда само плаче, кадъ нѣга бію. Међу тымъ чувство є само предуготовляванѣ къ духовномъ животу, оно само чини, да се романтика родити може, а ніе іоштъ самъ духовный животъ, сама романтика; ова и онай указую се найпре као чувство, коє се на каквой мысли оснива. Само є среднѣгъ вѣка романтика могла русску литературу више духовномъ учинити, єръ народу на ближе стои, и лакше му се разумѣти дає, неко грчка романтика, коя иште, да є човекъ путемъ науке особито проникне, пакъ онда да є разумѣти може. Жуковскій є русску литературу са тайнама романтике среднѣгъ вѣка упознао. Уведена одъ Карамзина чувствителность имала є на то ићи: да човека протресе и за животъ срца и чувства преправи. После тога лако є разумѣти, како се Жуковскій на мало после Карамзина появіо. Ово одговара сасвимъ законима постепенногъ развіяня литературе и крозъ ову доведеногъ развіяня народа. На истый се начинъ разумѣти дає и путъ, коимъ є

Жуковскій романтику у Руссію донео. То є био путъ подражаваня и узаиманя — єдиный можный путъ за литературу ону, коя у дружственомъ земльишту и исторіи своє землѣ никаквогъ корена имала ніе, и имати ніе могла. И заиста башъ се тако морало збыти, да є пѣсничка природа Жуковскогъ силну, природѣену и сродну симпатію са Шиллеровомъ музомъ у обште, а особито къ нѣной романтичкой страни у себи носила. Жуковскій є свога найлюбезніегъ пѣсника іоштъ за тога живота познао, кадъ му є слава на найвышой точки стояла, и ступіо є скоро таки, како є Шиллеръ умрео, на полѣ русске литературе. Но премда Жуковскій особито као преводитель необичне дарове показує, и много є учиніо, али га и опетъ несмемо узети као доброгъ преводителя у обште. Особито добро превсо є онъ само оно, што се са унутрашньимъ гласомъ нѣговога духа слагало; и у овой струки узимао є онъ свагда своє, гди га є само нашао: особито одъ Шиллера, али при томъ и одъ Гетеа, Матиссона, Уланда, Хебела, Валтерскотта, Томе Моора, Грая и други нѣмачки и енглезски пѣсника. Осимъ тога много є онъ више прерадіо, него превео, друго пакъ мѣстимице узаймio и у своє оригиналне пѣсме увео. Съ єдномъ рѣчю: Жуковскій є у почетку 19. вѣка крозъ нѣке нѣмачке и енглезске пѣснике, а особито крозъ Шиллера у животъ доведену романтику средньегъ вѣка на русски превео. Ово є значенѣ Жуковскогъ у русской литературы, то є нѣгова заслуга о истой.

Жуковскій є почео свой пѣсничкій путъ съ балладама. Овай видъ пѣсничства буде одъ нѣга у Русіи почетъ, створенъ и основанъ: єдновременицы Жуковскови изъ млађега доба сматраю га особито као балладотворца, и Бађушковъ называ га у єдномъ своме писму „Балладникъ.“ Подъ именомъ Балладе разумѣвали су онда кратку преповѣсть о несрећной понайвише любави; гробъ, крстъ гробный, духове, ноћь, мѣсецъ, много пути и вукодлаке и вештице држали су за нуждно свойство овога вида пѣсме; далѣ пису у нѣму ништа тражили. Но у баллади Жуковсковой лежао є много дубльій смысао, него што су онда мыслити могли. Баллада и романца єсу народне пѣсме средњегъ вѣка, право, отворено и беззлобно изражаванѣ романтике феудалны времена, производи духа, кои су особито и нарочито романтички. Прва баллада, коя є обште вниманѣ на Жуковскогъ обратила, была є „Лудмила,“ у коіой є Быргерова „Ленора“ прерађена, кою є онъ доцніе заиста и превео. Ленора є своме сачинителю грдно име у Нѣмачкой донела. То є было златно доба, у комъ се са подобнымъ стварма слава стећи могла; но то є време прошло, па башъ и за саму Руссію. Али є Жуковскова „Лудмила“ башъ у найзгодніи махъ дошла; она є имала слѣдство, каквымъ се само нѣгда „Душенка“ одъ Богдановича и „сирота Лиза“ одъ Карамзина похвалити могла. Русской публики было є све у овой баллади ново. Стихови, коима є она написана, нечине се данасъ нама тако особито пѣснички, што више, мы налазимо управо тако рђаве

стихове у њой, каквы зацѣло у другимъ баллада-
ма Жуковскога наћи ніе; али у оно време, могао є
„Лудмилу“ само Жуковскій написати, и стихови ове
балладе морали су нуждно све у дивно чудо довести
своіомъ лакошћу, хармонійскимъ звукомъ, а особито
своимъ сасвимъ новымъ никадъ дотле невиђенымъ
оригиналнымъ строємъ. Садржаніе балладе єсть што
може быти романтичко по вкусу среднѣгъ вѣка: єдна
дѣвойка грди судбу, кадъ дозна, да іой є любезникъ
у бою погинуо, а зато є ужасна постигне каштига:
любезникъ є као духъ на коню одведе, и донесе є у
гробъ, докъ ликъ духова моралну сентенцію надъ
нѣномъ главомъ „урла:“ грдня смртны безразумна є,
Богъ є праведанъ, онъ є нѣну тугу чуо, и нѣнъ є
часъ куцнуо. — Было є време, (али є оно давно, врло
давно за насъ прошло) кадъ є ова баллада нама слад-
когрозно уживанѣ прибавляла, гди смо є съ то ве-
ћомъ слашћу читали, што насъ є већма ужасавала.
Али у наше време, и сама су дѣца паметнія, и мы
невѣруємо, да бы се данасъ и међъ ныма коє наш-
ло, коє бы „Лудмилу“ обожавало. И опетъ, мы
то повторавамо, она є найвећма романтичкій произ-
водъ у духу среднѣгъ вѣка. Кадъ се небы сѣћали,
како се и самымъ нама у оно време, премда 252 сті-
ха има, краткомъ чинила, то се садъ небы доста на-
чудити могли, одъ кудъ є пѣсникъ доста стрплѣня
и силе узео, да толику балладу у таквомъ виду на-
пише. Но свако време има свой вкусъ и своє на-
клоности. Мы садъ нисмо у стању одъ „сироте Ли-
зе“ узхићени быти; и опетъ є ова преповѣдка у своє

време много суза изъ лѣпы очію истерала, „Лизино Езеро“ славнымъ учинила, и брестове на брегу тога чувствителнымъ надписима богато напунила. Стари люди преповѣдаю, сва Москва, што є само у оно време читати знало, изилазила є шетати па Лизино Єзеро, любезницы тамо су се састаяли, и млади люди тамо су се у удвою били. И многа є преповѣдка у истомъ виду после писана, коє су пакъ таки, како су быле прочитане, заборавлѣне быле, тако, да имъ ни сама имена до насъ дошла нису, — знакъ, да само талентъ обшту потребу и сакривеный смысао времена погодити зна. Сви ти производи духа, коима су дара пуне главе потребе времена погодиле и намириле, мораю се у исторіи сачувати: то су курхани *), кои путъ, коимъ су народи ишли, и мѣста, гди су животъ свой изданули, показую. Къ таковымъ производима принадлежи и Жуковскова „Лудмила.“ У осталомъ нестои романтика ове балладе само у недотупавномъ садржанію, коє бы и одъ єдногъ палца великій талентъ измыслити умѣо, него у фантастскомъ колориту боя, коима є ова дѣтиньски проста легенда овдѣ и ондѣ оживлѣна, и коє талентъ свога сачинителя являю. Стихови, као н. пр. ови слѣдующи были су у оно време право „откровеніе“ тайна романтике.

Слышутъ шорохъ тихихъ теней:
Въ часъ полуночныхъ видѣній,

*) Курханъ останцы стары насипа и набацаны брежулка у южной Руссіи.

Въ дымѣ облака, толпой,
Прахъ оставя гробовой
Съ позднымъ мѣсяца восходомъ
Легкимъ, свѣтлымъ хороводомъ
Въ цѣпь воздушную свились —
Вотъ за ними понеслись;
Вотъ поютъ воздушны лики:
Будто въ листьяхъ павилики
Вьется легкій вѣтерокъ
Будто плещетъ ручеекъ.

Или слѣдующій фантастскій образъ ночне природе:

Вотъ мѣсяцъ величавый
Всталъ надъ тихою дубравой;
То изъ облака блеснетъ,
То за облако зайдетъ;
Съ горъ простерты длинны тѣни;
И лѣсовъ дремучихъ сѣни,
И зерцало зыбкихъ водъ
И небесъ далекій сводъ
Въ свѣтлый сумракъ облеченный . .
Спятъ пригорки отдаленны,
Боръ заснулъ, долина спитъ . . .
Чу! . . полночный часъ звучитъ.
Потряслись дубовъ вершины;
Вотъ повѣялъ отъ долины
Перелетный вѣтерокъ . . .
Скачетъ по полю ѣздокъ . . .

Такови стихови оправдаваю подпуно усхићенѣ и удивлѣнѣ, съ коимъ є нѣкадъ Жуковскова „Лудми-

ла“ примљена. Ондашњій є свѣтъ осѣћао у овој баллади новъ духъ створења, новъ свѣтъ пѣсничства, и ніє се преваріо.

„Светлана,“ оригинална баллада Жуковскова, држана є за нѣговъ ремекъ тако, да су критицы и хисторицы литературе онога времена (она є 1813. печатана) нѣга пѣвцемъ Светлане звали. У овој є баллади хтѣо Жуковскій да буде народанъ, али о томе, како є онъ къ народности стояо, о томъ доцніє. Садржаніє є Светлане највећма романтичко, што се само помыслити дає, и найболя критика, коя є игда о томъ писана, лежи у посвети балладе:

Въ ней большіе чудеса,
Очень мало складу.

„Алина и Алзимъ“ чини се да къ оригиналнымъ балладама Жуковсковымъ принадлежи; она се одликує нѣкомъ простотомъ тона, коя нѣшто необично у наше време — натерує насъ, да се не башъ добро насмѣемо; али є нѣно садржаніє при свој романтики пуно смисла, и морало є на свое време најболѣ и најразумніє утицаћ имати. По свој прилики были су стихови, као ови, одъ многе лѣпе устне са смиренымъ чувствомъ повтораваши:

Шта хасни у лѣпу великолѣпну одежду
Увити се;
Та право є богатство само
Любити се!

Образъ састанка обадва любећа се, гди Алзимъ, као продаваџъ златны стварій предъ Алину стане, израженъ є съ меланхолійскомъ и тужномъ боіомъ;

нѣки су стихови напунѣни најочарателнијимъ романтизмомъ, као н. пр.

Высока младости лѣпота сѣвала є
У нѣговымъ чертама;
Али є био блѣдъ, брада му є одвећъ густа,
У очима му є туга.
Она се чинила цвѣтъ свѣжости живота,
Знакъ дана младости;
Али блѣдый цвѣтъ, туге знакъ,
Іоштъ любчія.

Крај є балладе дѣтиньска мелодрама: ножъ, убійство невинне, и грижа савѣсти убійце. Нама се чини, да овакавъ крај балладу безчести, коя є за своє време толику велику вредность имала.

Мы незнамо, шта є Жуковскогъ навело, да „дванаєстъ спаваюћы дѣвица“ напише; али є идеа „Вадима,“ кои другу часть ове врло велике балладе чини, узета изъ Шпанскогъ романа „Старый свуда и нигди.“ Мѣсто ове балладе истина да є Кіевъ и Новгородъ, али мѣстне и народне боє неналазимо никакве. Ово ніе ни на кои начинъ руска баллада, него чисто романтичка у духу среднѣгъ вѣка; мы ћемо се къ ньой іошть вратити.

Кажу, да є „Еолска харфа“ оригиналный производъ Жуковскога; мы то неможемо опредѣлити; но то є поне истина, да є она изреданъ и заиста пѣсничкій производъ духа, у комъ є цѣла мысленость, цѣла мирисна дражесть Жуковскове романтике усредоточена. Ова є любовь тако несрећна збогъ различности станя, тако младостно невинна,

тако мысленна и туге пуна, ови састанцы подъ растомъ тако су пуни тихогъ блаженства и дрктаюћегъ слутеня недалеке болѣтице, а при томъ є харфа обешена као „Залогъ прекрасны дана прошлости.“ И появленѣ люблѣне сѣнке тамо предъ усамлѣномъ лѣпотицомъ, праћено одъ тайностипуны звукова и губитакъ наймилієгъ на земльи навѣшћующи: све ово дише тако прекрасно музикомъ сѣверногъ романтизма, овога безконачногъ, неопредѣлѣногъ, магловитогъ, тужногъ и боязльивогъ романтизма, кои на гранитскимъ стѣнама Скандинавіе и на магловитымъ бреговима Албіона свою домовину има. Мора се човекъ живо опоменути првы година своє младости, гди є срце пуно немира, али га страсти іоштъ спопале нису са своимъ бѣснымъ огнѣмъ, морасе живо споменути оны дана сладке туге, дубокомислећегъ премышљаваня и немира пуногъ теженя за тайне пунымъ нѣкимъ свѣтомъ, кои срце вѣрує, а устне га назвати незнаду — мора се човекъ живо премѣстити у оно време живота, да разуме, како дубоко прекрасни стихови последнѣ строфе ове балладе младостну душу дирнути мораю.

Минване више нема . . .
Кадъ се са потока, брежуляка и ливада
Магле дигну,
И мѣсецъ се, као у магли, безъ зрака сія:
Онда се двє сѣнке виде:
Оне се єдна у другу стопе и лете
На добро познато мѣсто . . .
Лишће раста шушти, жице єче!

Минваца ніе поносита лѣпотица юга са дражестнымъ формама тѣла, ватренымъ очима, цвѣтућимъ здравлѣмъ, усіяномъ страшћу; не, она є блѣда лѣпота сѣвера, тиха и кротка, подобна любкомъ, воздушномъ виђењу, лѣпота, коя своіомъ болномъ болешльивошћу дубоко дира, коя своимъ копнећнѣмъ очарава, идеалъ романтичке лѣпоте и особито идеалъ лѣпоте Жуковскога.

У художественомъ погледу има ова баллада важанъ єданъ недостатакъ; ако и неможемо рећи, да є разтегнута, то се ни то казати неможе, да є тако сабіена, колико бы нуждно было, да у човека подпуно и силно дирне.

„Риттеръ Тоггенбургъ“ есть изреданъ и вѣранъ преводъ єдне одъ Шиллеровы найбольи баллада. Како є само красно н. пр. мѣсто преведено: „Blickte nach dem Kloster drüben“ и т. д.

И душѣ его унылой
Счастье тамъ одно:
Дожидаться, чтобъ умилой
Стукнуло окно:
Чтобъ прекрасная явилась,
Чтобъ отъ вишины
Въ тихій долъ лицомъ склонилась,
Ангелъ тишины.

Штета, што Шиллеръ овогъ „риттера жалостногъ стаса“ ніє сасвимъ времену сходно начертао. Мы са нашимъ ладнымъ обчине лишенымъ срцемъ, са нашомъ суровомъ прозаискомъ душомъ, жалимо овогъ риттера, али не као човека, кога є судбина по-

разила, па тежкій терет дѣйствителне несреће носи, него жалимо — безумника. Али шта да се ради! Мы смо у овој струки подпуни классицы а ни подъ кои начинъ романтицы. Најпре и најпре, невѣруемо мы, да є човекъ само за любовь створенъ, и да се све силе нѣгове душе у овомъ єдномъ чувству усредоточити имаю; друго, мы „Вѣрность до гроба“ мало цѣнимо, држимо є што више за напонъ волѣ и претваранѣ, а не за слободно горећій огањ чувства; треће, мы невѣруємо можность нераздѣлно любави, и можемо є само или као болесть допустити, или као лудило. Любавь букне приближаванѣмъ, узаймность дражи нѣну снагу, и одржава є; непазенѣ на ню и ладность иззыва чувство увређене любави себе, пониженогъ достоинства — и уништава можность любави. И у самымъ нашимъ данма има людій, кои су у стању о каквомъ таквомъ чувству себе силомъ увѣрити, и кои никадъ племенито дрзновенѣ имати неће, да сами себи признаду, да ньіово чувство неживи у срцу и крви, него у глави и у фантазіи. Они држе, да є то срамно, спрама чувства, коє ій є єданпутъ овладало, „издаицомъ“ постати, и упиню се силомъ своє волѣ крозъ цѣо животъ свой, да се при томъ чувству одрже, и ньіово фантазирано чувство дає имъ заиста видъ радости и туге, као да бы то у истини право чувство было. Ови сиротани направе најпре образъ за саме себе, и немогу се доста нарадовати због своє дубоке и силне природе, коя, кадъ єданпутъ любавь осѣти, за навѣкъ люби, и пре є умрети готова, него своє чувство изневѣрити,

Они и немысле, да су у овой добродѣтельи оддавна вѣкъ надвышени — одъ славногъ риттера Донъ Кижота, кои є своіой прекрасной Дулцинеи до гроба вѣранъ остао, когъ є и сама помысао на чара пуну даму свога срца къ свимъ великимъ дѣлама укрѣпила, къ биткама са ветренячама и стадама, когъ є сама ова єдна мысао заєдно и несрећнымъ и блаженымъ чинила. А ко є овай Донъ Кижотъ? єданъ сасвимъ разуманъ и благороданъ мужъ са живости и дѣлолюбности пуномъ природомъ, но кои є притомъ непутно мисліо, да само треба хтѣти, пакъ да ко у 16. вѣку ритеромъ 12. вѣка буде.

Романтизамъ ніе наслѣдство и собственость какве особите землѣ и времена: онъ є єдна вѣчна страна човеческе природе, човеческогъ духа; онъ после среднѣгъ вѣка ніе изумрео, него се само преобразіо. И тако неодбацуе нашъ новый романтизамъ любавь као природи сходно теженѣ срца; онъ само иште, да ово теженѣ непостане подземномъ, тамномъ, паклономъ силомъ, коя човека у бездну пропасти увлачи. Нашъ романтизамъ чувству слободу неузима, али захтѣва, да и чувство са своє стране човеку слободу неузме; єръ слобода є умъ. А гди налазимо умъ? Вальда у болапуномъ чувству, коє човека єдногъ за другогъ прикива, кадъ є овай другій слободанъ? У овомъ случаю: срећанъ ти путъ любави! Животъ є пространъ, и има много путова у своме безконачномъ простору, и одъ овы може слободна дѣлателность човека онай изабрати, кои є ньой по вольи. Тужно є видити човека, кои є све изгубіо,

што є любіо, и комъ є то срце навѣки разцѣпило и раздрузгало; али таквогъ човека нећe нико осудити: нѣгова туга има име, то є права туга, — онъ оплакує то, што є нѣкадъ своимъ звао, и чимъ є срећанъ быо. Али себе самъ ничему, лудости, производу болестне фантазіе, іогунству неразумногъ срца жертвовати, све своє теженѣ и наданѣ у єдной жени саєдинити, коя на насъ и немисли, свой цѣо животъ томъ посветити, да ню кадкадь изъ поштованя пуне дальине крадомъ гледимо — како є то понижаваюћа и презрителна ролла? У єдной гатки пренапетогъ романтика Хофманна залюби се єданъ човекъ у автоматъ (машину) и падне као жертва ове любави: заръ ніе овомъ раванъ риттеръ Тоггенбургъ? У средњемъ вѣку видили су у любави какво неизбѣжно предопредѣлѣнѣ судбине; романтизамъ нашегъ времена узима стварь простіе безъ свакогъ мистицизма. Онъ недржи, да за єдну жену само єданъ єдиный човекъ, и за єдногъ човека само єдно женско у цѣломъ свѣту суштествуе. Изборъ предмета любави оснива се на ћуди срца; любавь зависи одъ обостранногъ приближаваня, а ово приближаванѣ опетъ одъ случая; ако се овдѣ незгоди, згоди ће се тамо, — непознамо ли єдну, познаћемо другу. Али съ овымъ нећемо да кажемо ни то, да може човекъ, како му се хоће, любити, или не; съ овымъ само то хоћемо да рекнемо, да се, ако ко само єданъ извѣстанъ идеалъ любити може, ни єданъ идеалъ ма какавъ на свѣту само у єдномъ єксемплару неналази, него у више или манѣ различности. Нашъ романтизамъ негледи

са страхомъ на то, да човекъ у животу само еданпутъ или двапутъ любити мора и може, него на то, да срце онога неразцѣпи, кои му се сасвимъ преда, само да узрокомъ несреће за цѣо нѣговъ животъ небуде. Вы сте само єданпутъ у вашемъ животу любили и остали сте вашой єдиной любави до гроба вѣрни: — изредно! Али немойте само то обштымъ правиломъ за све правити! Єданъ тако, другій онако; овай люби само єданпутъ у своме животу, а онай десетъ путій; обоица чине добро, ако само ни єданъ несрећу каквогъ лица на совѣсть ненатовари. Ніе никакво злочинство више пути у животу любити, а ніе никаква заслуга само єданпутъ любити; за прво себе корити, а съ другимъ се хвалити, єднако є безвкусно.

Кадъ су две епохе при начину сматраня каквогъ предмета себи противположене, то пѣсничство старіегъ времена губи своє дѣйство на новіе време: а кадъ ма коя епоха кои моментъ светскоповѣстногъ развіяня у себи излаже, то нѣно пѣсничство увѣкъ свою важность има, али и то само оно пѣсничство, коє є оной епохи свойствено, а не, коє ньой само подражава. И зато дѣйствую готски храмови средњегъ вѣка и данданасъ тако силно на душу, и балладе Шиллерове, негледећи на ньине пѣсничке лѣпоте, за никога нису незанимльиве. Што више: у колико на више по ньиной художничкой вредности балладе, као „риттеръ Тоггенбургъ“ стоє, у толико више читатель нашегъ времена жалити мора, да су толики топови на врабце опалѣни.

Разумѣ се одъ себе, да се ово Шиллеру, а не Жуковскомъ пребацыти може; єръ онай се трудіо, у мало часъ наведенымъ пѣснама, давно изумрле интересссе у животъ натрагъ довести у време, кадъ є животъ одъ важны вопроса потрешенъ быо, и историйскій духъ, равно подземной кртини, старе темелѣ новс дѣйствителности подкапао; а овай є єдной младой, текъ уставшой литератури нове плодоносне елементе показао, и упознао є младъ єданъ текъ будећій се народъ са новымъ, нѣму безусловно нуждныимъ интересссима. Да дакле іоштъ ясніе и разговетніе сштество и значай средовѣчногъ романтизма, а съ тымъ заєдно и Жуковскове романтике представимо, бацыћемо погледъ на садржаніе іоштъ нѣки нѣговы баллада.

Єданъ смиренный пустиньикъ водіо є нѣкадъ єдногъ заблудившегъ путника у свою шумску ћелію; овдѣ позна у нѣму свою любезницу, и скинувши са себе лажну браду, закуне се Едвинъ да ће са Малвиномъ живити и умрети. Ово се по свой прилицы тако давно догодило, да се садъ праведно посумняти можемо, едали се кадгодъ заиста и догодити могло. Едвинъ є любіо Малвину, али му є нѣговъ богатый отацъ запретіо, да се са сиротомъ дѣвойкомъ несастає. Шта да се ради? Они, кои ову балладу нису читали, могли бы мыслити, да є Едвинъ быо ћаче, когъ є отацъ за непослушность нѣгову избити могао. Боже сахрани! Онъ є быо дечакъ по годинама, али већъ познатъ са страстима. И то є было, што му є страданѣ тежимъ и дужетраюћимъ учинило! Нѣговъ

отацъ быо є отацъ у смислу среднѣгъ вѣка, т. є. човекъ, кои мисли, да због бѣдногъ дара живота право има сына по вольи и ћуди среће лишити, или съ другимъ рѣчма: кои є држао сына за свога роба, за ствар, коя нѣму припадлежи. У наше време има отацъ у обште сасвимъ друго опредѣленіе; нѣга свезує са нѣговымъ дѣцама не толико крвь, колико духъ; онъ недржи то за свою заслугу, што є своіой дѣцы физичко суштествованѣ, него, што имъ є на любави основано воспитанѣ, моралный животъ дао. Кадъ бы у наше време отацъ изъ себичногъ рачуна сыну срећу нѣговогъ живота узети хтѣо, то бы свакій видіо, да отацъ самъ себе люби, а не сына, и башъ тымъ своя права спрама овога унишћава; єръ кадъ отца любовь за дѣцу невеже, онда ни дѣца немаю отца. Али у средньмъ вѣку мыслили су о овомъ другчіе, и отацъ є држао за свое освећено право деспотомъ, а сынъ за свою свету дужность, створю драгогъ родителя быти. Тако є и нашъ Єдвинъ мыслію, и зато є изъ туге у постелю легао, одважанъ животъ свой смрћу окончати. Но найпре хтѣо є іошть єданпутъ Малвину видити, коя, кадъ є нѣговъ последный уздысай примила, такођеръ далѣ живити ніе хтѣла, и єдва є могла до своє матере доспѣти, пакъ онда мртва на землю падне. Тако су нѣкадъ любили, и тако є опасно было за „наймиліе родителѣ“ вѣрна срца разставити. Али овдѣ се мора заєдно и то примѣтити, да су у оно време, кадъ су ове обе балладе у русскомъ єзыку изышле, оне врло важне быле гледећи на образованѣ и дѣйствованѣ човечески чувства

у ондашњемъ дружству, и да су не иначе него благодатно дѣйствовати морале на нравствено образованѣ млађы родова.

Варвикъ, грабитель круне и убійца свога књажескогъ питомца, законногъ наслѣдника престола, буде потопомъ казњенъ; хотѣћи се на чуну спасти буде принуђенъ руку єдномъ утапляюћемъ се дѣтету, духу убієногъ одъ њега принца, пружити, кое и њега у таласе увуче. Стихови ове балладе єсу чудесни, описанія живописна, цѣль нравствена, — све є изредно, али сасвимъ невѣроятно. Риттеръ Адделстанъ купіо є срећу любови одъ сатане тымъ обѣћанѣмъ, да ће му зато своимъ прворођенымъ платити; али текъ што му є дѣте предао, кадъ му пандже у себи осѣти, а дѣте чудомъ спасено буде. Стихови ове балладе єсу благозвучни, живописни; садржаніе поучително, али за никога, кои зна читати и писати, кои само нѣшто изображенія има, него поименце за ону классу людій, кои уобште никакве балладе нечитаю, єръ читати незнаю. — Славный юнакъ био є Харалдъ, али у несрећный часъ зажели му се воде изъ єдногъ потока пити, — онъ се напіє и окамени се; ово є была дебела шала са стране Вила, кое су Харалдове пратіоце превариле и одвеле. Како є то добро, да су у наше прозаиско време Виле изумрле, те се смѣмо напити воде а да се не окаменимо. — Єданъ момакъ (Кларре) кои є свога господара (Паладина) убіо, обуче тога оружіе, кое своіомъ тежиномъ учини, да се у єдной рѣки утопи, у кою га є конь убієногъ риттера збаціо; сасвимъ праведна казнь

за убійцу. — Како су чудна была она времена Феудализма! Свака добродѣтель была є смѣста награђена, и свако зло дѣло одъ оногъ часа наказано. Невинно страдати ніе у оно време могућно было; могли су кога тужити, чимъ є ко хтѣо, па башъ да є и отца свога убіо, то му є само требало, ако є о своіой невинности увѣренъ био, руку у врію̂ћу воду турити, и могао є сигуранъ быти, да руку опећи неће, да ће овымъ и друге о чистоти своє савѣсти увѣрити. Свойства врію̂ће воде мора да су се сада яко измѣнила. Єръ садъ пече до врага — руку повиннога тако као и невиннога. И опетъ хоћеду, да мы садъ таковомъ времену живимо, и балладе читамо, кои чудесность човеку ова положителна дѣйствителность певѣроятномъ чини. Найгоре є при томъ то, да у нашемъ прозаискомъ времену читанѣ чудесны балладa ни наймањѣгъ ужитка недає, него само апатію и зеванѣ проузрокує. Како лѣпо звечи и пр. „баллада, у коіой се описує, како єдна баба на црномъ коню яши, а нѣко предъ ньомъ сѣди.“ Жуковскій є ту прекрасно превео изъ енглезскогъ (по свой прилицы изъ Соотхея); али ню до края изчитати, нема свакій доста снаге. Ова баба была є грозна вештица, као што она сама каже. Изъ страха предъ ђаволомъ, кои є по єдномъ уговору нѣно тѣло однети имао (мы садъ више незнамо управо, нашто є лукавомъ тѣло бабе требало, кадъ іой є душу и онако већь у своимъ шакама имао), моли баба свога сына, єдногъ калуђера, да іой кости молитвама одъ напасти нечистога обрани. Но и опетъ зграби овай свой грабежъ,

и однесе стару вештицу на єдномъ црномъ коню. И право іой є; али зла срећа хоће, да мы на вештице и вештце невѣруємо, и докъ имъ съ єдне стране ни за какву цѣну на свѣту недопуштамо крвь наше дѣце проливати, дотле имъ напротивъ радо допуштамо, да у каквомъ обчинѣномъ или ма каквомъ другомъ огню одсѣчене власи наши заручница спалюю (ако бы ове те себи одсѣћи дати хотѣле), и кости наши мртваца узимаю. Осимъ тога вештцы нашегъ времена, класически вештцы, єсу далеко разумніи, него романтички вештцы. Кадь имъ крвь дѣце, власи заручница, и кости мртваца новаца недоносе, то они за ньи и немаре. Што се поименце мртвачки костію тиче, то су за ньинъ миръ у мирной земльи ученицы лѣкарства и уобште люди, кои се са лѣкарскомъ наукомъ баве, много опасніи, него сви вештцы; ни єданъ се одъ оне господе небы затезао вирећу изъ землѣ лубаню у джепъ тиснути, пуно увѣренъ (што се међу тымъ ни предъ савѣшћу ни предъ здравымъ разумомъ одобрити и оправдати неможе) да покойный притежатель тикве то ни за какву увреду недржи, и да є овой свеєдно или у земльи трупула, или у собицы напредакъ благотворне за родъ човеческій науке умножавати помагала. Да кога дакле баллада, у коіой се летенѣ у пакао єдне старе вештице са ђаволомъ и на ђаволу описує, обузме, то мора тай то свойство имати, да може са накострешеномъ косомъ и одъ ужаса избулѣнымъ очима све луде разговоре простогъ народа о вештицама и ђаволима слушати: — али ово свойство може само слѣдство найгрублѣгъ

незнанства быти, одъ кога се садъ мало помало и найнижій пукъ чисти. Такве балладе могу само нѣжну и свакій уплив̀ъ примаюћу уображаваня силу дѣце ужасавати; но ко бы имао волю дѣцу за читав̀ъ њинъ вѣкъ покварити, дающи имъ такву сорту баллада, да ій читаю? Ово бы се звало далеко гори быти, него опа стара вештица.

И опетъ є Жуковскій своме средовѣчно-романтичкомъ правцу тако вѣранъ остао, да є балладе са найчудноватіимъ садржаніемъ текъ после 1820 године преводіо. Преведена одъ њега „Ленора“ была є 1831. печатана. Као примѣръ прекомѣрногъ и невременогъ романтизма наводимо балладу „Изолина.“ Пѣвацъ Алонзо враћа се изъ Палестике и почне подъ прозорима своє Изолине пѣвати; али кадъ чує, да є умрла, умре и онъ онай часъ; Изолина пакъ доћє његовомъ пѣсмомъ къ себи, и съ тымъ край. — Іоштъ више означава средовѣчный романтизамъ баллада „Доника,“ коє садржаніе у томъ се састои, да є у за чудо лѣпу заручницу єдногъ риттера ни мени ни теби на єданпутъ ћаво ушао, и ню текъ кодъ олтара остави, кадъ се башъ вѣнчати имала, али мртву: то є дакле романтизамъ среднѣтъ вѣка, — то тамно царство подземны, демонски сила, предъ коима и сама невинность и добродѣтель безъ обране стои! Грчкій романтизамъ ніе никадъ до толики, човеческо достоинство понижаваюћи лудорія заблудіо. — Балладе: „Братоубійца,“ „Кральица Урака и петъ мученика“ и „Покора“ ни су ништа друго, него католичке легенде среднѣгъ вѣка. Послѣдня найболя є одъ свію

по стиховима тако, како и по садржанію. „Дворъ Смалхолмъ“ ова лѣпа одъ Жуковскогъ у лѣпымъ стиховима преведена Валтерскотова баллада описує пѣснички животъ феудалногъ времена. Гледећи на єзыкъ ова є баллада єданъ одъ найдивніи послова Жуковскога.

У правымъ лирискимъ, изъ немачкогъ преведенымъ или прерађенымъ стихотвореніяма Жуковскогъ указує се значай нѣговогъ романтизма іошть више, него у балладама. А шта є управо овай романтизамъ? онъ є желѣнѣ, наклоность, усхићенѣ, чувство, уздысаи, жалость, тужењ о неизпунѣнымъ безименнымъ надеждама, печаль о изгублѣной срећи, коя се Богъ самъ зна у чему састояла; онъ є свѣтъ, лишенъ сваке дѣйствителности, у комъ само сѣнке и дуси живе, наравно са краснымъ и очарателнымъ али ништа манѣ недостижнымъ дусима; онъ є уморна, лагано протичућа, никадъ на край недолазећа садашньость, коя прошлость оплакує, а будућность никакву предъ собомъ невиди; накратко, онъ є любавь, коя се тугомъ рани, и коя безъ туге ништа имала небы, чимъ бы своє быће продужити могла. Мы ћемо у Жуковсковымъ собственымъ стиховима оправданѣ наше неопредѣлѣне и нсясне пресуде нѣговогъ пѣсничства потражити. Обширно разлаганѣ сваке пѣсне надалеко бы насъ одвело, и зато ћемо узети єдну одъ найзначайніи, пакъ ћемо онда ради сравньиваня основне идее нѣговы други манѣ више значителны пѣсана показати, и тымъ ћемо осповный мотивъ свію мелодія нѣгове поезіе представити, єръ сва

стихотворенія Жуковскова нису ништа другò, него варіяціе сврху єдногъ и истогъ мотива. За све приличе као надпись слѣдующа два крайня стиха пѣсне „Теженѣ за любезнымъ:“

Любави, ты си пропала, радости, ты си изчезла;
Само теженѣ за прошлымъ остало ми є.

„Тайнепуный посѣтитель“ єсть єдна одъ найзначайніи стихотворенія Жуковсковы. Гласи оно:

. . . . кто ты, призракъ, гостъ прекрасный?
Къ намъ откуда прилеталъ?
Безотвѣтно и безгласно,
Для чего отъ насъ пропалъ?
Гдѣ ты? Гдѣ твое селенье?
Что съ тобой? куда исчезъ?
И зачѣмъ твоє явленье
Въ подпебесную съ небесъ?

Не Надежда ль ты младая,
Проходящая порой
Изъ невѣдомаго края
Подъ волшебной пеленой?
Какъ она, неумолимо
Радость малую на часъ
Показалъ ты, съ нею мимо
Пролетѣлъ и бросилъ насъ.

Не Любовь ли намъ собою
Тайно ты изобразилъ?
Дни любви, когда одною
Міръ одной прекрасенъ былъ?

Ахъ! тогда сквозъ покрывало
Неземнымъ казался онъ . . .;
Снятъ покровъ; любви нестало.
Жизнь пуста и счастье сонъ.

Не волшебница ли Дума
Здѣсь въ тебѣ явилась намъ?
Удаленная отъ шума
И мечтательно къ устамъ
Приложивши перстъ, приходитъ
Къ намъ, какъ ты, она порой,
И въ минувшее уводитъ
Насъ безмолвно за собой.

Иль въ тебѣ сама святая
Здѣсь Поезія была? . . .
Къ намъ, какъ ты, она изъ рая
Два покрова принесла;
Для небесъ лазурно-ясный,
Чистый, бѣлый для земли:
Съ ней все близкое прекрасно;
Все знакомо, что вдали.

Иль Предчувствіе сходило
Къ намъ во образѣ твоемъ
И понятно говорило
О небеспомъ, о святомъ?
Часто въ жизни то бывало:
Кто-то свѣтлый подлетитъ
И подымаетъ покрывало,
И въ далекоє манитъ.

Зна л' ко, ко є то тай „тайнепуный посѣтитель?“ Ни самъ пѣсникъ то незна, и мысли, да є то часъ надежда, часъ любовь, часъ мысао, часъ поезія, часъ слутењ. Али башъ ова неопредѣлѣность, ова магловитость чини управо главну дражесть, а заєдно и главный недостатакъ Жуковсковогъ пѣсничства. Да покушамо іошть изъ ближе изяснити га.

У човеку лежи чувство безконачногъ; оно чини основъ нѣговогъ духа, а теженѣ къ безконачномъ єсть терајуће коло сваке духовне дѣятелности. Безъ теженя за безконачнымъ нема живота, нема развитка, нема напредка. Суштество развитка састоисе у теженю и достизаню. Но кадъ човекъ што достигне, то неостає при томъ, нити се съ тымъ задоволява; радость о томъ, да є што достигао, трає за мало у нѣговой души, и таки уступа новомъ теженю. Одтуда чувство изпутрашнѣгъ незадовольства са свачимъ у животу. Одтуда ово тайно теженѣ. Можемо рећи, да є човекъ, докъ се са препонама достизаня бори, срећніи, него кадъ є ту борбу докончао, и, што є хтѣо, достигао. А другчіе неможе ни быти. Што є дубля наравь човека, то є силніе и теженѣ у нѣму, утолико се теже задовольити дає. Ово є значай безконачногъ: духъ човеческій може то (безк.) само у нѣговомъ коначномъ на часъ появленію, у условіяма времена схватити; и кадъ є што достигао, то таки види, да ніе све достигао. Пакъ онда одбацує ово достижено нѣшто као ништа, као оно, што безконачно неизражава, и мысли, да ће то у другомъ чему достићи. У овомъ се састои суштество живота,

као непрестаногъ развіяня, као непресѣченогъ мицаня у напредъ. И кадъ се ово теженѣ у практическомъ животу обистини, кадъ оно буде вѣчнымъ дѣланѣмъ, непресѣченымъ стваранѣмъ, онда є ово женѣ дѣйствителна сила човека, онда є оно нѣгова цѣль и конацъ; пакъ ако га достизанѣ и ненамири, то є и пакъ оно — напредованѣ за нѣга, и нѣгово ново теженѣ стои више предишавшегъ, нѣгова нова цѣль выша є него она, кою є векъ достигао. Но има асцетски природа, кое немаю хисторійскогъ смысла дѣйствителности, незнаду за практическій свѣтъ живота, но само у одвученымъ понятіяма живе; — ове природе држе теженѣ къ безконачномъ за єдну и исту стварь са самымъ безконачнымъ, и хоће ма шта ій стало да своє напрешѣ у самомъ теженю наћу. У овой идеи има нѣшто истише; и такови люди стоє наравно много на више него найпрактическій и найдѣлателній, кои непознаю ово теженѣ, и са найпростіимъ земальскимъ цѣлима задоволяваю се. Но при свемъ томъ то су єдностранни люди, кои узрокъ дѣйства за само дѣйство и за цѣль дѣйства узимаю; а ово є тако исто велика блудня, као кадъ бы ко, кои жели знати кое є време, мѣсто да на листъ са числама погледи, а онъ сатъ отвори и найпре шпирално перо мотри.

И тако чини задржаніе поезіе Жуковскове, нѣнъ паѳосъ, теженѣ за безконечнымъ, кое се за само безконечно узима, као што се и мичућа сила за цѣль мицаня држи. Безъ свакогъ хисторійскогъ земльишта, свакогъ практическогъ елемента лишена,

тежи ова поезія свé єднако на више, а никадъ ништа недостиже, свé єднако сама себе пита, а никадъ ништа неодговара. За доказателство овога дали бы се скоро изъ свію стихотворенія Жуковсковы одломцы навести.

У животу човека има време, кадъ є пунъ тежења и немира, о комъ нити зна шта є, ни одкудъ долази, можели се такавъ човекъ после за дѣйствително теженѣ са цѣлю и слѣдствомъ способнымъ учинити, то за ово има томе захвалити, што є нѣкадъ таково време неизясненогъ теженя имао. Таково време теженя, коє се неда изяснити, и време, коє се разпознати неда, имало є и читаво човечество, и управъ у томъ стои суштество средовѣчногъ романтизма. Што є у романтизму садашнѣ Европе мало таме, а много свѣтлости разсуто, то долази одтуда, што є Европа романтизамъ преживила и за собомъ оставила. И што у Пушкиновой поезіи више дубокогъ, разумногъ и опредѣленогъ садржая налазимо, више богатства и мужевности мысли, него кодъ Жуковскогъ, то долази одтуда, што є Жуковскій предъ Пушкиномъ ишао. Жуковскій є изпуніо недостатакъ историйскогъ среднѣгъ вѣка у Руссіи, и, хвала му, крозъ нѣга є текъ почео русскій народъ романтичку поезію среднѣгъ вѣка, као и ром. поезію изъ почетка 19. вѣка не само познавати, него є и удоми, и съ ньомъ се сроди. И ово є одъ нѣгове стране велико дѣло, коєга награда не стои само у простомъ спомену у исторіи отечествене литературе, него у имену, коє ће се славити одъ рода въ родъ.

Свака стварь има две стране; ништа добра на ньой не наћи, незначи іошть, осудити є. Средовѣчный романтизамъ неприличи наравно за наше време; садъ онъ ніе истина, него лажъ; али у своє доба быо є онъ истина. И у хисторіи русске литературе и русскогъ народа было є доба, кадъ є за ньи романтизамъ срединѣгъ вѣка нуждный елементъ живота быо, живо семе, коє є землю русске поезіе плодоносномъ учинити имало. Велика є заслуга онога, кои є ову потребу намиріо, али при свемъ томъ несмемо мы само стояти, па се томе дѣлу дивити, неразмишляваюћи нимало, шта бы се при томъ примѣтити дало; — мы морамо познати, шта оно садъ значи; — мы га морамо са сваке стране сматрати. То ніе ништа, ређи, Жуковскій є романтизамъ у русску поезію увео, ие, него морамо тай романтизамъ у правомъ нѣговомъ виду показати.

Любавь игра у Жуковсковой поезіи главну ролу. Какавъ значай има она? Шта є нѣно суштество? Као што мы мыслимо, то ніе любавь, него много више потреба, жеђь за любавлю, теженѣ къ любави, и одтудъ є любавь у поезіи Жуковскога неопредѣлѣно чувство:

Дражь теженя, колебанѣ надежде,
Сласть, дрктанѣ кадъ се очи сретну,
Ласкаюћій гласъ усхићенѣ є душе,
Сила тихы тайнепуны рѣчи,
Сласть присутства, мука разстанка,

Кажу, да су сва ова безсумнѣна свойства, свеобшти знацы любави. Нека є; али башъ због тога видимо мы у томе неопредѣлѣность, єръ су ово врло свеобшта свойства.

Любавь є свеобште човеческо чувство; али у свакомъ човеку показує се у особитой бои, у нѣговой особной особености; у толико више дакле у производима стихотворца. Мы чуємо у поезіи Жуковскової уздысає раздераногъ срца, мы видимо сузе падаюће за надеждама, коє се никадъ испунити неће, и осѣћамо заєдно ову безутѣшну тугу, ову безкрайну печаль, ово неизбавно страданѣ; али невидимо никакавъ живъ образъ, нечуємо никакавъ живъ гласъ, кои є срцу пѣсника тако міо: за насъ є све то виђенѣ, появлѣнѣ духова.

Жуковскій є у своимъ пѣсмама прекрасне идеале предмета любави и любави саме створіо. Они су врло истинни, али само до извѣстногъ степена. Има у животу човеческомъ време, кадъ само у таковымъ идеалима найстрастніє желѣ нѣговогъ срца, найватреніи санови фантазіе леже; али ово време протиче брзо, и у срцу човека роде се друге желѣ. Младићъ неможе любити, као што дѣчакъ, кадъ у младића прелази, люби; нѣгови су образи фантазіе истинни, и стидльиво ћутанѣ, плашльиви разговори могу га само на кратко време задовольити. Осимъ тога расти и миче се любавь исто тако, као и све остало живо што є; єдна желя повлачи и доводи друге желѣ за собомъ, и то трає све дотле, докъ лю-

бавь опредѣлѣный значай недобыє, и любећи у опредѣлено одношеніє єдно спрама другогъ недоћу.

Да представимо себи двоє любећы се, кои крозъ читавъ вѣкъ свой ништа друго нераде, него плашльиво очи обараю, како се те сретну; то бы заисто чуданъ образъ био, премда такоћеръ дражестанъ у своме почетку. Жуковскій є у овомъ погледу сасвимъ романтикъ у смислу среднѣгъ вѣка: нѣму є доста чувство само у срцу носити, и онъ то чува и негує онако, како му се у прси увукло; кадъ бы се то како промѣнило, то бы се онъ ужаснуо, и непостоянство у томе видіо. Мы смо єданпутъ споменули, да има природа, кои є читавъ животъ изражай єдногъ маког човеческогъ доба, и да є Крыловъ у своимъ баснама вѣчно младъ дѣчко, а Жуковскій у своимъ романтичкимъ дѣлама никадъ нестарећій младићъ.

Мы бы противъ позорльивости яко стрѣшили, кадъ небы о Жуковсковой поезіи говорећи, и на тугу и страданѣ погледали, као на єданъ главный елементъ сваке романтичке поезіє уобште, а Жуковскове попасе. Да видимо, съ каквима се саняріяма она увѣкъ бави. Овдѣ се моли єдна дѣвица у црной прте-ной одѣћи на гроблю предъ икономъ матере божіє и преће при томъ да и неосѣти у другій свѣтъ; тамо иде дѣвойка на друму, а съ ньомъ нѣнъ младый пріятель, тужанъ є нѣнъ образъ, а печали пунъ погледъ, нѣжно се полюбе они у образъ и уста, и опетъ процвѣта у ньима животъ и лѣпота. „Но само за мінуте трає срећа. Два звона звоне ясно: она умире у монастирской ћеліи, онъ у дворской тамницы.“

Таковый правацъ Жуковскове поезіе врло є природанъ и лако се дає разумѣти. Неимаюћи никакавъ хисторійскій сматраня начинъ, никакво чувство за напредованѣ, никаквогъ идеала велебне будућности човечества — мора видити у подмесечномъ свѣту само свѣтъ безъ край туге, безнаждне борбе и непрестаногъ страданя. Зато у Жуковсковой поезіи и недолазе уздысаи срдчаны мука у душу раздирућимъ диссонанціяма, него у тихой мизики душе, и нѣгова поезія люби и мази свое муке као и свое люблѣнѣ и свое одушевлѣнѣ. Жуковскогъ бы могли пѣвцемъ губитака срца назвати. Ко непознае нѣгову прекрасну, одличну елегію на „смрть виртембержке кральице“ — овай велебный католичкій реквіемъ (парастосно опѣло), ову химну жалости земскогъ страдания и тайне губитка? Ово є у найвећемъ степену романтичкій производъ у смислу средпѣгъ вѣка; ту є све лѣпо; али ако га хоће човекъ са свимъ подпуно да ужива, то га мора онда читати, кадъ му є какавъ тежкій губитакъ срце згодіо. . . О, онда ћемо наћи у Жуковскомъ пріятеля, кои наше страданѣ съ нама дѣли, и томе говоръ и рѣчи дає.

(заключеніе слѣдує).

III.

ИЗВѢСТІЄ

О ДѢЛАНЮ МАТИЦЕ СЕРБСКЕ

мѣсеца Новембра и Децембра 1846. и Јнуарія 1847. год.

У засѣданію одъ 24. Окт. 1846 заключено є, да се сви они предмети, кои се строго Матице тичу, и нѣно књижевно дѣланѣ сачињаваю, по реду Протокола као у извѣстію о дѣланю заведенія печатаю и народу представе; за званичный органъ овы извѣстія узетъ є, као што се по самой природи ствари разуме, Сербскій Лѣтописъ. И тако ће одсадъ у С. Лѣтопису свагда єдна стоећа рубрика за ова Извѣстія налазити се.

Предбѣжно овдѣ назначуємо и то: да є у истомъ засѣданію одъ 24. Окт. прочитано обявленіе С. Лѣтописа за 1847. годину. Томъ є приликомъ рођено питанѣ: коя цѣна Лѣтопису за наступаюћу годину да се опредѣли. Сирѣчь нѣки су Членови послѣ прочитаногъ обявленія примѣтили, да су имъ се са више

страна любительи сербс. кньижества изразили, како бы желили, да се цѣна С. Лѣтописа са 40 кр. ср. на 30 кр. спусти, и зато су дакле захтѣвали, да се, ако є иоле могуће, овой жељи одговори и Лѣтописъ по 30 кр. ср. Частица даєе. На ово се заключи: да Дѣловодитель учини извѣстіе: како С. Лѣтописи пролазе? да се види, може ли се цѣна спустити, а да се нештетує.

У истомъ засѣданію предао є Секретаръ М. С. 4. кньиге подъ насловомъ: „Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей россійскихъ при Московскомъ Університетѣ,“ коє є Г. Бодянскій библіотеки Матице С. на даръ послао.

Засѣданіе одъ 19. Новембра.

Nr. 166. Приликомъ прочитаногъ писма, у комъ млади у Пожуну учећи се Сербльи Матицу С. моле, да бы имъ пѣке недостаюће свезке С. Лѣтописа за библіотеку послала, заключено є: да се истой библіотеки, кою су осниваюћи ю младићи Матицы Србской пре две године поднели, одъ сваке Части С. Лѣтописа, и одъ сваке кньиге, кою Матица Срб. изда, по єданъ ексемпларъ пошлѣ, у осталомъ пакъ да се споменутимъ младымъ родолюбцыма то упутство даде, да при концу сваке школске године списакъ кньига и станѣ библіотеке Матицы С. шалю, да се тако свагда у ясности одржи, у каквомъ стању новодошавши предано ньима одъ одступаюћи заведеніе хране.

Овомъ приликомъ заключено є и то, да се одъ свакогъ Матицомъ изданогъ дѣла Чесскомъ Музеуму, Загребачкомъ Дружству Читаонице, и Бѣоградскомъ Читалишту по єдна књига на даръ шиљѣ, и да се истимъ заведеніяма узаймно у томъ одъ ньи изданы дѣла шиљанѣ предложи.

Дѣловодителю Матице С. наложено є, да књиге на своє опредѣленіе точно одправля.

167. Учредникъ С. Лѣтописа явля, да му є печатня кр. Свеучилишта у Будиму на знанѣ дала, да ће за будућу годину Лѣтописъ С. табакъ у 500 екс. по 6 фор. 42 кр. ср. мѣсто досадашньи 7 фор. 18 кр. ср. печатати. Извѣстіе ово упућено є на дѣловодителя, да се по нѣму управляти може.

170. Поведена є рѣчь о томъ, како бы добро было, кадъ бы се своимъ путемъ и начиномъ народу нѣгове повластице до знаня доставиле, и одређено є, да се пре свега предсѣдатель и Секретаръ Дружства са онымъ особама посовѣтую, кои бы у томе найсрећніе послужити могле.

171. Матица С. имала є и по нужди времена, и по вышшемъ налогу Уставъ свой потреби времена и изкусства сходно пригодити, и вышшемъ Мѣсту ради прегледа и одобреня поднети, коє є и учинѣно, и пакладителный уставъ устроєнъ є, и у обичномъ засѣданію прочитанъ изпитанъ и одобренъ быо є у Главномъ засѣданію у Августу п. г. явно прочитанъ, и имао бы се вышшемъ Мѣсту поднети. У овомъ засѣданію одређено є, да се у пратећемъ рекурсу за свaку преиначену или нову точку у томъ

накнадит. Уставу изложену, свои основи изложе, коима є Дружство приведено, да старію уредбу прeпачи или нову жели.

Овомъ приликомъ и то є одређено, да се Высокосл. Мѣстозаступный Совѣтъ замоли, да бы Матицу Србску по примѣру свію новопостаюћи Содружества одъ дужности ослободіо магистратуалногъ коммисара имати.

172. За дѣло „Цвѣтъ милости“ или „Тестаментъ чедолюбивогъ отца“ опредѣлила є была Матица Србска Г. Сачинителю Петру Стойшићу Адвокату одъ свакогъ печатапогъ табака 1. царскій дукатъ као награду, и будући да є дѣло 3 табака и ¼ изнело, зато є и наложила была своимъ дѣловодителю, да Господину Сачинителю 3 и ¼ дуката пошлѣ. У овомъ Засѣданію явля дѣловодитель, да Г. Стойшићъ одређену му награду на фондъ Матице С. покланя, кои є даръ са заслуженымъ уваженѣмъ примљенъ.

Засѣданіє одъ 16. Децембра.

174. Дѣловодитель Матице С. предає

одъ продаты книга	– –	250 ф. у ср.
Бл. Г. Петаръ Демелићь полаже свой годишный прилогъ	– –	5 ф.
Высокопречест. Г. Севаст. Илійћь шилѣ		
а.) Прилогъ при обѣду скуплѣнъ одъ		25 ф.
тога годишњу лихву	– –	1 ф. 30. к.
б.) трогодишню лихву на завѣщано главно одъ Монастыра Гомиріа		18 ф. —
лихву одъ те сумме	– –	1 ф. 6 к.
у скупи:		300 ф. 36 к. Ср.

Кои повцы предаю се кассиру.

Членъ Г. Михаилъ Іоанновићъ указує 40 ф. ср. као прилогъ п. т. Г. Димитрія Іовановића града Пеште Землемѣра.

Членъ Г. Алекса Войновићъ указує 50 ф. Ср. као прилогъ п. т. Стефана Стефановића, и други 50 ф. Ср. као прилогъ п. т. Г. Димитрія Поповића.

Овомъ се приликомъ роди питанѣ: постає ли свакій, кои 40 ф. и више приложи, тымъ истымъ Членъ и Приложникъ Матице С. и прочита се Протоколлъ одъ 10. Април. 1837. у комъ се у точки 8. установлява, да оно лице, коє у Будиму и Пешти обытава, одъ єдногъ утврѣеногъ Члена предложено и вышеством гласова избрано быти има.

На то стигне писменно Извѣстіе Нѣг. В. Преосвященства Гдина Епа Платона Атанацковића, у комъ се Дружство извѣщава, да є Нѣг. Ексц. Г. Архі-Епъ и Митрополитъ Іосифъ Раячићъ изразити изволіо готовость Приложникомъ Матице С. постати, на коє є єдногласно заключено, да Дружство усердіе и обшту желю Членова Нѣгову Ексцелленцію Членомъ своимъ именовати моћи тымъ у дѣлу засвѣдочи, и онымъ га начиномъ таки Членомъ своимъ учини, кои у власти има, а Приложникомъ постати може и послѣ тога Нѣг. Ексц. онда, кадъ за благо судіо буде. И тако єдиодушно буде заключено, Нѣг. Ексц. почестнымъ членомъ изабрати, и писменно умолити, да бы ту желю Дружства уважіо, и као почестный Членъ Дружству мудрымъ совѣтомъ и родолюбивымъ

дѣломъ у помоћи био, а заєдно по узвышеномъ свомъ положенію Дружство покровителствовати благоизволіо.

Поредъ истогъ писма шилѣ Нѣг. Высокопреосвященство 40 ф. ср. као прилогъ одъ н. т. Г. Димитрія Іоанновића, Присѣд. Мѣничногъ Суда.

181. Г. Василій Ковачевићь Протопрезвитеръ Сомборскій шилѣ славенскій преводъ французскогъ Томасовогъ дѣла: „Похвала Марку Аурелію“ одъ Гр. Терланћа написаный Дружству, да бы га о овомъ трошку печатало, на кою понуду одређено є, да поднешено дѣло Членови Г. І. Витковићъ, Г. Др. І. Суботићь, и Г. Петаръ Демелићь прочитаю, и Дружству мнѣніе поднесу, има ли се исто о Матичиномъ трошку печатати, или се Гдину Подносителю повратити?

182. Нѣг. Высокопреосвященство Г. Епиъ Платонъ Атанацковићь шилѣ Дружству 3 екс. свога дѣла: Повѣсть резіденціе Епископата Будимскогъ, а одъ части и тога самога, на даръ, коє дружство са благодарношћу прима.

ГОДИНА 1847.

Засѣданіе Главно одъ 14. Іануарія.

Ово є Засѣданіе отворено, и тако є Дружство имало радость видити лѣпо число слушателя, особито млады учећи се Сербаля. Што є пакъ сваке године, пакъ и ове Дружству особито веселѣ проузроковало, то є присутство дичны родолюбивы Србкиня,

кое тымъ явно показую, да имъ кньижество и просвѣта народа на срцу лежи.

Пре свега светила се вода као на годовный данъ Заведенія, у славу Патрона нѣговогъ Архи Еппа и просвѣтителя Сербскогъ Савве. За тымъ є Секретаръ Матице С. будући да редовный Гдинъ Предсѣдатель због здравля присутствовати ніе могао, Засѣданіе отворіо поздравивши родъ свой. любеће слушателѣ и изложивши предмете, кои ће се предузети.

После овога прочитани су рачуни за 1846. годину како поименце, тако и у главномъ прегледу, као што слѣдує:

I. Приходъ.

	фр.	кр. с.
Одъ продаты кньига и скуплѣне вересіе	1116	—20
Одъ продаты образа Савве Текелій –	5	—20
Одъ лихве на обвезателства – – –	429	—51
Прилози єданпутъ за свагда – – –	294	—27
Одъ єжегодны завѣщанія – – – –	40	—30
Сумма прихода:	1886	—28

Осимъ овогъ ушло є у кассу одъ положеногъ главногъ подъ лихвомъ бывшегъ – – – – – – – – –	25—	„
Съ концемъ године 1845. остало є было у касси готовы – – – – – –	4287	—42
И тако є станѣ кассе износило:	6199	—10

II. Расходъ.

	фор. кр. с.
На издаванѣ 4 Части С. Лѣтописа - -	527— 3
На издаванѣ књижице: Прегледъ цѣлогъ счетов. состоянія М. С. за 1845.	34—28
На издаванѣ књиге: „Баштованъ“ -	370— 6
На издаванѣ књиге: „Цвѣтъ Милости“	111—15
На дописиванѣ, експедиціе и друге сит-не потребе - - - - - - - -	93— 3
Сумма расхода:	1135—55
И тако, кадъ се одъ цѣле сумме горе изложене - - - - - - - - -	6199—10
Одузме овогодишньій расходъ - - -	1135—55
остає на чисто	5063—15
Одъ овы є новаца издато на лихву: -	3200— „
остає у готовомъ у касси	1863—15

III. Станѣ цѣлогъ Фонда М. С. съ концемъ год. 1846.

1. Лихвоносно Главно у обвезателствама $^{6}/_{100}$

а.) Добровольни прилози одъ прошлы година - - - - - - - - 2340— „

б.) Чрезъ Содружество подъ лихву издано - - - - - - - - - 6835— „

Сумма лихвоносногъ Главногъ: 9175— „

фор. кр. с.

2. У готовомъ новцу за издаванѣ подъ лихву има - - - - - - - 1863—15

Сумма цѣлогъ новчаногъ Фонда: 11.038—15

3. Неплаћено одъ ежегодны завѣщаны прилога:

а.)	За год.	1842. - - - -	23—24
б.)	„ „	1843. - - - -	85—48
в.)	„ „	1844. - - - -	125—48
г.)	„ „	1845. - - - -	143—28
д.)	„ „	1846. - - - -	200—58
		Сумма:	579—26

4. Неплаћена лихва одъ обвезателства:

а.)	За год.	1843. - - - - -	6— „
б.)	„ „	1844. - - - - -	6— „
в.)	„ „	1845. - - - - -	16—48
г.)	„ „	1846. - - - - -	37—12
		Сумма:	66— „

5. Тестаментална легата іошть неположена:

а.)	Гже Евфиміе Константиновићь	100— „
б.)	Г. Димитрія Іанковићь - - -	100— „
	Сумма:	200— „

6. У кньигама - - - - - - - - 6358—16

7. У коммиссіяма - - - - - - - 1100—30

8. У вересіи одъ кньига - - - - - 1981—11

	фор. кр. с.
IV. Єжегодно завѣщани прилози – –	211—58
V. Основаніе Высокобл. Г. Іоанна отъ Нако	
а.) Главно – – – – – –	5000— „
б.) Приходъ прош. година – –	1114—48
в.) Ове године лихва главногъ $^{5}/_{100}$	300— „
г.) Лихва одъ издате чрезъ Содружество сумме – – – – –	90—24
Сумма прихода	1505—12

Расхода є было за 2. књижице штедит. кассе 40 кр. с.

Приложнике добыло є Содружество 1846. год.

1. Гжа Еуфімія Бароница Іовићь Генералица 100 ф.
2. Г. Петаръ Петровићь трг. изъ Пазуа 40 ф.

За овымъ су три млада Србина, одъ коихъ су два питомца Текелијногъ благодѣтелногъ Заведенія, на задовольство слушателя саставке у прози и стиховима говорили.

После овога изложи Секретаръ М. С. да на наградоносный Задатакъ, по комъ бы се „Политическо-историческо Изслѣдованіе првы трагова бытія Сербаля у аустрійскимъ державама“ и т. д. написати имало, до опредѣлѣногъ рока 7. Ян. 1847. ни єдно дѣло приспѣло ніе, и тако ће дакле Матица С. опредѣлити, хоћели се за истый задатакъ новъ рокъ опредѣлити, или ће се мѣсто нѣга другій предложити; на наградоносный задатакъ, по комъ се: Грамматика єзыка Србскогъ у колико є више могуће по Философическо-критическимъ изслѣдованіяма и т. д. написати имала, дошла су до горе изложеногъ рока два дѣла, одъ

кои єдно носи мотто: „Ille est Deo proximus, quem ratio movet,“ а друго: „Хвалите господа вси языцы.“ Ова ће се дѣла на пресуду дати, и пресуда ће се у главномъ Августскомъ Засѣданію прогласити. Овомъ є приликомъ изявіо говорећій Г. Секретаръ, да є поводомъ проглашеногъ задатка за Грамматику и треће дѣло написано, но да Г. Сачинитель дѣло послао ніе, већь є само явіо, да га има написано.

За овымъ є Нѣг. Величеству срећно владаюћемъ Цару и Кралю Фердинанду многолѣтствіе одпоѣно, и Засѣданіе свршено.

Прим. Слѣдує Засѣданіе одъ 31. Ianуарія, но будући да Извѣститель протоколлъ іошть употребити неможе, зато о нѣму накнадително у слѣдующой части С. Лѣтописа.

IV.

НЋКЕ ЧЕРТЕ

ИЗЪ ПОВЋСТНИЦЕ СЕРБСКОГЪ КЊИЖЕСТВА.

(Заключеніе.)

Матица Сербска чини обратну точку у српскомъ књижеству, ма съ кое стране стварь сматрали, и зато ћемо, пре него што о њой говорити станемо, мало застати, и іошть єданъ погледъ на предидуће време бацыти, да поєдине крупніе предмете, коє смо обићи морали, на око узмемо.

У другой десетини 19. вћка пристушила є литература, као што смо већъ и кодъ Видаковића, Караджића и Давидовића примћтити могли, ближе народу: она га є забавляла и о нћговомъ єзыку, нћговой исторіи учила. И тако видимо, да се овдћ српскомъ књижеству собственый народный темель полагао: за српске Списателћ скупляо се матеріялъ, изъ когъ су могли познати єзыкъ народа, повћсть народа, и пћснички духъ народа. Год. 1810. изиће одъ І. Вуића

Єстествословіє, наука природе одъ Раффа, и Младый Робинзонъ одъ Кампеа; Год. 1811. изда Мразовинѣь своє Руководство къ слав. Грамматицѣ, 1812. Ковачевинѣь: Стихи оКпезу Лазару аг. 1813. І. Беринѣь Педагогію и Меѳодику; исте 1813. изиѣе Добрый супруж. совѣтникъ; 1814. добыю срб. читательи Приключенія Телемака, 1815. Путъ у рай одъ Поповиѣа, а г. 1816. доѣе имъ Совершеный Виноделацъ одъ Болиѣа. Исте 1816. год. изиѣе Спомень Милице у духу Гетеовогъ Вертера написанъ. Година 1818. донесе Географическо-статистическій прегледъ свію Европ. држава на двема таблицама, одъ І. Поповиѣа Мостарскогъ, исте 1818. год. печата се Краткое наставленіє о воздѣланіи виноградовъ. Год. 1820. изиѣе: Тысуѣа и єданъ данъ прев. одъ П. Атанацковиѣа, Агаѳонъ прев. одъ П. Бериѣа, три свезке Шрековс всемірне историє одъ І. Бериѣа. Год. 1822. изда І. Вуиѣь Новоизобрѣтенное училище Добродѣтели, а Г. Лазиѣь кратко наставленіе Фисике; год. 1823. изиѣе Огледало човечности одъ П. Атанацковиѣа, Право наслѣдія одъ Е. Ђурковиѣа, и Житіє Герасима Зелиѣа. Година 1824. донесе Математическо Землѣописаніє одъ В. Булиѣа, год. 1825. Новѣйше Землѣописаніє одъ І. Вуиѣа, и Лѣтописъ (три Части) одъ Г. Магарашевиѣа, а год. 1826. Доситеєве Благе о-

бичає, С. Милутиновића Сербіянку, и — Матицу Сербску.

Видимо изъ овога малогъ каталога дѣла, коя су до 1826. године изишла, да се књижество, као што смо горе рекли, къ народу ближе спуштало, и да є већь болѣ своме задатку, по комъ Учителѣмъ народа быти има, одговарати почело. Али є іошть све было мало и по већой части странно; народный елементъ у књижеству, изузимаюћи народне пѣсме и оно мало народне повѣстнице кодъ Видаковића и Давидовића, ніе се ни макнуо, ніе се ни живъ показао.

Но и околине, одъ кои много и много зависи, быле су такове, да ій горы быти неможе. Највећа часть народа читати незна, а они, кои нѣшто читати знаду, држе у књиги артикулъ највећегъ луксуса, на кои се текъ она крайцара обратити сме, коя после свега другогъ остане; списательствованѣ свакога уваженія лишено, и као напразно трошенѣ времена и дангуба сматрано; списатели скоро сви сиромаси люди или млада іошть дѣца; печатанѣ књига само у єдной печатньи могућно, дакле свима препрекама, коє се само у той струки помыслити даю, снабдѣвено; начинъ продаваня, што може быти, отчаянелань, нити пута свуда послати, ни начина новце за послане књиге примити, — съ єдномъ рѣчю: ништа човека побуђивало ніе, да што напише, а много му є коєшта савѣтовало, да непише; ако є пакъ ко нита написао, тай є могао у напредъ знати, да ће му дѣло у сандуку уплеснивити се, ако само небуде подъ

срећномъ звѣздомъ роѣенъ био, коя Меценате даѥ, єръ да самъ дѣло изда, о томъ нека п немисли, ако ніѥ у стаю нѣколико стотина штѐтовати. Ове су околине србско књижество найпосле до тога довеле, да су се зрели мужеви, кои Меценате тражити за себи неприлично, а штетовати за своима шкодльиво држаше, скоро са свимъ одъ списательствованя одпадили, и тако ѥ дѣло просвећаваня народа скоро на саму дѣцу пало. Свакій може лако видити, да ѥ ово несрећа за наше књижество было. Єръ съ єдне стране губили смо производе духа скопчаногъ са изкуствомъ, съ друге стране морало ѥ уважаванѣ спрамъ књижества и књижевника све већма падати, єръ оно ѥ давало све саме недозреле производе, а ови су были, као што смо рекли, млада дѣца. Єдно ѥ то добро у той незгоди было, што су се младе силе упражнявале; али и ово добро было ѥ съ тымъ манѣ, што ѥ већа часть млады списателя сасвимъ престаяла писати, како ѥ у зреліѥ године дошла. Одъ ове незгоде ніѥ наше књижество ни данданасъ слободно, премда се садъ више ньи налазе, кои, у младолѣтности списательи бывши, заниманѣ, на коѥ су се навикли, и у старіимъ годинама продужаваю.

У овомъ станю стварій две су главне потребе быле, коима се помоћи морало, ако су желили, да србско књижество у колико толико сталности добыѥ. Пре свега имала се дати списателыима прилика, да могу оно, што напишу, печатано видити; а после тога морао се ма какавъ способъ изнаћи, да списательи дѣла не само безъ штете издати могу, него и

какву такву користъ одъ туда имаю. Оно є прво было нуждно за младе духове и манѣ ствари; єръ ове се немогу за себе свакій часъ по мало особито издавати, а за младе духове лежи у томъ, кадъ своє производе печатане угледаю, особита дражесть и остругa за далѣ. Ово друго было є потребно за већа дѣла и старіе списателѣ, кодъ кои число више значи, него типографско писмо, кои на себи дужности имаю о кући своіой старати се, пакъ се мораю онамо окренути, одъ куда што добыти могу, што се загризти дає. Првомъ се гледало доскочити Лѣтопису, као што смо већь примѣтили, коя є имала извѣстногъ рода манѣ саставке печатати. Свакій дакле, кои є такве врсте саставакъ написао, было є сигуранъ, да му тай у сандуку мольцы поєсти неће, знао є унапредъ, да ће му дѣлце, чимъ готово буде, безъ сваке нѣгове бриге свѣтъ угледати моћи. Но и сама Лѣтопись была є дѣло, и то веће него и коє предидуће, єръ є имала непрестанце излазити. И за ню дакле саму было є нуждно о способу се постарати, како безъ штете, да, ако може быти, и са хасномъ да изилази. И заиста већъ после єдне године свога живота имала бы Лѣтопись изданути, да ніє постала Матица на то, да іой руку помоћи пружи, и ню одржи. Чудновита є свеза између Матице и Лѣтописа. Да ніє было потребе Лѣтопись одржати, небы се, поше у оно време, родила Матица, дакле є управо Лѣтопись мати Матице была. А кадъ се Матица установила, онда се одношенѣ наєданпуть преокрене, и Лѣтопись постане дѣтетомъ Матице. Тако су се

обе еднымъ учиниле: Лѣтопись є Матицомъ живила, а Матица є Лѣтописю дысала. Но Матица є таки съ почетка на ширій темель стала; она є предузела осимъ Лѣтописа и друге рукописне кньиге одъ Списателя куповати, о своимъ трошку печатати, и што маньомъ може быти цѣномъ продавати, и саме печатане потребне кньиге препечаћавати, награде за разрѣшеніе ставлѣны важны за кньижество и просвѣштеніе вопроса опредѣльивати; да — и Новине Србске издавати. Оваково заведеніе было є за наше кньижество нуждно, као за човека кора хлѣба, и могло є, особито у оно време, у кньижеству чуда учинити. Но за то є пре свега нуждно требало свойски и съ ватреномъ ревношћу постарати се и учинити, да се капиталъ баремъ одъ 50.000 ф. в. в. скупи: шта се съ они 1000 ф. ср., кое 1826. одъ 18. и 1827. год. одъ 2. Приложника скупљене видимо, и коима за слѣдующе две године (1828 и 1829) ни єдна крайцара у помоћь пристигла ніе, учинити могло, кадъ є печатанѣ само єдне Части Лѣтописа 6–700 фор. ср. коштало? — то свакій лако разсудити може. Зато є и было, да є Матица са малымъ своимъ средствама остала текъ почетакъ онога, што є имала быти. Па и тако є ово заведеніе са много страна за кньижество србско важно. У нѣму се првый путь макнула кньижевна свѣсть народа; у ньой є увѣреніе, да кньижеству особиту негу дати треба, тѣло добыло; у ньой є првый сталный србскій ферлегеръ устао; съ ньомъ се трговина са србскимъ кньигама родила; крозъ ню є прво повременно списаніе србско основано; у ньой

є постало средоточіе, комъ су се све кньижевне силе клонити имале; у ньой є положена клица дружственог раѣења на полю кньижества; съ ньомъ є положена сила, коя є у кньижеству дѣйствовати имала и онда, кадъ бы на свимъ другимъ странама мртвило овладало. И тако є заиста Матица, изузевши две године и полъ, ево крозъ 20. година увѣкъ на полю кньижества являла се, дошао тамо ко другій или недошао; по мало, али непрестано, радећи, свршила є она, што нико другій кодъ насъ учиніо ніе, ма и 20 пути веће силе имао. Тако є до садъ она 75. Части Лѣтописа и 22 друге кньиге издала, дакле у најнезгоднијимъ околинама, као што смо горе видили, 6 кньига сваке годинс, а ко зна, како се кодъ насъ кньиге издаю, тай мора рећи, да є то доста.

Осимъ ове матеріялно-кньижевне користи имала є Матица и друге благодатне упливе у кньижество србско. Млади таленти оживе, и мѣсто єдногъ другогъ ли имена прошасты година, донесу Лѣтописи вѣнацъ одъ имена надежде пуны Списателя, између кои заслужую, да се овдѣ спомену, будући да имъ є рана смрть украгила срећу већимъ дѣлама прославити се, Стефанъ Стефановићь, и Филипъ Пенћь, духа пуни млади пѣсницы.

Лѣтописъ є у србско кньижество и нѣка дѣла други литература у преводу увео; тамо су нѣке Хорацієве и Анакреонтове оде, нѣке Шиллерове пѣсне, и одломцы изъ Иліяде и Енеиде, и више одломака у прози изъ старій и новій єзыка. И ово є наравно на развіянѣ србски списателя и србскогъ кньижества у

нѣкой мѣри дѣйствовати морало, коє побуђујући, коє управљајући.

Одъ друге врсте био є овай Матице Србске у књижество уплывъ. Одъ нѣ издаваный Лѣтописъ повуче више подобно устроєны списанія: као: Еликонъ, или средство украшенія душе одъ П. Стойшића; Банатскій Алманахъ одъ Д. Тирола; Ружица одъ А. Николића; Цвеће одъ Г. Лазаревића; Сербска Пчела одъ П. Стаматовића; Шумица одъ Д. Младеновића, Голубица у Београду, Грлица у Црной Гори, Далматинскій Магазінъ одъ Т. Петрановића; Бачка Вила одъ Др. П. Іоановића, Коло одъ Ст. Враза и садр.

Не изключително, али по великой части принадлежи и то упливу Матице Србске, што се воля и ревность къ писаню у народу пробудила, и тако видимо, да намъ слѣдующе године обилніе дѣла доносе, него предидуће.

Заведеніе ово было є плодъ саюза І. Хаджића са Мушицкимъ, Магарашевићемъ и Шаффарикомъ. Они су дара пуногъ но ишта онда іошть неучинившегъ ученика коє нѣгове ревности и способности, коє пакъ тога ради у дружство своє узели, што га є име уяка, Епіскопа Петровића, препоручивало, а онъ є у ньима учіо цѣнити књижество и познавати несрећу, коя за књижество одъ тудъ истиче, што нема способа производе таковы умова печатати, и съ тымъ ньи побудити, да све више и веће производе. И тако га видимо іоште 1823. како

се стара у Бечу родолюбце саединити, да Мушицкова Дѣла издаду. Изъ тога, као што се зна, ніе ништа было: али є Хаджићу мисао у глави остала, и после три године 1826. видимо, како на ново у Пешти настои саставити имућніе родолюбце, да се Лѣтопись Магарашевића издавати може. Ово му заиста за рукомъ изиђе, и тако се роди Матица. Но као што у Хаджићу прву мысао Матице и почетакъ исте налазимо, тако съ друге стране нѣно одржанѣ и утемељнѣ у Павловићу видимо, єръ овай є бio, кои є издышућа средства Заведенія своимъ настояванѣмъ попавляо, садъ овогъ садъ оногъ да приложи побуђујући, овай є о томъ радіо, да се Лѣтопису и Матицы высочайше одобреніе прибави, овай є найпосле своимъ Новинарскимъ положаємъ више, него и ко другій, учиніо, да Заведеніе до данашнѣгъ фонда дође.

У слѣдующемъ одсеку нашегъ књижества примѣтити є на єданпуть велику самосталность књижества. Горе смо примѣтили, да є већа часть одъ онога, што смо добыяли, странно былѣ: Одъ 1826. године починѣ се више оригиналны дѣла являти, него превода; одъ исте године видимо, да се наши списательи на своимъ ногама стояти усуђую. И художничка свѣсть починѣ одъ то доба кодъ наши списателя главу дизати: и нико неможе рећи, да се у С. Милутиновићу (Сербіянка 1826.) І. Пачићу, (Пѣснословка 1827.) І. С. Поповићу (Светиславъ и Милева, Милошъ Обилићь, Наодъ Симеонъ и т. д.) П. Петрови-

ћу Нѣгошу (Пустиньикъ Цетинскій 1834.) И. Николићу (Царъ Лазаръ 1835.) Е. Поповићу (Милошіяда 1829.) и Л. Лазаревићу (Владимиръ и Косара 1829.), такови таленти за лѣпу литературу указую, коима подобне у прећашньимъ годинама непалазимо. Исто тако видимо у І. Стеићу, (Забаве за разумъ и срце Ч. І. 1828. Ч. ІІ. 1831. Ч. ІІІ. 1832. Ч. ІV. 1836.) и К. Пеичићу (Пріятельство 1829. Руководитель къ изгубльѣномъ здравлю 1834.) здраве снаге пуне дарове.

Време одъ 1827—1838 године было є време романа и позориштны стихотворенія: любимцы народа были су: Кассія Царица одъ М. Видаковића, Бой на Косову одъ І. С. Поповића, и Добривой и Александра одъ Е. Михайловића; Царъ Лазаръ одъ И. Николића, Светиславъ и Милева, и Тврдица одъ І. С. Поповића, коя оба послѣдня дѣла доживила су ту кодъ насъ особиту срећу, да су за годину дана двапуть печатана.

Године 1834. са IV. Частицомъ морао є С. Лѣтописъ због спольски узрока престати излазити; а слѣдующе 1835. год. почне Ѳ. Павловићъ недельный листъ Сербскій народный Листъ издавати; године 1836. ніє овай новый Листъ излазити могао, него га текъ 1837. видимо, да своє непресѣчено излаженѣ починѣ. Исте 1837. године почне и С. Лѣтописъ напово тећи. Обадва ова повременна списанія уређивао є Павловићъ, кои є тако най-

веће, и скоро єдине силе сербскогъ књижества у рукама имао. Год. 1838. добыє онъ и трећегъ, и то найсилнієгъ фактора народногъ духовногъ живота, т. є. политическе новине, и тако є онъ за нѣколико одъ садъ година право средоточіе србске литературе чиніо. Да ніє Павловићъ быо Учредникъ Лѣтописа кодъ Матице, то пре небы онъ на те мисли дошао, Листъ и Новине тражити и издавати, него што бы, и тако є уплывъ Матице на постанакъ и овы литературны сила ясанъ и природанъ.

Са Листомъ и Новинама почиње се новъ значай у нашемъ књижеству, а то є онай, кои су скоро свію народа књижества са недельнымъ и свакидашньимъ листовима добыла, и кои у ньіовой природи лежи. Такови сирѣчь листови одводе силе одъ већегъ и дублѣгъ дѣланя, и чине књижество плиѣимъ. Кодъ насъ є то морало тымъ већма у очи пасти, што смо мало и писаюћи и читаюћи сила имали. И тако є првы година, после кадъ су ови листови излазити почели, тежко за кою књигу, да излази, чути было. Белетристика, коя є, као што смо видили, у предидући 10. година лѣпо успѣвала, на єданпутъ усане, и покаже се као єдна или друга посрблѣна Новела у Н. Листу или Лѣтопису. Къ овой неплодности морало є и то доста принети, што су се најживостніє силе на списиванѣ Лѣтопису подобны дѣла, као што смо горе примѣтили, дале быле.

Осимъ Листа появи се 1838. године іошть єдно недельно изданіе: Магазинъ за художество, књижество и Моду, али ніє другу го-

дину преживило. Исто тако ніе се задуго обджао ни Будимско-Ештанскій-Скоротеча, кои є 1842. почео излазити, а 1843. већъ престао.

Напротивъ тога успѣвали су недельни Листови у Хорватской: Х. С. Д. Новине и Даница, и Сербіи: Београдске Новине са Додаткомъ, коима є, као што є познато, у найновіе време и Зора Далматинска приступила.

Къ повременномъ книжеству принадлеже и забавницы. Одъ овы смо имали два: Уранію, кою є Давидовићь у Београду 1833 и д. издавао, и Сербску Зору, коя є у Бечу старанѣмъ Г. Грунћа 1836 и 1837. изышла.

За повѣстницу добыли смо у овомъ одсѣку наше литературе Прегледъ битке косовопольске одъ В. Субботића (1840), Милошъ Обреновићь одъ Караджића (1828), Исторія Црне Горе одъ Милутиновића (1835), Исторія Сербіе одъ истогъ (1837 три године Србскогъ воєваня садржећа), Кратка всемирна Исторія одъ Г. Магарашевића (1831.), Наполеонъ одъ Симоновића, Исторія Римска дѣло Голдсмита прев. А. Димитріевића (1841). Осимъ овога печатани су маньи членови о предметима изъ србске хисторіе у повременнымъ листовима.

Отцемъ Србскогъ ученогъ Стихотворства можемо нареѣи Везилића (1788). У 19. вѣку ћутила є србска пѣснопѣвка Вила, съ мало изнимака, до Давидовићевы Новина, у коима є, као што смо већъ рекли, Мушицкій свое силовите пѣсме; Гласъ Народо-

любца (1819). и Гласъ Арфе Шишатовачке (1821) печатао. Ове пѣсме, а особито ова друга, биле су сигналъ, да се на све стране пѣвати започне; Арфи Шишатовачкой одзову се са свію страна младостне фрулице. Смрть Болића дала є повода надпѣваню између Мушицкогъ и П. Берића, комъ се дивити мора човекъ, да после онаковогъ майсторскогъ почетка за 20. година у стихове ни да удари. Мушицкій є производећій духъ не само у нашемъ стихотворству, него у свеобштемъ: онъ є особиту врсту ода створіо и свршіо, а то є ода народна. Онъ є за живота само нѣколико свои ода печатао, али є одъ овы свака, као ракетла, дѣйствовала; свака є са шумомъ у литературу ушла, засіяла се, пукла, и трескомъ своимъ духове задрмала, а блистанѣмъ усхитила. Мисли у њима изложене падале су као огнѣне искре на душе читателя, и запаљивале у њима огань любави къ роду и любави къ дѣланю књижевномъ. Све нѣгове Оде текъ су после нѣгове смрти (1837) печатане, и то I. књига 1838. II. 1840. III. 1844. Како є Мушицкій на народъ своимъ одама дѣйствовао, показує та околность, што є на прву књигу нѣговы ода до 1300. предчисленика дошло, число, коє она књига, за кою се зна, да оде садржи, нити є кадъ имала, нити ће скоро кодъ насъ имати. Друге две књиге немаю више одъ по 500 предчисленика, чему истина да є то велика причина, што исте књиге славенске Пѣсника оде садржаваю, али не єдина: башъ да су у њима и саме србске оде изложене, опетъ небы много

више купаца имале. То лежи у природи Мушицкове поезіе: она, као свака поезія тенденціе, побуђује, али на дуже не задржава. Најватреніи поштователь Мушицковы ода мора припознати, да га ништа не позыва къ ньима на скоро вратити се, већъ ако то не, што о єзыку и народу мисли, пакъ жели дознати, како лѣпо Мушицкій о томе говори. Съ овымъ мислимо мы само то казати, да Мушицкова поезія ніе изворъ, изъ кога самъ народъ црпити и напіятисе може; она є на врху брда налазећа се хиппокрина, коя ће свагда нѣкима избраныма одушевлѣніе спрама народа и нѣговы стварій уливати, и текъ посредствомъ овы на самъ народъ дѣйствовати. Ово се већъ и досадъ показало. Докъ нѣки учени Мушицкогъ извађенымъ изъ нѣга мотто-ма формално оплѣњяваю, а други у духу нѣговомъ оде нагађаю, дотле народъ самъ нѣга само по ономъ ужива, што одъ овы посредственика коє у изреченіяма, коє у мислима добыя. У себи сматрана поезія Мушицкова остае єдиственна: тако може само духъ геніима првогъ реда суврстанъ пѣвати. Нити ће и ко и кадъ у той струки тако пѣвати моћи; нити є и ко одъ слѣдующи за ньимъ пѣваца пѣму и само подобанъ. Као свакій великій духъ имао є и Мушицкій много подражателя, али су ови, као обично што быва, случайно узели за суштествено, и странпутицомъ ударили. Многи мисле, како є ту алкейскій размѣръ и рѣчь о єзыку, вѣри и имену, да є ту таки суштый Мушицкій. За законъ непитаюћій, и по томъ лако производный строй споменутотъ размѣра кодъ насъ учиніо є, да є свакій,

кои є знао изискивано число стопа у врсте сагнати, и о єзыку вѣри и имену што рећи, таки Мушицкимъ постати захтѣо. Одъ тудъ є дошло, да є алкейскій размѣръ народу, што оно рѣчь, зубе отрео, и, управо рећи, дотужао му, и свакій може быти увѣренъ, да одъ десетъ, кои бы пѣсму трохеима написану прочитали, деветорица ньи ни почети є неће, како само алкейскій размѣръ смотре. Изъ овога се види, да є Мушицкій великій уплывъ у србско пѣсничство имао. И то є истина; али тай никакве положителне слѣди за будућность имати неће. Као што и другой поезіи, коя о вопросима дана пѣва, полѣ, на комъ плодъ за ню зре, єсть управо животъ, тако се ту и Мушицкова жетва плави. Ко неће радо признати да є велика часть мыслій и осѣћаня народа о себи и своимъ стварма изъ Мушицковогъ духа проистекла? Што є нама садъ познато, наравно, и да неможе другчіе быти, на то се пре 20. година ни мыслило ніе, то є пѣсникъ народа, као са Авале Вила, Гласомъ Народолюбца и Арфе Шишатовачке као сѣме у народъ бацити имао. Єзыкъ Мушицковы ода вѣрно є огледало таласаня, коє є нашъ єзыкъ тамо амо бацало. Онъ се ніе могао до высине Вука у єзыку дићи; што више, у томъ є манѣ срећанъ, него и млађи ньгови сустихотворцы. Уосталомъ онъ є, што се обдѣлаваня єзыка тиче, и Давидовићу, и Вуку притицао. Стихъ Мушицкога често є нераванъ: у ямбу понайвише до зла Бога рапавъ и кртъ, у алкейскомъ размѣру ређе. Али говоръ ньговъ имаде особиту гибкость, пуность и умилятость.

У књижество имао є Мушицкій и личный упливъ, кои видимо у одама Витковићу, Берићу, Светићу, И. Николићу и т. д. Мы га видимо, гди се са Магарашевићемъ и Шаффарикомъ о Вѣстнику (Лѣтопису) савѣтує, гди Вуку сбирку народны пѣсама дає, и крой писмена предлаже, гди се са Давидовићемъ о постиженой жельи (за Новинама) радує.

Подобанъ Мушицковомъ духъ појави се у Сербіянки, кою є србско књижество при излазку вѣчнимъ узкликомъ поздравило, него икою Мушицкову оду, а то съ тога, што є у њой онда више на єдан путъ добыло, него што садъ сва Мушицкова дѣла заєдно чине. Међу тымъ овай узкликъ долазіо є само одъ књижевника, а не одъ народа, на кои є Сербіянка по садржанію своимъ управо упућена. Гдикои књижевницы были су изванъ себе одъ радости, више ньи ударе у пѣванѣ духомъ Милутиновића: сви су славили и хвалили, али мало є ньи Сербіянку цѣлу прочитало, а іошть много манѣ разумѣло, и то башъ у писменномъ смыслу разумѣло, єръ є єзыкъ Сербіянке такавъ, да га на прво читанѣ нико, а на повторено мало ко толико, колико Виргиліевъ у Енеиди, разумѣти може. Народъ є књутіо: и премда Сербіянка у виду народны пѣсама о збытіяма последньи времена у Сербіи ради, дакле народу много више него Мушицкове оде приличи, зато и опетъ кругъ Мушицкови читателя у народу може се великимъ нарећи, кадъ се на оне погледи, кои Сербіянку читаю. Последньи десетъ година показую,

као да є Сербіянка сасвимъ заборављена. И опетъ морамо рећи, да духъ, кои се у Сербіянки явля, ніє обичанъ; што више по єдинственымъ мѣстама судећи, морамо га за єданъ одъ оны духова узети, кои стваряю и руше. Да є Милутиновићъ остао ондѣ, гдѣ се родіо, да науке, кадъ ій ніє могао на край дотерати, ни почињо ніє, пакъ да га є Геній народа на пѣванѣ навео, онъ бы написао пѣсме, коима бы се дивити морали, али овако — Преповѣдаю за єднога селянина, да є тако вешто бадљи изъ ока вадити умѣо, да му се Лѣкари, кои су при томе бывали, начудити ни су могли. Помысле, да є тай човекъ одъ Бога посланъ, да на срећу страдаюћи людій науку о очима усавршн, и одведу га у градъ, да га Окулистики научс, како ће опъ после исту науку на далѣ довести, па му онда доведу болестника, да пробира садъ бадљи изъ ока вадити. Шта є было? Онай човекъ, кои є преће сигурномъ рукомъ копрену са извора свѣтлости и видова скидао, садъ пагаћа горе, него икои одъ оны Лѣкара, кои су му се преће дивили. Узрокъ є тому лако погодити. Діамантъ унутрашню свою цѣну и онда има, кадъ у крилу землѣ лежи, али за люде онда цѣну добыя, и они се ньимъ онда украшую, кадъ се блата опрости и угодный видъ добыє. И по овоме є лако постићи, да є Милутиновићъ, при свой вики, кою су разумеваюћи и неразумеваюћи о Сербіянки подигли были, мало уплива у наше кньижество имати могао.

И зато наша поезія и нема іоштъ собствсногa правца и значая, осимъ у колико тай одъ народны

пѣсама узима. Народне су пѣсме єдна поезія, коя є на наше учено стихотворство дѣйствовала, и све єднако и све већма дѣйствує. И ово є само на наше добро: само бы нуждно было, да се нађе кои духъ, кои да намъ покаже, како треба народне пѣсме сматрати, на шта валя у ньима гледати, и како се има учено стихотворство на ньи пресадити.

У Хрватской има у садашню поезію великій упливъ стихотворство Дубровачко, како што се строя стиха тиче, тако и на начинъ излаганя гледећи, да и у самомъ єзыку. У осталомъ, као што є познато, народна литература у Хрватской почела се текъ у найновіе време развіяти, одъ куда само по себи слѣдує, да о хисторійскомъ домашнѣмъ утицаню разговора быти неможе. О садашнѣмъ пакъ и непосредственно предидућемъ станю литературе наше говорити немислимо.

Др. І. Субботићь.

V.

ПРЕРАВСКА ЗВѢЗДА.

ОБРАЗЪ ИЗЪ ПОВѢСТНИЦЕ МОРАВСКЕ

(по Вилх. Блуменхагену).

Страшна и тежка ноћь висила є надъ Моравскомъ земльомъ, коя се онда іошть Великимъ Царствомъ звала, одъ кое су се онда нѣни сусѣди бояли, и коя се и самимъ унуцыма побѣдителя свѣта Карла опасномъ учинила.

Ніе узбунѣна наравь претила са силама воздуха и дубльине; не, одъ людій су долазиле грозе, кое су люде изъ Божіегъ мира тихе грозовите попоћи изтргле и у пустиню отчаяня бациле. Горе на мирномъ небу ишли су бѣличасти облацы полагано покрай златны гомилица звѣзда равно яту лабудова, кои югъ траже; доле стояле су величествене горе као спаваюћи джинови на меканымъ постеляма ливада, а Мархъ, ниже ньины ногу са сребрнымъ таласима ва-

ляюћи се, пѣвао имъ є тиху успавателну пѣсму. Но дивльи людски чопори нарушавали су тишину; промукло дераиѣ зуяло є крозъ горе и долине, и плашило є зверинѣ, и будило є птице, да су устрашене прнуле и по бледой свѣтлости мѣсеца слѣпе у гушћій шипрагъ одлетале; тамо є шуштало у долини као прегрданъ ватреный сноиъ; тамо є сиктало доле на краю шуме као бѣгаюћа отровна ватрена змія; туђъ, злобанъ народъ бацао є ватру у куће селяна, и якъ, єка и кауканѣ смрти мешало се са праскаюћимъ, разораваюћимъ пламеномъ, єръ ватра є была запалѣна, да свѣтли убіяню, граблѣню и свакой звѣрской вольи.

Но право позориште было є у єдномъ гордомъ граду, кои се юче іошть, неоскверњеной Титанской дѣви равно, у водама Бецве огледао, кои є юче іошть као господаръ долине у пуной сигурности са престола свои синьи стѣна гледао доле на пролазеће са страхопочитаніемъ селяке, као и на чету озбильски брђана, кои су зоромъ на опасно своє дѣло хитали.

Перава, то є име граду, славна своіомъ якошћу у цѣлой земльи Моравляна, а славнія іошть породицомъ, коіой є припадала. Но гди су были орлићи, кои су се у овомъ гнѣзду излегли? Гди су были буздованджіе и коплѣносцы, кои су иначе са овы широки бедемова неизоставну смрть шиляли? — Обієна и разкомадана лежала су велика врата, у дворовима издысали су іошть нѣки одъ моравски стражара, єръ већа часть спавала є у дубокомъ сану, у своіой собственой крви успавана. Туђъ народъ осо-

битогъ изгледа бѣсніо є крозъ ходнике и сале, узимао є, што му се допало, а разбіяо, што му ніе по вольи было. Дежмекаста тѣла показивао є тай народъ; хальине су на ньима тесно стояле, а у поясу ій є широкъ ћемеръ стезао; изподъ широке шилькасте капе падала є црна коврчава коса, а црно око сѣвало є изподъ мрки обрва; образъ и брада была имъ є обрія̀на, али су имъ мрки брцы са обадве стране као курюцы на прса падали; конь є био снажанъ, окретанъ и холъ, кои є овогъ непріятеля донео, на нѣму мало высоко седло; српу равно имали су криве широке саблѣ. Изъ сусѣдне землѣ Маћара дохуяла є ова сила, изъ ненада, летомъ као скакавцы, кои су ту, пре него што ій люди виде, да долазе, и опустоше, пре него што се на обрану и мыслило. Кодъ Цилина прешла є ньина предня чета границу, палила є и грабила є, и гледала є страхъ и ужасъ на далеко у землю прострети, нашла є у Преравскомъ граду првый већій одпоръ, и на нѣму є у ноћномъ нападенію прву найватренію желю ратне бѣсноће заязила.

Већь є борба за градъ престала была, єръ крива сабля Маћара ніе налазила одпора; већь су се гладне гомиле по зданіяма разсуле, што су одъ какве цѣне нашли, то су поузимали, магацыне су обили, и што є тамо спремлѣно было, тымъ су се почастили, оно, што употребити или понети нису могли, то су упропастили. Ни скровиште жена ніе остало, да га нису нашли; пѣжно цвиленѣ чуло се крозъ бѣснећу дре-

ку, и єдно бѣлеће се женско тѣло, єдва одѣћомъ покривено, излети изъ єдногъ прозора доле бачено одъ єдногъ дивлѣгъ вояка, и показивало є, какавъ су ужасъ странцы у оне собе однели. А садъ приступи бѣснилу разораваня и найяростніи одъ елемента. Непазењѣ, бѣсноћа, намѣра употребе стражарску ватру, и за мало часъ букне на петъ мѣста ясанъ пламенъ изъ оплѣнѣны штала и стражара.

Врео пламенъ претвори брзо ноћь у данъ, осія лешевима напунѣне дворове, и истера грабителѣ изъ соба наполѣ. Са удивлѣнѣмъ опазе скупляюће се гомиле єданъ предметъ освѣтлѣнъ, кои є до садъ непримѣћенъ и у тами сакривенъ остао. Усредъ града дизала се округла стѣна и на ньой є стояло зданіе, старомъ каквомъ идолскомъ храму подобно, и у особитой форми галеріомъ и редомъ стубова обколѣно, коіой су са четири стране степени водили, усечени у наравну стѣну. Брзо стичуће се гомиле Маћара подигну на то вику, и свака чета звала є своегъ вођу: Гейза! Михаль! Нашли смо благайницу! Лаве одъ Ередиа, води насъ горе! Тако су сто гласова викали, али воће чекали нису, него єданъ продрзльивъ воякъ узме лучацъ и поће къ каменнымъ степенима, а други одмахъ зграбе друге лучеве и са бойномъ дрекомъ попну се стотина ньи на стѣну, и нагну са жельомъ грабежа и завишћу у галерію тураюћи друга доле, да се на мѣсту одржи.

Спольскій ходникъ одъ стубова обколявао є пространу салу, у кою є нѣколико узацки вратаоца водило. Крозъ ова су се турали и гурали безочни ю-

ришари. Али како се коя гомила унутра утурала, чула се вика ужаса одъ ньи, и крвожедни ови люди притисну се укочени къ зиду, покуляю напољ, и загуше сами врата. И чудесанъ є бьо погледъ, кои су лучеви непріятеля освѣтлявали.

Соба ова была є подобна оружницы, свудъ у наоколо украшена оружіемъ особитогъ грдногъ вида и различногъ начина. У осталомъ была є празна, и само у средъ нѣ седило є на великой столицы съ наслономъ єдно людско лице, само и єдно у великомъ томъ простору, подобно каквомъ идолу, кои су бѣгаюћи свештеницы противъ своє дужности у светилишту оставили, да се само одбрани. Осимъ тога чинило се, да тай, кои ту седи, неприпадлежи овомъ времену, да што више ни самой скоро земльи; тѣло му є было надъ обычномъ людскомъ величиномъ, али се чинило, као да се само изъ костію састои, коє су осушене жиле єдва уедно одржавале. Глава му є была велика гола лубаня, око коє се само узацка єдна пруга косе, беле и као лабудово перѣ мекане, пружала. Лице му є было мркожуто и узораной зимной ньиви подобно, а съ устне и браде спуштала се широка свилена брада до пояса, подобна кожи снѣга белогъ зеца, кои са своимъ црвенымъ ватренымъ очима изъ яме на сунце гледа, пакъ и очи чудесногъ овогъ обытателя града приличиле су къ овомъ сравньиваню: оне су єдне животъ показивале одъ свега, што се на овомъ човеку видило, али останцы живота, кои су се у ове прозоре душе сабили, нису были безъ силе, єръ као што се ватрене кугле у глави

юначке совуляге врте и гореће стрѣле пуштаю, кадъ є даню у нѣномъ буджаку узпемире, тако су бацале вртеће се очи старца ватрене стрѣле на тураюће се унутра непріятелѣ, а ни єданъ другій удъ ніє се мрдную испод пенелясте широке одѣће, кою є златанъ поясъ свезивао, па ни скупоцѣнна мрка медвеђина, коя му є ноге покривала, ніє се ни најманѣ задрмала, чимъ бы показала, да се наймања мишца нападнутогъ стегла, као да мисли напасти на њи или утећи.

Чудесно є дѣйствовао овай старацъ на оне, на кое є погледао; плашльиво слегну се они къ зидовима пружаюћи предъ себе лучце и саблѣ као да се њима заклоне и одбране. А кадъ наєданпутъ єданъ гласъ изъ гомиле повиче: „Бѣжте, ко є радъ животу! То є дивлый Радагастъ, Богъ Морављяна! Бѣжте, нѣгове су очи отровне као єзыкъ гує!“ — онда прође ужасъ крозъ срце дивлѣ гомиле, и урлаюћи као бѣжећи куряцы одврате лица, побацаю лучеве, а гдикои и криве своє саблѣ одъ себе, и потегну на вратъ наносъ наполѣ. Као што се медведи са дрвета, на коє су се узнужали, доле котрляю, тако се ваљше люди узъ гладко обсѣчену стѣну, и текъ онда дођу къ себи, кадъ се на двориштy нађу. Но и было имъ є одъ найвеће потребе обзнанити се, єръ се садъ изпредъ града и острагу изъ горе потмуло заоре велики ратни рогови Морављяна, и Гейзина трумбета звала є на вратма града своє у редъ. Мађари су пожаромъ града сами себи непріятеля на вратъ навукли.

Међу тимъ є горе у соби на стѣни седіо старый отацъ людій, немичући се съ мѣста, као и прећје, само што му є погледъ био мекшій а заєдно и мутніи. Огань бачены лучаца ухвати дрвенарію галеріє, ватрене зміе узпужаю се узъ суве єловске стубове горе, и съ маховиномъ изпунѣна вѣнчаница правила є у наоколо около собе грданъ огнѣнъ вѣнацъ. Али у средъ пламена, дима и жара сѣдіо є сѣдый образъ човека нѣмъ и укоченъ, чудновато грозно освѣтлѣнъ, и погледао є часъ на десно, часъ на лѣво, немакнувши главу съ мѣста, као да пази на подмуклогъ око нѣга вртећегъ се непріятеля, и чува се одъ копля и мача, као нѣгда у дане, кои су далеко, врло далеко лежали, у дане, кои су ћелаву главу подъ теретомъ шлема видили, когъ є позната сяйность страхъ смрти у више народа бацала.

На полю предъ градомъ промене се изгледъ на скоро. Маћари су истина своє хитре конѣ боя жељни лютили, и поставе се лѣпо на пространой ливади, да приближујућегъ се непріятеля на равницу измаме, и после га газећимъ захуктенѣмъ снажны коня униште. Гейза, Кнежевићь, стане самъ предъ найхрабрію чету, и пусти криву саблю сіяти се спрамъ пламена горећегъ града. Али не предъ ньима, не са стране, него свудъ унаоколо око ньи изъ шесть горски продора зуяо є моравскій рогъ, са шесть различны страна свѣта чула се бойна вика Морављяна, како све ближе приступа. Садъ воће хитро къ войводи

дояше: „Сватоплукъ самъ, за крвлю жедньћій краль, иде на насъ, и обколіо насъ є;“ новиче Михаль не безъ єзе; „прано є наше ноћно нападеніе изданю. Зато дай да путъ крозъ гору тражимо, храбрый Гейза, и све потучемо, што намъ на путъ стане, да ова одъ насъ запалѣна ватра не єія при пропасти свію овы юнака.“ —

„Къ истоку се пробите,“ одговори Гейза гласно, кадъ се мало найпре промисліо; „тамо, гди се ено башъ ютренѣ небо руменити починѣ. Тамо ћемо наћи нашу браћу, и господара съ войскомъ, пакъ ћемо се наскоро вратити, да покупимо и то, што смо садъ оставити морали.“ —

Текъ што є ову заповѣсть Гейза изрекао, а коњичке чете окрену се къ истоку, пакъ онда зашуште ньиови редови преко поля, као да туча пада. Непріятельска чета, коя имъ є предъ шумомъ на сусретъ дошла, разпршти се на десно и на лѣво, на землю свалѣни, изгажени и утучени у неочекиваномъ нападенію, и само мало Мађара остану као жертва у средъ разбіене гомиле.

Они, кои су садъ на полѣ пали, и дивлю псовку и проклиняюћу претню за непріятелѣмъ слали, били су люди сасвимъ другогъ народа, тако различни у тѣлу и изгледу, да ій є тежко човекъ могао за сусѣде са оныма држати. Высокогъ узраста, сувонявъ али снажанъ указує се Моравлянъ; отворену косу шишао є на кратко, само са предъ спуштали су се дивльи зулови узъ лице, а съ ньима су се мѣшали густи дуги плави брцы и брада, и падали су по го-

лимъ прсима. Безъ панцира и штита, за кое њиова неустрашимость ни знати ніе хтѣла, махала є меса-ста рука Морављана съ дугачкомъ сабљомъ, грднымъ буздованомъ (гвозденомъ буджомъ) и тежкимъ коплѣмъ на пропасть противника. Само су воѣе носили као покривало заповѣдајуће и савѣтујуће главе силовитый скитскій шлемъ, спомен изъ постојбине њины праотаца, кои є са своимъ далеко у напредъ излазећимъ, лице изза аветиньскогъ гвозденогъ наличія закриваюћимъ ободомъ претећій стасъ юнака іошть грдніимъ, да управо ужаснымъ у битки чиніо.

Шесть малы чета овога народа поюре садъ коракомъ юриша на высину, на коіой се Праравска развалина сіяла, па кадъ су се на краю брежулька састали и познали, дигну воѣе узвикъ ужаса.

„Кропине,“ повиче єданъ бойникъ, кои є већь осѣдіо био, „Заръ ты ниси био у Прерави?“

„Нисамъ, Приборе“ одговори онай другій, „Отацъ ме є био послао, да у момъ окружію борце скупимъ и за кралѣмъ ій противъ нѣмачкогъ Арнулфа одведемъ.“

„А вы, Подстата, Баранко и Лаучко“ повиче разяренъ са стиснутомъ песницомъ онай човекъ, кои є одъ свію найвећій био, „како сте се вы толико могли задржати? Ватра и ратна вика морала васъ є већъ оддавно на мѣсто ваше найсветіе дужности дозвати.“ —

„Непсуй, кадъ немашъ пута, Кокоріе!“ одговори єданъ одъ оны, коима су оне рѣчи речене. „Кадъ є мой стражаръ првый єзыкъ пламена у граду Прера-

ви видіо, сѣдіо є сынъ твога отца веѣь на неосѣдланомъ ждребцу и юріо є са своимъ оружанымъ Ханацыма продоромъ горе.“

„А послѣднѣ іошть вече сишао є твой братъ Лаучко са своимъ найбольимъ батинарима низъ Бецву, и гледао є соколовскимъ окомъ на Прераву и къ врбама преко, да ли каква непріятельска чета сѣдишту отца опасность непоси; тиха, као часъ молитве светогъ Кирилла, лежала є поляна, и мирни вратимо се мы куѣи,“ дода другій.

„А гди є Мистко, отчинъ Веніяминъ?“ запита она грдна людина на ново. Гди су стражари бедемова Преравски, гди су тѣлесни чувари чести достойногъ Одрифауса, и зашто нема никога радостногъ предъ насъ, кои помоѣь доносимо? Маѣари су были она троица, коє є моя рука тамо у тами продора у гори смлатила. Тако вальда є братъ зароблѣнъ, вальда є у робство одведенъ отацъ Саулъ, столѣтный Патріархъ, безсмртный цвѣтъ юначства Моравляна, и нѣгови сынови єсу на свагда окаляни, круна є збачена са главе нашегъ колѣна, сломлѣна є подпора кралѣвски Моимара одъ безсрамне незнабожске руке Маѣара? Горе у градъ, браѣо; ово є ужасъ смртный, што садъ првый путъ у широкимъ прсима осѣѣамъ, и смрть бы была мелемъ за ово куцанѣ подъ єленскимъ пршнякомъ.“ —

„Отче Сауле!“ повичу шесть браѣа, и поюре конѣ къ горећемъ граду, а сви, кои су съ ньима дошли, похите за ньима, и напрасна тишина, коя се на ове чете проспе, указивала є, да ови дивльи люди

дубокій страхъ њини силны поглавица разуму и осѣћаю.

Старый, столѣтный отацъ юнака Одрифаусъ сѣдіо є іошть єднако на своіой столицы у округломъ трему, свудъ унаоколо обколѣнъ растећимъ пламеномъ. У страху и бриги ніе се нѣгово лице промѣнило, само су се нагушће боре на челу сабрале, єръ дебелый димъ вѣтромъ унутра теранъ почео є старой джигерицы досаћивати. Садъ чує гласъ сынова, и широкій просторъ надъ духовскимъ очима поравни се, и снѣгобѣла брада задрмше се, издаюћи насмѣякъ, на кои су се невиђена уста развукла. Садъ со стану стубови и зидови споля кршити и падати, овдѣ и ондѣ и тамо угаси се ватра одъ дрзновены руку угушена, и унутра уђу крозъ петъ различны врата петъ грдны мужева у великой хитньи. Но како опазе старца, таки стану, сви клекну, и тежке гвоздене шлемове поскидавши обрате пуне услужногъ страхопочитанія очи къ средини зданія. Старый Одрифаусъ пусти своє мутне очи преко њи, на то се у разцеплѣной брады две блѣде устне покажу, и шупаль гласъ запита: „Гди су спавали леньи леопарди, и хроми рисови, кадъ є медведъ у пештеру упао, у коіой су они одрастли? Сикира губителя нека одсѣче уде, кои недижу оружіе, кадъ каменѣ къ глави лети!“ —

Клечећи люди ни су ни рѣчи проговорили, само є єданъ на другогъ погледао, као да єданъ другогъ пуди, да се онъ прими посла све бранити предъ лютитымъ отцемъ, али свима є рѣчь на устнама умрла,

кадъ є на шеста врата грдобный Кокоры ушао носећи на рукама крваво свучено тѣло, у комъ су Мистка, наймлађегъ брата, са ужасомъ познали. Кокоры метне мртваца близу до отчины ногу. „Петнаестъ рана,“ проговори при томъ потмуло; „све на челу и прсима! Нађи ми мѣсто, отче Сауле, гди бы іоштъ єдна стати могла! Подъ сребрнымъ орломъ Моимира ніє ни єданъ Моравлянскій сынъ тако лѣпомъ смрћу умрео!“ —

На лицу старца промѣне се боя, єръ мрко жутило прѣће у жуто и сиво плаветнило, къ тому бы рекао, да му се очи на єдаредъ угасише, и напредъ прегнутъ гледао є старацъ дуго са стакленымъ окомъ на мртваца доле, тако, да су му сыпови єдным коракомъ приступили, боєћи се, да другій мртвацъ къ првомъ неспадне. Но садъ зѣнице очію опетъ засійну, равно раздуваным углѣнима, съ дрктућомъ изсушеномъ рукомъ отвори свою одећу, извади са сувы груди малый крстићъ одъ сувога злата, и метне га на широке прси упокоєногъ; онда положи свою десницу на Мистково ладно чело, а съ лѣвомъ превуче космату медвеђину, коя му є ноге сгрѣвала, преко крвавогъ тѣла сыновлѣвогъ. Съ нестерплѣнѣмъ покаже онъ на єдно оружіє, коє є о стубу висило, и кадъ му га Кокоры, кои є отца таки разумѣо, дода, подигне се разкламићано тѣло нагло узъ овай подупирачъ, и стане ту дугачка и аветско страховита сѣнка кнеза боєва изъ давно заборавлѣногъ времена. Оружіє то састояло се у свиленомъ барячићу, на комъ є стрѣла пришивена была, коя є єдну човеческу бра-

дату устну пробила, а горе на сребрномъ дугмету висила є влакнаста брадурина одъ изванредне дужине, коя є крозъ савъ прахъ, кои є на ню нападао, іоштъ свѣтлу пређашню црнину показивала. Око старца дигне се къ барячићу, и дивля радость изникне изъ бразда лица му, и гласъ му се мало по мало осили до хуке водопада у гори. „Познаєте л' вы іоштъ светый стѣгъ вашегъ колѣна“ говоріо є онъ, „вы леньи сыпови племените срне? Заръ сте заборавили, како є нѣга вашъ отацъ Саулъ задобыо, кадъ є іошть малый быо и неяцакъ и Давиду подобанъ, о комъ света кньига преповѣда? Погледайте на нѣга! Іоштъ се віе о нѣму дивля брадурина грдобногъ Бугарина, кои є краля грдіо и честь нашегъ народа ружіо. Неякій Саулъ скресао му є са првомъ сабльомъ уста заєдно са дикомъ браде, оттерао є хулителя безчестно кући, и донео є редкій знакъ побѣде къ столицы свога господара. Гди сте вы таковый знакъ чести добыли? вы, кои ни материнско гньиздо бранити незнате, кадъ гачуће ято врана предъ вечерньимъ облакомъ напредъ лети. Тежко кући старогъ Одрифауса! Најболѣгъ бика нѣговогъ двора поели су куряцы. Єданаєсть сынова нѣговы пролили су крвь предъ очима великога краля; заръ су ови шесть, кои су остали, туђинцы, коє є црна каква Египетска жена у колѣвку нѣгове домаћице крадомъ уметнула?“

„Отацъ Саулъ говори жестоко;“ рекне на ово боязльиво Кокоры. „Света старость валяло бы да праведніимъ човека учини. Праведни сынови већъ су одавно мужевима и отцевима постали, и кодъ ку-

ће имъ се дечацы по песку рву и сиграю. Отацъ Саулъ є заборавіо, да є то давно, кадъ су нѣгови сынови дечацы были на нѣговомъ крилу, и несѣћа се, да є све, и оне, кои су му остали, борити се видіо у свѣтлости кралѣвога штита, и да се Моравлянинъ неплаши толико смрти, колико ляге свога роѣая. Нека отацъ заповѣда, куда, на кою ли страну сынови конѣ да поюре противъ брзогъ Маѣара, свирѣпогъ Немака или тврдоглавогъ Нѣмца; али искати, да сынови усредъ примирія подмукло нападеніе сусѣда напредъ виде, то є одъ пса искати, да славенски говори.“ —

Старацъ сѣвне очима на говореѣегъ. — „Заръ се твоя сабля ніе макнула у корицама?“ запита онъ. „Заръ ти ніе по руцы као муня тамо овамо заигравало? Заръ ниси у сну чуо батъ непріятельски коня? — Ако тога было ніе, то ты ниси правый наслѣдникъ твога имена, єръ Одрифаусъ види напредъ, шта ће доћи, и чує гласове будућности. И онъ вамъ каже, да одъ васъ ни єданъ жети неће, што є посѣяо, и туђинъ ће однети, што є ваше было, и са странномъ крвлю биће дрво, кое є Саулъ у крви посадіо, на ново заливено, пакъ онда ће се у далека столѣћа зеленити, и владати у долинама и на высинама, кадъ име Моравляна давно избрысано буде, и више се у Велехраду круна овогъ царства на юначкомъ челу неузсвѣтли.“ —

Сынови су мутно у землю гледали, само најстаріи, Приборъ запита: „Куда ће отацъ Саулъ да га одведемо? єръ у Перави нема ни едногъ мѣста у

комъ бы се смѣстити могао честидостойный старацъ Моравлянскій.“

Садъ се подигне іоштъ єданпутъ старый Одрифаусъ, кои є у своіой слабости већъ сѣо био. Видило се на нѣму, како се новъ нѣкакавъ ужасанъ образъ предъ нѣговомъ невѣрномъ памећу подигао. Ужасніе него пређе окретале су се нѣгове зацрвенѣне очи, и тражиле су по трему нѣшто, пакъ кадъ то ту ніе нашао, онда рыкне као лавица, коя своє лавче неналази.

„А гди вамъ є сестра Златина? Зашто недоведе нико найлѣпшій цвѣтъ Моравіе предъ мене? Зашто се смирено дѣте ніе сакрыло подъ отчино огртало, кадъ су упропастителыи пробили? Ѣутите? Ни єдномъ бриге ніе до драгогъ камена отчиногъ, до сладкогъ нѣговогъ грозда, до красногъ дѣтета нѣгове старости? Наполѣ вы съ каменнымъ срцемъ нелюди!“ повиче на то тешко дишуѣи, и гласъ му є био промукло урликанѣ: „Наполѣ, и тражте ми дѣте, и донесте ми болѣ нѣно мртво тѣло, да га метнемъ до овога овде подъ медвеђиномъ, болѣ ће ми быти то, него да знамъ, да є окаляно у рукама низкогъ непріятеля. Наполѣ на путъ и у гору! Проклети были, ако животъ вашъ за дѣте ми недате! и докъ Златину опетъ на моє срце непригрлимъ, дотле неће ни єданъ видити лица осироѣеногъ отца. Наполѣ сви у прахъ пута, старый ће се Одрифаусъ већъ самъ потарати о своемъ спасенію, а за васъ є све умрео, докъ годъ свѣтлость свои очію, дѣте своє последнѣ любави опетъ невиди!“

Руке су му се жестоко трзале кадъ є ньима о-гртало на ћелаву главу навлачіо, на коє увіенъ пад-не на столицу, а сынови єдни потрче доле, да се-стру у развалинама траже, а други неодважени и за-бринути за старцемъ, когъ су тако исто яко любили, као што су га се плашили, стояли су ту, и потре-шени нѣговымъ неправеднымъ лютине рѣчма, предо-мышлявали су се, шта да раде.

Али нису само на источномъ краю кралѣвине Моравске овы дана непріятельи ужасъ и грозу рата унели; и на югу є нѣмачка войска границу прекора-чила, пакъ што више и на сѣверу упала є у землю єдна крвижедна гомила Пемака, премда є онда Бо-хемія Феудумъ великогъ Святоплука была, и Хер-цогъ Боривой међу вазалле силногъ Моравскогъ кра-ля числити се морао. Све є ове псе нѣмачкій краль Арнулфъ изъ зависти на Святоплука напуйдао, и знао є тако згодно време изабрати, да се иначе тако позорльивый краль нимало преправіо быо ніє. Три нѣгова сына съ малымъ четама предъ непріятелѣ по-слани, были су побіени, и найбольи градови мора-доше платити, докъ є краль своє борце скупіо и не-пріятелѣ побѣдоносно одбыо.

Было є подне другій данъ после палежа Црера-ве; єданъ младъ войникъ на краю ланца гора, кои Моравію одъ Унгаріе дѣли, крчіо є трудно путь себи крозъ густый шиграгъ честе, кои му слободно у на-предъ корачати допуштао ніє. На првый погледъ бы-

ло є на нѣму примѣтити, да простой гомили Влаха и Ханака непринадлежи, и нѣколико поне капльи ритерске крви у своимъ жилама има, но одѣћа му напротивъ ніе нимало на богатство и высину указивала; пришнякъ одъ єленске коже бьо є калявъ одъ крви и блата, гвоздена плоча на прсима изгубила є была сила одъ углађености и на много є мѣста одъ буздована у борби угнута была; огртало ніе было художничкомъ рукомъ одъ грубе чоє скроєно, а народна капа горе са дномъ одъ четири угля была є црвена, али є была чиста одъ златны кита или сребрны ланчића или скупоцѣнны чапльини перяница. Да є овай младый войникъ родомъ Полякъ, познао є човекъ по нѣговой ношньи, да є за плату у Моравлянской войсцы служіо, говорила є ясно широка, црвено и бело коцкаста бойна свеза, коіомъ є бьо опасанъ. Онъ се звао Петаръ одъ Радковъ; но премда су се нѣгови праотци подъ великимъ Піястомъ одликовали, то опетъ наслѣдницыма толико добара остало ніе, да се могу са Добрынскимъ племићством надметати, и браћа Радковъ заключили су подъ страннымъ баряцыма своє грбове сакрити, докъ имъ срећа недопусти, у старой свѣтлости праотаца опетъ у домовини показати се.

Петаръ одъ Радковъ ніе се могао похвалити, да му є у првомъ бою срећа наклонѣна была. Као што є кодъ Цилина десно крыло унгарске войске у красну Моравію упало и Прераву у пепео обратило, тако є было лѣво крыло одъ Егбела противъ Страсница ударило, на кралѣвску резіденцію Велехрадъ изненада

напасти истина всуе покушало, али войске маньи градова пребушило и съ дивльимъ бѣсниломъ помлатило. У єдну одъ таковы посада припадлежао є и Радковъ, и боріо се са неустрашимошћу, коіомъ су се сынови Вышнѣ увѣкъ одликовали; а кадъ є видіо, да одупирати се ништа не хасни, онда є знао са лукавствомъ свога народа изъ пропасти спасти се, и у гори путь бѣгства изнаћи, кои му є поне животъ и честь избавіо, єръ робство у оно време мало се разликовало одъ срамногъ слугованя. Да се младый войникъ у обрани свога мѣста поштено владао, показивала є нѣгова споляшность. Малы месны рана было є на нѣму пуно, премда му се пршнякъ више одъ непріятельске крви црвеніо, него одъ нѣгове. Узъ бокъ му є висіо балчакъ одъ саблѣ са комадомъ сѣчца, и само горню часть копля носіо є у руцы, и служіо се съ ньомъ више као подпоромъ и путнымъ штапомъ, него као оружіемъ, єръ двадесеть сати вукао се већь младићъ крозъ гору безъ сна и одмора, тако га є терао страхъ, да непадне непріятелю у руке, и само садъ, кадъ є у дальини Мезеричке кровове опазіо, свуче га желя за другoвима и брига за болю рану, него што су дивлѣ ягоде и изворска вода, са безбѣдне высине шума у долину.

Већъ се спустіо быо до края єдногъ продора горскогъ, кои є узацакъ путъ просѣцао, кадъ му оштро око пѣшто необично угледи, и онъ се брже болѣ за шушань, изъ когъ є башъ быо корачіо, натрагъ повуче. Єданъ єдиный коняникъ уяши башъ у тай паръ у продоръ. По одѣлу познало се таки, да

є Мађаръ, и рекао бы да є єданъ одъ господе свога народа, єръ сяйно оружіє, коє є носіо, могло є магнату на дику служити. Конь му є храмао и уморенъ єдва се по ледини вукао. Но више него злато нѣговогъ оружія и оправе повукао є око младогъ Поляка плѣнъ, кои є брадатый Мађаръ предъ собомъ на сѣдлу десномъ рукомъ тесно обгрлѣнъ држао. То є была єдна женска глава нѣжногъ стаса, кои є лака ноћна одѣћа скоро врло невѣрно увіяла, као кринъ бѣле коже и богате плаве коврчаве косе, коя є никаквымъ покрываломъ небранѣна сунцу изложена била. Полякъ се безгранично удиви, дрзновене мысли пролете му крозъ главу, али се чинило, да ій срећно дѣло замѣнити неће, єръ ако око и ніє видило никаквы пратіоца овога крадльивца жена, али є онъ самъ имао изредно оружіє, и быо є на коню, а Радковъ є пешачіо, и само му є половина копля на услугу стояла. Садъ Мађаровъ конь посрне, и єдва га узда управо одржи, а кадъ се узправіо быо, дрктао є сирома свимъ удовима. Коняникъ запсує громовито, пакъ онда спусти даму те на землю склизне, за чимъ и онъ скочи и лупи ногомъ коня у трбу, да се овай на страну поведе, и у траву изкрене, гди се стане валяти, и кадъ се до пола узправи, стане неустаюћи мирисну, росну траву жельно пасти. Мађаръ се међу тымъ хитро по продору обазрео, и ніє ништа примѣтіо, што бы му страхъ улило; жена пакъ пала є на колѣна, па є и она своє ясне очи унаоколо бацыла. Она є опазила горе у шушню войника, на лицу іой є за мало траюћій зракъ радости

сїйнуо, и она склопи беле нѣжно округласте руке, као да за помоћь моли. Радковъ є то на умъ узео, срце му се у прсима яко надими, и онъ науми што науми. Маћаръ зграби жену за руку, подигне є силовито са траве, и одведе є са собомъ на єдно мѣсто, гди є мека трава землю покривала, и ладовито дрво зраке полдневногъ сунца одбіяло. Ту се на зеленый ястукъ спусти, и повуче плашльиво отимаюћу се до себе.

Полякъ ніе ништа могао разумети одъ жестокогъ говора Маћаровогъ, али му є тако было, као да све разуме. Найпре се подсмѣвао онъ боязльивости своє зароблѣнице, после є ню моліо, да му наклоность свою поклони, и бацы продрзльиво яку руку око танкогъ дѣвойчиногъ стаса къ себи є ближе привлачећи; на то му се одъ ярости очи засіяю, као очи гладногъ тигра, онъ повиче на отимаюћу се и стане іой претити, па садъ притисне вриснувшу на своє прси, и нѣгова безсрамна уста прегну се къ нѣномъ чистомъ, племенитомъ образу, и нѣгова црна кушлява брада додирне већъ дѣтиньске нѣне неоскверньене устне. Одъ ярости дркћући, кою себи изтолковати ніе умѣо, напрасно у ватру доведенъ чувствомъ, коє іошть никадъ осѣтіо ніе, приближіо се быо Полякъ у шушню полагано и позорно до близу овогъ двога; садъ се нѣгова рука са шилькомъ одъ копля подигне, съ єднымъ срчанымъ скокомъ было є онъ кодъ ньи, и гвожђе є лежало у месната потильку непріятеля. Младићъ коплѣ у врату рикнувшегъ противника остави, зграби га са обадве руке и баци га далеко у песакъ, пакъ онда дигне дѣвойку са траве, и одвуче є на

десетъ дванаестъ корачаи далѣ, као да ю є хтѣо склонити изпредъ страховитогъ нападенія, когъ се оружія садъ лишеный одъ ранѣногъ непріятеля бояти имао. Али непріятель ніе више силе за нѣга имао; оштро гвожђе дирнуло є у срчь живота, и то є црна смрть была, што є крваво тѣло тако жестоко по трави преметала. Съ узвикомъ побѣде окрене се Полякъ одъ ужасногъ овогъ погледа къ дѣвойки, и само є то викао: „Бѣжи! бѣжи! докъ му нису пріятельи дошли!“ и у шушань узъ гору повуче лаконогу дѣвойку са собомъ, нити се пре зауставіо, докъ подъ мрачнымъ кровомъ прастары растова ніе помысліо, да се доста одъ сваке витлаюће людске силе удаліо.

Садъ се текъ усуди очи на свою избавлѣницу бацыти, и стаяо є нѣмъ ни рѣчице немогући проговорити оддисаюћи предъ прекраснымъ тымъ образомъ, кои му є овде у полусвѣтлости шуме само свѣтліе у очи ударао. Шта су могле славне госпоє нѣгове отачбине метнути на овай стасъ, на прекоземску любкость повлака овогъ лица! тако є помислio у себи. Не, іошть никадъ ніе онъ такову женску видіо, и чисто му се видило, да грѣши, што є пустіо очи, те му тако безобразно муте преко ове небеске дражести, коя му се манѣ сахранѣна видити дала, него што є иначе обичай и срамъ допуштао. Као да є хтѣо какавъ санъ поплашити, пређе рукомъ преко чела и очію; но садъ избавлѣна дѣвойка падне предъ ньимъ на колѣна, и ухвати нѣжномъ рукомъ гайтанъ

нѣгове бойне свезе, пакъ притисне отечественый знакъ тврдо къ своимъ устнама. Онъ є разумѣо нѣмый овай говоръ, подигне прсте као да се заклинѣ и скрсти руке на прси, а главу са страхопочитаніемъ преклони, па кадъ му на то дѣвойка са свѣжымъ яснымъ очима, у коима се повѣренѣ и задовольство сіяло, у очи погледа, пружи іой опетъ десницу и нестрашећи се ничега пође она съ њимъ далѣ у гору. Дуго су они ишли све дублѣ у гору; найпосле запита она тихо: „куда ћемо?“ Са особитымъ нѣкимъ немиромъ прошапуће онъ: „Таки ћемо быти ондѣ, гди те нико неће наћи!“ На ове рѣчи стегне іой опетъ страхъ срце; она помисли, да є и нѣнъ избавитель туђинъ и ратникъ, научень на силу и беззаконѣ, помисли, да є она овдѣ у пустиньи више у рукама овога човека, него што є пређе и у самогъ Мађара власти была, и то учини, да се потайно сва уздркће, да іой се нога затезати стане одъ унутрашнѣ грозе. На ово погледа онъ на ню, и у оку му є тако мека брига сіяла, да іой страха одъ оногъ часа нестане, и да іой се рука и нехотице у благодарности тврђе око нѣговы тврды прстію стисне.

Садъ наступе на єдно отворено шумско мѣсто, коє є трагове нѣгдашнѣгъ пута указивало, коимъ су дрва ношена, али кратка трава, и узацке врсте младогъ шумскогъ цвѣћа показивале су, да овымъ путемъ одавно нико ишао ніе. Таки узъ обрастлый путь дизала се шарена стѣна, а изъ нѣне єдне пукотине жуборіо є єданъ свѣжій изворчићъ, тикомъ коега о-

тварала се узана єдна пештера, коя се чинила да дубоко у стѣну води. Полякъ застане, оддане дубоко, изпусти дѣвойкину руку, и обрише си са бойномъ свезомъ гореће чело.

„Овдѣ се можешъ одморити, ту си безбѣдна,“ рекне онъ, „довде се нико одъ другова твога грабителя усудити неће.“

Дѣвойка, мртва уморна, сѣдне на єданъ великій каменъ, одъ кои є више око пештере разсуто стояло, а онъ одтрчи къ извору, и захити воде у свою чутурицу, коя му є о поясу висила, па пружаюћи є ньой съ тамнымъ лицемъ проговори:

„Ты си сигурно научена изъ лѣпшы судова пити, али ти я ништа болѣ дати немамъ, већъ ако нећешъ сама са твоимъ господскпмъ рукама захитити.“ —

Она хитро узме чутурицу, и онъ є съ пунымъ радости срцемъ видіо, како она полагано ову прекрасну понуду нарави піе. Іошть се она ніе была ни напила, а онъ є већь на страну у дрва отишао, и мало часъ за тымъ ето га гди носи на крову свое польске капе као на таньиру црвены ягода и малина, коє іой у крило саспе, пакъ є онда опетъ и опетъ неуморно одлазіо, да ій више набере, на што шуплыну єдногъ старогъ дрвета зеленымъ лишћемъ постави, пакъ ій у ню изручи. Са осѣћанѣмъ, о комъ ніе знала, зашто іой є тако пріятно, гледала є дѣ-

војка, шта ради. Садъ скине онъ своє огртало, намеће на нѣга сува лишћа и маховине, коју є са дебла дрва огуліо, и однесе то све у пештеру.

Она се тргне, и запита га на што му то?

„Я самъ прошасту ноћь нѣколико часова овдѣ унутри на тврдомъ камену проспавао;“ одговори онъ, „али ты нећешъ нѣжне уде на тврдомъ споду нажулыти. Ако ово грубо огртало и ніє медвеђини или гибкой лабудовини подобно, али ће ти лишће и маховина дати за нужду постелю, да ћешъ на ньой моћи заспати, и неће санове о састанку са твоима поплашити.“

„Я да уђемъ тамо у нутра? Тога неће быти! Мене бы страхъ убіо!“ одговори она.

„Мало дублѣ шири се просторъ већма, а крозъ едну пукотину у стѣни пада доста свѣтлости доле;“ одговори онъ. „Я самъ ютросъ свакій кутъ прогледао; тамо нема никаквогъ грабльивогъ звѣра, пештера є чиста одъ гуштера и змія. Ты можешъ ненарушено спивати о свему, за чимъ те срце вуче.“

„А ты?“ запита она страшльиво и немирна, и при томъ питаню прѣђе іой хитро руменило преко образа.

„Я?“ запита онъ зачуђенъ. „Кадъ самь я тѣлохранителѣмъ кодъ кральице одъ дѣвоякa ове землѣ постао, то знамъ и то, гди ми є мѣсто, и шта є моя дужность, и нећу се дати ни одъ когъ застидити.“

Она намисли тога човека прокушати, да види, шта ће рећи, шта ли хтѣти учинити, и зато гледећи га вребаюћимъ погледомъ проговори: „Я самь сасвимъ малаксала, очи ме и одъ сумрачка на овомъ мѣсту болу. Синоћь ме є тай нелюда, когъ си убіо, изъ отчине куће изтргао, и смртный страхъ ніє ми дао заспати на нѣговомъ сѣдлу. Айде, ако хоћешъ, одведи ме на моє спавалиште?“ При овымъ рѣчма упрла є најоштріи свой погледъ у нѣгово лице, предъ коимъ се ни најманьій повлакъ, кои срце и мисли одкрива, сакрити ніє могао.

„Иди само слободно у твою ладпу собицу,“ одговори онъ миранъ; „я ћу быти буданъ за тебе, и мой гласъ векъ ће те пробудити, кадъ буде време, да далѣ идемо. Богъ, кои є на крсту крвь свою проліо, молиће за тебе кодъ отца, да никакавъ непріятель санъ невиности у опасность недоведе.“

„Тако ты си христіянинъ?“ запита дѣвойка радостна.

„Славени велике равнице дочекали су свете мужеве исто тако гостолюбиво, као што су то и Славени гора учинили, и мы смо научили, да є то дужность, и самогъ непріятеля любити и нѣму помоћи, ако є у несрећи;“ одговори Радковъ.

Чинило се, као да га є іошть за нѣшто запитати хотѣла, али опетъ затвори уста, осмѣне се пріятельски на нѣга, и уђе у пештеру. Садъ скоро плашльиво повиче онъ:

„Али како да те зовнемъ, кадъ зора забѣли?“

„Златина!“ одговори она, и нестане є у тами пештере.

„Златина!“ повтори младиħь полагано. Онъ є ню очима крозъ таму пратіо, докъ є само могао, а кадъ є мракъ са свимъ прогута, метне онъ руку на очи, и рекне самъ себи: „За чудо! за дивно чудо!“ —

(Заключеніе слѣдує.)

VI.

СТІХОТВОРЕНІЯ.

1.

НАША АНКА

одъ П. Прерадовића.

Є л' видите на верхъ брѣга
Гдѣ се бѣли, к'о изъ спѣга
Єдна мала кућарица?
Тамо быва чобаница,
Наша Анка, дѣвче младо,
Обданъ она чува стадо,
А ню обноћь кућарица.

Сирота є паша Анка,
Родъ іой помрѣ безъ останка,
Сама є подъ овымъ небомъ;
Борећи се са потрѣбомъ
Итакъ никомъ се нетужи,
Да іой комадъ руха пружи,
Ил' насити своимъ хлѣбомъ.

Она живи богъ зна како,
Бабе мысле свакояко,
Шапћу сваштa међу собомъ,
Ал' несмію на гласъ съ злобомъ;
Єръ су лажи краткихъ ногу',
А праведность, хвала Богу,
Іошъ корача и за гробомъ.

Лѣпота є наша Анка,
К'о у гори єла танка,
Као єла и высока,
У нѣ церна два су ока,
У нѣ лица два румена,
К'о ниєдна неима жена
Одъ запада до истока.

Радъ любави сладке срѣће
Око нѣ се момчадь креће,
Као пчеле око меда;
Ал' єднака свимъ є бѣда,
Єрбо Анка као серна,
Боєћи се смртногъ зерна,
Бѣжи мужкогъ одъ погледа.

Садъ познате нашу Анку,
Да вамъ кажемъ іошъ и санку,
Коя свудъ се приповѣда,
Єръ є чудна, изванъ реда:
Заспа єдночъ наша Ана
Угорицы кодъ яблана,
На яблану орла сгледа;

Силный ор'о дивѣ ћуди,
Питомъ сиђе ньой на груди,
Зоблѣ бисеръ іой изъ руке,
Кадъ позоба — тежке муке!
Забоде іой пандже яке,
Съ ньомъ се дигне подъ облаке
И спусти ю смерти у руке. —
Кнезъ Орловићъ кадъ сусрѣтне
Нашу Анку рѣчь заметне:
Да му буде люба мила;
Ал' бы Анка говорила:
Богъ ме нећу господине,
Да небуде до истине,
Подъ яблапомъ што самь снила! —

2.

СЕРБСКЕ НАРОДНЕ ЖЕНСКЕ СИГРЕ.

а.)

Сигра Шибльике.

(одъ Екатерине Шероглычь изъ срем. Карловаца кћери Петра земледѣлца).

Увате се деца и мушка и женска у коло, и съ раширенымъ рукама окрећући се овако спѣваю свакогъ редомъ, кои є годъ у томъ ньіовомъ колу, поименце:

Ой Шибльико! Шибльико!
Шибльиръ Везиръ я.

Полюбимъ те я.
Тебе и Тебе
И тогъ Раду до тебе.
(И ту Милку до тебе.)

Кадъ ово извршe, онда коло изврну, т. є. леђа изнутра поокрећаю, и опетъ редомъ зачну окрећући се спѣвати свакогъ поименце у колу: и тимъ се свр-ши Сигра Шиблике.

6.)

СИГРА РАЗБИГРАДА,

или

Ой ты коло малено.

(одъ Александре Іовановићъ изъ Срем. Карловаца кћери Іована земледѣлца).

У овой Сигри скупе се деца и мушка и женска, па онда одброє се колико мушкараца, толико и жен-ски да буде. По томъ мушкарцы се поватаю заруке и стану у редъ на горню страну, и ньіова се страна зове горня или горньій градъ. Женска деца и-сто тако поватаю се за руке уредъ, и стану на доль-ню страну, и ньіова страна зове се дольня или дольньій градъ. Обе ове стране, стану 10. или више коракляя єдна одъ друге далеко, єдна къ дру-гой окренуте. Прва започне пѣвати овако:

Гор. страна. Ой ты коло малено, малено?
Доль. стран. Чуємъ коло големо, големо!
Г. с. Ветаръ душе огнѣвый, огнѣвый.
Д. с. А зашто є огнѣвый, огнѣвый?
Г. с. Черезъ ваши девояк', девояк'!
Д. с. Черезъ наши девояк'! девояк'?
Г. с. Дайте нама девойку, девойку!
Д. с. Мы недамо девойку, девойку.
Г. с. А мы ће мо на силу, на силу.
Д. с. Сила Бога не моли, немоли.
Г. с. Ервеньяча!
Д. с. Ервенъ тута.
Г. с. Кога ћете?
Д. с. Кога вама драго!

У томъ полети по єданъ мушкарацъ съ горнѣ стране, да на дольной страни, гди му се оће, продре у коло, па ако растави коло, онда колико буде на страни оной, коя є одъ нѣговогъ края, све за собомъ на свою горню страну одведе; аколи не растави коло, а оно женска страна нѣга задржи кодъ себе, гди є запео и ніе мого продрети, и тако редомъ сви мушкарцы до єдногъ залећу се.

в.)

ОТВОРЕНО КОЛО.

Увате се деца у коло отворено, па на єдномъ краю стану двоє, ухвате се за руке и подигну исте, да се други изподъ ньи провући могу. Нато съ дру-

гогъ края почну се деца у коло уваћена провлачити исподъ руку она два крайня певаюћи овако: „Отворте намъ капію, капію!“ А они, исподъ кои се руку провлаче ови, одговараю: „Отворена-й іошъ синоћъ, іошъ синоћъ.“ Ако има више друштва, то се онда увате и у два и у три кола, па се надиграваю, коє се коло брже провлачи.

Саобшт. Г. К. Стефановићъ.

VII.

КЊИЖЕСТВО СЕРБСКО.

а.) Нове књиге.

1. Толкованіе Божественне литургіе преводъ съ россійскога трудомъ Николаа Вуиновича, у Будиму 1846. 8. стр. 75.
2. Духовникъ и духовно Чадо, или краткое христіанское поученіе о исповѣди и о тайны св. причащенія, трудомъ Николаа Вуиновича, У Карловцу 1846. 12-мо стр. 39.
3. Басне Чивића књига IV. 8. одъ 275—370. стр. л. п.
4. Богу посвећеный мѣсецъ преводъ по Николи Радочаю ц. к. Оберштеру. У Вараждину 1846. 12. стр. 214. л. п.
5. Народни Славонски Обичаи сабрани и пописани по Луки Илићу Оріовчанину. У Загребу 1846. 8. стр. 316. л. п.
6. Срећко Піянацъ или зло сѣме зла жетва. У Загребу 1846. 8. стр. 52. л. п.

7. Мнѣнѣ о корысти реда сестара милосарђа одъ Анд. Шпанића, са словомъ Еппа Хаулика приликомъ увода истогъ реда држанымъ, у Загребу 1846. 8. стр. 43. л. п.

8. Самоукъ, покусъ парвый одъ Ватросл. Бертића. У Пешти кодъ Баймела 1847. вел. 8. стр. 24. л. п.

б.) Мысли о књижеству.

У овогодишньой Х. С. Д. Даницы бр. 7. преповѣда єданъ родолюбацъ, когъ мы особито цѣнимо, како є у Пешти србскимъ тамошньимъ књижевницыма представіо, да они погрѣшно поступаю у томе, што су одъ нѣкоєгъ времена почели употребльивати посвуда у књижеству име Србско, называюћи и оне књиге, што по Хрватской, Славоніи, Далмаціи, Истріи, и т. д. изилазе, књигама србскима, и єзыкъ, што се ту говори, єзыкомъ србскимъ. Ово се управо односи на Лѣтописъ Србскій, кои є ево и овдѣ на предидућой страни кириллскимъ и латинскимъ писменама печатане єднакимъ єзыкомъ писане књиге у єдно књижество Србско унео. С. Лѣтописъ о томъ се досадь само на єдномъ мѣсту као мимогредъ изясніо, и зато му є добродошла ова прилика, коя га позыва, да се свойски изрази, и браћи Хрватской у любави и пріятельству основе изложи, кои га у томъ руководе.

Свима є познато књижество, коє є у XVI. и XVII. вѣку у Дубровнику цвѣтало. То књижество, по предѣлу Дубровачко, по народу право срб-

ско и было є и нарећи се мора; и свакій онай, кои бы повѣстницу књижества србскогъ одъ оногъ доба, кадъ се тогъ први трагови появлюю, до найновіи дана писати хтѣо, морао бы у њой књижество Дубровачко као особиту епоху чинеће изложити. Као особито нѣко књижество неможе се оно поднипошто узети: — име далматинско књижество незначи више, него: књижество Угарски Србаля, о комъ е пре нѣкій данъ у Іордановымъ Лѣтописима особитый разговоръ воѣенъ, за кое нико неће рећи, да особито какво одъ свію други различно књижество чини, а књижество Словинско не бы ништа друго рекло, него Књижество Шокачко, ако бы у найгорой невольи књижество римокаѳолички Србаля Славонски тако рекли.

У XVIII. и XIX. вѣку стане се опетъ писати, найпре славенскимъ, а после језикомъ, кои су сами писатељи славено-србскимъ назвали, докъ се найпослѣ и овай неуклони, и језику србскомъ мѣсто уступи.

Имамо дакле єдно књижество одъ четири столѣћа, кое є истина велику часть одъ тога времена преспавало, алъ зато нероѣенымъ быти ніе могло, кое само себе србскимъ зове, и кое србскимъ назвати морамо.

Докъ се ово књижество развіяло радили су на нѣму люди изъ различны покраина роѣени, и у различнымъ покраинама живећи, по зато є оно было у вѣкъ єдно и исто, єръ су сви писали језы-

комъ єднымъ и истымъ. Па да є Мађаръ католикъ у Дебрецыну тымъ єзыкомъ писао, нѣгово бы дѣло спадало у књижество сербско, па да є Нѣмацъ Евангеликъ у Берлину тымъ єзыкомъ што написао, нѣгово дѣло имало бы припадати сербскомъ књижеству: мѣсто бо народность и вѣра, као и форма писмена неоснива єдинство књижества, него єзыкъ.

И тако кадъ су око 1835. године у Хрватской єзыкомъ онымъ, кои є до то доба Сербско књижество чиніо, књиге писати почели, са свимъ є наравно, да су исте у оно књижество припадати имале, коє се сербскимъ звало. Друго бы было, кадъ бы у томъ основъ какавъ лежао, кои бы собомъ доносіо, да се досадашнѣ име књижества промѣни, али такавъ основъ нити мы видимо, нити є и ко досадъ указао. И тако, шта є наравніє, него да се у ону рубрику, коя дѣла у сербскомъ књижеству излазећа бележи, све оне књиге упишу, коє єднымъ, Сербско књижество осниваюћимъ єзыкомъ написане, ма гди и ма одъ кога написане, свѣтъ угледаю?

И ово є хисторійскій основъ, кои є Лѣтопись руководіо. Съ друге стране мысліо є Срб. Лѣтопись овако. Два сродна народа, или болѣ реѣи, два колена єдногъ народа, пишу єднымъ єзыкомъ књиге: дакле є са свимъ наравно и праведно, да то књижество наречемо именомъ веће части: єръ трећимъ измышлѣнымъ именомъ чини се и єдной и другой страни неправда, и обадве стране, ако поле чув-

ства народности у себи имаю, мораю се противъ те измышльотине одупрети; а.) маньина свагда и у свачему ceteris paribus већини уступа, и a potiori fit semper denominatio: безпристрастни пакъ люди кажу, да Сербаля има до 5.000.000, а Хрвата само 1.000.000. — У осталомъ нити є ово првый примѣръ, да є кодъ народа, кои разна имена носе, а єдно књижество чине, то књижество име одъ найвећегъ народа добыло, нити ће по свой прилицы последный быти: тако є бывало увѣкъ, тако є было и кодъ све три друге Славенске граде.

Найпослѣ и то примѣчавамо: да мы хрватскій и србскій народъ и єзыкъ за єданъ држимо, — та ніе ли и само име Хрб-(ат) и Срб-(аль) у корену єдно? А кадъ смо єдно, како можемо књижество наше, добро наше обште, другчіе звати, него по имену нашемъ, єдномъ или другомъ, а наравно ономъ, коє є садъ већма у народу разширено?

Што Извѣститель далѣ у Даницы говори: да народъ име Срб у Хрватской, Далмаціи, Истріи и т. д. ни по гласу непознае, то ништа противъ насъ недоказуе, єръ свако друго име іоштъ манѣ народъ познае; а много манѣ іоштъ то за нѣга говори, єръ ако само онымъ именомъ књижество назвати мислимо, коє свуда по гласу народъ познае, то прво: нигда имена обштегъ имати нећемо, а друго: увѣкъ найгоре стои оно треће нѣгово измышлѣно име, коє народъ нигди познавао небы.

Да пакъ име Србъ у народу више живи, него ма коє друго, о томъ се можемо увѣрити изъ народны

српски пѣсама, кое є народъ спѣвао, а ніе одъ „свештеника“ научіо. Ународнымъ пѣсмама, починюћи одъ найстаріи до найновіи крозъ све покраине, у коима Порфирогенитъ Срблѣ намѣшта, народъ самъ себе, ако коимъ другимъ народнымъ, то Србскимъ именомъ называ. Мы ћемо овдѣ пѣколико примѣра навести.

Народъ є знао, да є Царъ Стефанъ био надъ много покраина господаръ, пакъ му народный пѣвацъ дає титулу ову:

„Кадъ се жени србскій Царъ Стефане.“ —

Светый Сава учи господу ришћанску, на што є потрошено благо Неманьино, и каже имъ:

„Већъ є бабо потрошіо благо
На три славна србска манастира“ одъ кои є єданъ Хиландаръ у Св. Гори.

Владике државе Србске ни су само у Србіи били, него и по другимъ покраинама, пакъ народный пѣвацъ вели, да є Душанъ сазвао:

„И четири србска Патріяра“ — и да:

„У Марка су млоге узавнице,
И дванаєсть србскіехъ владика.“ —

Исто тако господари царства србскогъ родомъ и обителю нису само изъ Србіе были, пакъ пѣвацъ опетъ каже, како су до Душана

„И по реду Србски господари.“
И онъ починюћи ньима говорити, каже:
„Чуєте ли сва Србска господо! — “

На Косову є было войске са свію страна србске царевине, пакъ два врана гаврана говоре кнегињи Милицы:

„А одъ Срба и што є остало
Све ранѣно и изкрвављено.“ —

А слуга Милутинъ о истой войсцы каже:

„Ту су млога копля изломљена,
Изломљена и Турска и Србска,
Али више Србска, него Турска.“ За Милоша пакъ вели:

„Онъ остави споменъ роду Србскомъ.“

За исту войску каже и на другомъ мѣсту народ. пѣвацъ:

„У Лазе є силный Србаль био.“ —

Царъ Лазаръ шилѣ слуге на све стране царства и заклинѣ:

„Ко є Србинъ и Србскога рода,
И одъ Србске крви и колена.“ —

„Србска круна, Смедеревацъ Ђурђе“ уговара сватбу са будућимъ тастомъ кралѣмъ Дубровачкимъ Михаиломъ, пакъ му овай налаже:

„Ты незови Срба у сватове,
Већь ты зови Грке и Бугаре“ — а зетъ зове башъ Србе, и то: Дебелиѣь Новака, Сибињанинъ Јанка, Кралѣвиѣа Марка, Релю Крилатицу, Обилиѣь Милоша, Топлицу Милана, Косанчиѣь Ивана, на коя имена пѣва пѣвацъ:

„Саставше се Србске воєводе.“ — Ово мѣсто рекао бы да є зато одиѣвано, да у єзгри народъ

представи, кои српско име носи, будући да су ове Српске воєводе изъ различны покраина были. А нека се нико ненасмѣши простомъ српскомъ слѣпцу, кои Сибинянинъ Янка за Србина држи и издає; мы ћемо, ако Богъ да, у слѣдећой Части Лѣтописа изъ документа доказати, да нити є био Мађаръ ни Влахъ, а за далѣ само то велимо, да му се дѣда по дипломи краля Жигмунда звао Србъ.

Исто тако Стояну Поповићу у Млѣтку Латинскоме говори краль:

„Немой водит' Срба у сватове,
Већь поведи Грке и Бугаре“ —

Црноєвићь Ива пише у Подгорицу Ђури Кукуджићу, нека спрема Подгоричане за сватове,

„Да имъ нема лица ни облика
У сву Српску землю и латинску:
Латини се хоће зачудити
А ономе Српскомъ одіелу“ —

Иванъ є скупіо господу одъ Бара и Улћина, одъ ломше Црне Горе, одъ Куча и Братоножића, и Брдске землѣ, одъ Дрекаловића и Васоєвића, одъ Подгорице и Жабљака, па за све, кадъ се скупе и крешу, пѣва пѣвацъ:

„Те пођоше Српске поглавице“ —

а пећакъ говори уяку за све сватове:

„Када виде све Српске юнаке.“ —

Одъ Котора Іанко, отацъ Іанковићь Стояна, води чету противъ Турака, кое побіе, а пѣвацъ пѣва:

„Срби турску кидисаше войску“ — и:

„Одъ Србаля мало ко погибе“ —

У женитби Іанковићъ Стояна вели пѣвацъ народный, да чудо о Златки дѣвойки:

„Зачуло се у Србске Котаре;
А Сенянинъ Ива зариче се:
„Нити ћу се юнакъ оженити
Ни Србкињомъ, ни другомъ Туркињомъ.“

Комненъ баряктаръ предлаже Сенянину Иви:

„Да уводимъ по Удбине беле,
Да л' су дома Удбински юнацы,
Кои дижу чету на Србина.“—

Куприлићъ везыръ погуби ємца пріятеля одъ Хорвата Мате, а овай нѣга и 30 Турака побаца у воду, пакъ се врати двору, гди су

„Скупила се сва господа Србска.“ — —

А што Србинъ у Хрватской, Славоніи, Далмаціи и т. д. запитанъ, ко є, неће рећи, да є Србинъ, него, да є Рватъ, Сремацъ, Славонацъ, Далматинацъ, Бачванинъ, и т. д. То є сасвимъ наравно: само малогъ уєдно сабіеногъ народа особе име народа увѣкъ на устнама носе, зашто имъ є то и обште и частично, а великогъ и разкомаданогъ народа уди свагда найпре и найпре за особно попредѣлно име знаду, и текъ онда, кадъ се просвѣта на већій степенъ дигне, обште народно име за калпакъ задѣваю. Примѣра ніе намъ нуждно наводити: ти су свима познати. Па и на што намъ други примѣри, кадъ знамо, да се люди єдне фамиліе никадъ име-

номъ фамиліе єданъ спрама другогъ незову, него именомъ особи данымъ!

Морамъ казати, да я управо и незнамъ, шта хоће Г. извѣститель да каже тымъ, што вели, да се народъ у нѣкимъ покраинама незове Србима! Заръ люди нашегъ колена, кои у Хрватской, Славоніи, Далмаціи, Истріи и т. д. живе, и себе покраинскимъ именомъ называю, нису Срби, него друго нѣко колено? Та зла намъ срећа, о онима, кои у Србіи, Срему, Бачкой и Банату живе, неће нико рећи, да нису Србльи: пакъ зато запитай простоту, шта є? неће ти одговорити, я самъ Србинъ, него: я самъ Србіянацъ, или Сремацъ, или Бачванинъ, или Банаћанинъ. По овомъ дакле и они нису єдногъ колена, нити су Србльи? Шокацъ, когъ є дѣда съ моимъ дѣдомъ изъ єдногъ мѣста изъ Србіе дошао, па є после изъ когъ му драго узрока римской цркви прешао, неће рећи да є Србинъ, пошто є живъ; дакле и онъ ніе Србинъ? — Ніе првый поштованый извѣститель Данице, кои на покраинска имена народа Србскогъ указує, — али ніе ни онъ срећніи одъ свію, кои су на то прстъ пружили.

Да се име Србинъ кодъ народа православне вѣре найживлѣ задржало, то є истина, али ваља призкати, да се одъ наше обште народности много и много коєшта кодъ ньи у цѣлости и чистоти сачувало, што се кодъ други изгубило или замутило. Шта одъ туда слѣдує? Слѣдує башъ то, да кодъ ньи изворность тражити треба пре, него ма гди на другомъ мѣсту!

Истина є да православно вѣроисповѣданіє Србиномъ чечини: али нечини ни католичко, ни мохамеданско не-Србиномъ. И тако, што су обитательи Србске Далмаціе и Србске Славоніе католицы, зато нису они престали быти Србима, премда су ови са прелазкомъ добыли име Шокцы а они Славени. Исто тако Ченгићь ага ніе престао быти Србиномъ, ма да турбанъ носи, и саламалећъ виче. И тако смо дошли до тога, да православно исповѣданіе нечини истина Србиномъ у толико, у колико има Србаля и Католика и Мухамеданаца: али да чини у толико, у колико є ясный знакъ, да є онай, кои га држи, Србинъ. Ово дакле вѣроисповѣданіе може се за єдну категорію Србства узети, и ево ћемо таки показати, како се има аплицырати. У Хрватской има доста людій, кои нашимъ єзыкомъ говоре, и у православну цркву иду: дакле су Србльи. Тако є, нисмо се преварили, єръ будући да су стари Хрвати сви римской цркви прешли, шта є наравніе, него да су они нашинцы, кои у православну цркву иду, Србльи? О другой народности, Власима, Грцыма и Руссима ніе овдѣ ни спомена: овдѣ се само о Србству говори. И зато ніе то извѣститель ни спомињати морао, иначе могли бы и мы нѣму рећи, да се државно име за єдну одъ категорія Хрватства узети неможе, будући да бы по имену Хрвата и Нѣмцы, кои у Хрватской живе, Хрватски Славени быти морали. Гди єзыкъ врата отвора, ту разумъ границе вуче, па са єзыкомъ кошкати се, зове се шалити се.

Далѣ каже извѣститель, да прави Хрвати по

старой южной Хрватской, сѣверной Босни, Далмаціи, Славоніи, Истріи исто тако говоре, као што се говори у држави Србской и одъ Србаля угареки. Та то мы знамо и онако, да су то права наша браћа. Мы смо оддавно знали, да су башъ у те предѣле наши Србьи православне вѣре изподъ Турчина гомилама бѣгали и пустольине населявали, па временомъ къ римской цркви прешли и Хрвати постали, єли дакле чудо, да єданъ єзыкъ съ нама говоре? Чудо є, да у тымъ земляма никаквогъ трага нема о старымъ Хрватима, кои су, ако су различно колено одъ Србаля были, текъ другчіе говорити морали, него Срби у средъ Србіе, куда Хрвати нису допрли, да Србљ своимъ єзыку науче. Или є сва разлика између ова два народа само у имену стояла? Тако ће што и быти; тако мы и мыслимо, и по томе Србљ-Хрвате за єданъ народъ држимо, за кое бы већь време было, да се подъ єднымъ народнымъ именомъ сложе, и то у повѣстницы политике, књижества, художества и изображеня прославе, покраинско име свагда поштуюћи и Босанцыма даюћи, што у Босни быва, Црногорцыма, што у Црной Гори роди, Србіянцыма, што Србія створи, Хрватима, што се у Хрватской нађе и т. д. Обште то име мора быти Србско, єръ између имена Србинъ и Хрватъ оно мора надвући: противъ измышлѣногъ каквогъ имена, као противъ неистине, будите увѣрени, да ће свакій Србинъ протестирати!

VIII.

СМѢСИЦЕ.

1. Начала священнаго єзыка Словянъ Вячеслава Ханки, въ Чешской Прагѣ 1846. 8. стр. 47. са 2 таблице у камену резане, на коима се писмена Кириллове и Іеронимове азбуке предлажу. Врло на кратко списано дѣло, али главна начала црквеногъ єзыка ясно предлаже.

2. Geschichte der russischen Literatur, nach russischen Quellen bearbeitet von Dr. I. P. Jordan Leipzig 1846. 8. стр. 190. Одъ почетка русске литературе до Пушкина, као младића. У овомъ дѣлу неналази се каталогъ изданы за то време кньига, него се гледи, да се духъ русске литературе предложи и изясни. И зато се ту само о Ломоносову, Державину, Карамзину, Жуковскомъ, Бакушкову и Пушкину говори, као о онима, кои су у литератури русской епоху чинили, а о другима нѣкима само се мимогредъ по коя рекне. Особито є

занимльивъ членъ о: романтики у обште. Дѣло заслужує, да га свакій зна, кои у литератури ради.

3. Рукописни споменицы Сербаля. (Продуж. види С. Лѣт. 1846. IV. Ч. стр. 148.)

93. Св. Іоанна Златоустогъ постне проповѣди изъ друге поле XV. в. 339 л. на папиру у фол. у мон. Крушедолу.

Почетка и края нема, а и иначе зло сачувано.

94. Св. Іоанна Златоустогъ хомиліе, писане за кнеза Лазара Бранковића (умр. 1457), 424 л. на папиру у фол. у мон. Крушедолу.

После Кнеза Лазара была є кньига владике Максима, одъ когъ є монастиру остала.

95. Св. Іоанна Златоустогъ хомиліе изъ прве поле XV. в. 469. л. на папиру у фол. у мон. Крушедолу.

Овай є рукописъ изпрва принадлежао кнезу Стефану Бранковићу (умр. около 1481?) коега є име на краю стояло, али є избрисано; затымъ нѣговой супруги, кнегиньи Ангелини, као што нѣнъ собственоручный подписъ свѣдочи, кои є доцніе нѣко (у мон. Аргишу?) побрисао; после нѣ владики Максиму, нѣномъ сыну, но и овога є име избрисано; найпосле год. 7027. (1519.) монастиру Аргишу у Влашкой, одъ куда се доцніе опетъ у Крушедолъ вратіо.

96. Св. Іоанна Златоустогъ и други св. отаца избране хомиліе, у бугарскомъ

рукопису, као што се чини съ конца XV. в. на папиру у мон. Шишатовцу.

Ортографіє и діялекта ради заслужує овай рукописъ нѣшто позора, кои истина да є іоштъ цѣо, али у зломъ станю налазисе.

97. Св. Іоанна Златоустогъ хомиліє 88. на брою, съ конца XVI. в. 233. л. на папиру у мон. Бођани.

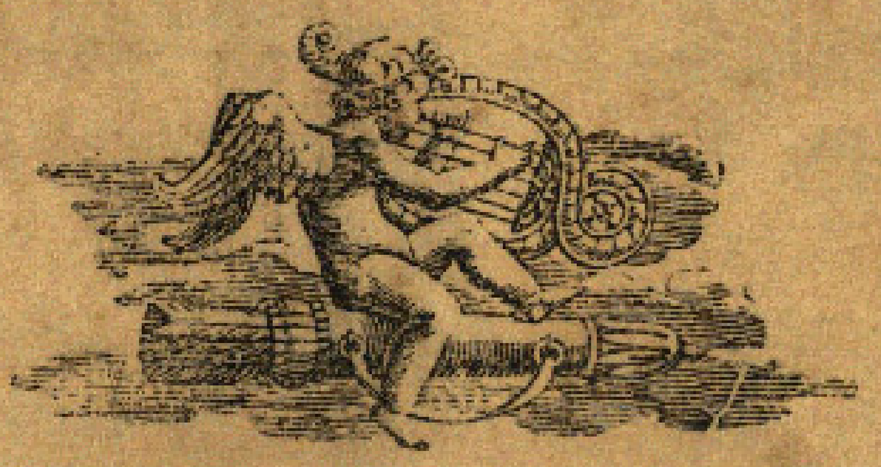
Покойный Професоръ Г. Магарашевићъ описао є овай рукописъ у С. Лѣтописи 1827. Ч. IV. стр. 8. али чини се, да га є за много старіегъ узео, него што се може допустити. Премда се ту гдигди старо ѫ указує, то самъ я опетъ увѣренъ, да є овай рукописъ у Руссіи одъ каквогъ монаха писанъ, и одъ туда на югъ донешенъ. Писмо є у осталомъ врло чисто и лѣпо; рукописъ є врло добро сачуванъ.

Инв. бр. 37122

Учредникъ Др. І. Субботићъ.

22158

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ
Ф Е С Р 11 4
1847/76.1

У БУДИМУ

Писмены Крал. Свеучилища Пештанског.